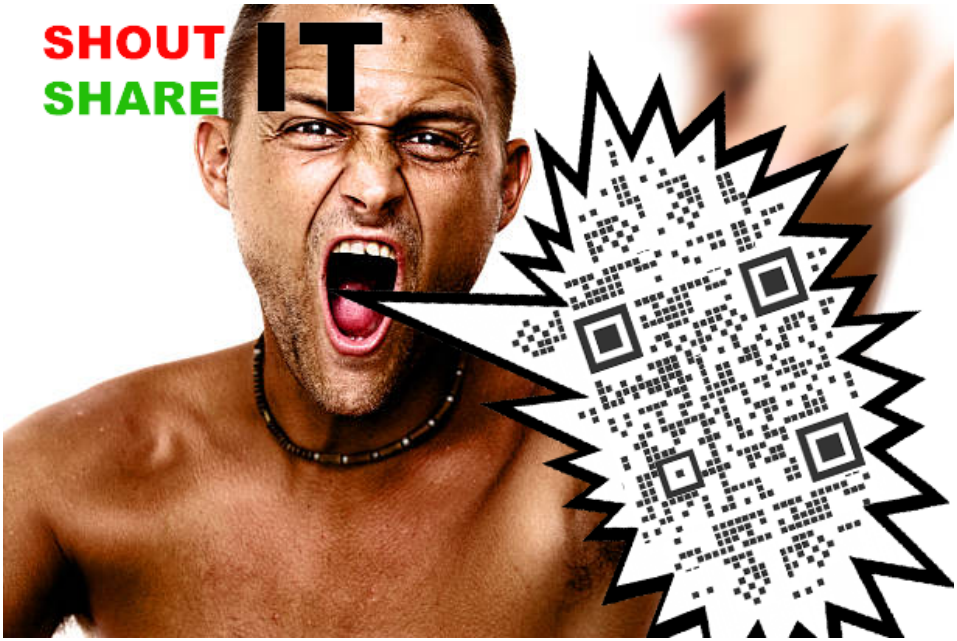
Капитан Старчак (Год жизни парашютиста-разведчика)

Исай Михайлович Лемберик


SHOUT
SHARE
IT

- Лемберик Исай Михайлович

Лемберик Исай Михайлович Капитан Старчак (Год жизни парашютиста-разведчика)

Лемберик Исай Михайлович
Капитан Старчак
Год жизни парашютиста-разведчика

Аннотация издательства: "Капитан Старчак" - документальная повесть о замечательном советском парашютисте-разведчике, проявившем высокое мужество в боях за Родину. Парашютный отряд И. Г. Старчака, действуя на Западном фронте, стал грозой для немецких захватчиков. Автор, военный корреспондент дивизионной газеты, встречался с капитаном Старчаком и другими героями повести летом, осенью и зимой 1941 года, и записи той поры положены им в основу публикуемой книги.

Содержание

Наше знакомство
Лето
Осень
Зима
Та же зима
Весна
Новые встречи

Наше знакомство

1

Зимой тысяча девятьсот сорок второго года кто-то из летчиков первого полка тяжелых бомбардировщиков сказал мне на прифронтовом аэродроме близ Калуги, что Старчак погиб под Юхновом. В этот район в середине января был высажен его парашютный отряд.

Погиб он так. Приземляясь, Старчак провалился в незамерзающий ручей; рядом, по шоссе, двигались вражеские колонны. Капитан стоял на морозе, не шелохнувшись, чтобы не выдать себя и товарищей, высадившихся поблизости. Когда колонны прошли, друзья нашли Старчака уже мертвым и самолетом отправили его тело в Москву.

- Да, был человек и нет, - сказал лейтенант. - Вот память от него осталась. - Он протянул самодельную алюминиевую зажигалку, представляющую собой голову Мефистофеля. - Возьмите, может, родных повстречаете. - Лейтенант покрутил колесико, хотя папироса у него горела.

Докурив, он метнул окурок в сугроб и пошел в штаб эскадрильи, оставляя своими унтами глубокие следы на подтаявшем сером снегу.

Больше я ничего не слышал о капитане Старчаке, и, хотя трудно было поверить, что такой знающий, находчивый и, наконец, удачливый командир погиб, рассказ о том, как он встретил свой смертный час, показался мне горестным, но правдивым. Именно так должен был поступив Старчак, человек, о котором еще при жизни складывали легенды пилоты тяжелых ночных бомбардировщиков - люди, знавшие цену мужеству.

Мало-помалу новые встречи, новые заботы и потери скрыли образ капитана Старчака, сделали его давним и далеким.

Недавно зажигалка попалась мне на глаза и напомнила многое.

Мысль побежала от события к событию.

...Летчик дает мне зажигалку капитана Старчака... Последняя встреча с капитаном перед его вылетом в тыл врага... Беседа в Юхнове в сентябре.

Потом пошли воспоминания, относящиеся к еще более раннему времени.

...Редактор газеты двадцать третьей авиационной дивизии Николай Андреевич Елу махов посылает меня из Медыни в Юхнов к парашютистам.

- Побеседуй, может, напишешь. Народ прелюбопытный.

И вот наша трехоска "ГАЗ-АА", изукрашенная зелеными и коричневыми маскировочными пятнами, идет по влажному от дождя асфальту Варшавского шоссе, то скатываясь по отлогому склону, то взбираясь на взгорье.

Доезжаем до столба с цифрой "210" и сворачиваем на проселочную дорогу. Едем прозрачной березовой рощей по ровной, накатайной колее.

Внезапно шофер тормозит: поперек дороги - бревно.

К нам подходит остроносый белобрысый парень в расстегнутой телогрейке с черным немецким автоматом на груди:

- Пароль?

Показываю редакционное удостоверение.

Парень небрежно берет его, читает и кладет к себе в левый карман гимнастёрки, а из правого достает плоский жестяной свисток, какие бывают у волейбольных судей, и свистит сперва протяжно, потом отрывисто,

Из-за кустов выходят еще двое, тоже с автоматами.

Через минуту объявляют решение;

- Отведем вас в штаб. Возьмите пока свой документ. Шоферу придется здесь подождать. И вот еще что: мы должны завязать

вам глаза...

Несколько минут мы идем по мягкой, усыпанной еще прошлогодней листвой тропе, и провожатые предупреждают время от времени:

- Не споткнитесь, корень.

Где-то в отдалении шумят моторы самолетов, но их гул не может заглушить птичьих голосов.

- Нагнитесь, а то о притолоку стукнетесь, - предупреждают провожатые. Здесь три ступеньки вниз.

С глаз снимают повязку. Мы - в низкой землянке, обшитой тесом. Вижу стол, придвинутый к стене, окно, полузадернутое занавеской, и походную койку, на которой лежит человек в гимнастерке и военных шароварах, заправленных в белые носки. Это капитан: на голубых петлицах гимнастерки поблескивают алой эмалью знаки различия - "шпалы".

Капитан приподнимается, садится на койке, а мне показывает рукой на табурет.

- Слушаю вас, - говорит он, натягивая блестящие хромовые сапоги и подпоясываясь.

Подаю удостоверение личности и, пока капитан, щурясь от ярких лучей, рассматривает документы, стараюсь разглядеть его.

Это худощавый белокурый человек лет тридцати пяти, с твердым подбородком, глубоко запавшими воспаленными от долгого недосыпания голубыми глазами.

Незаметно нащупываю в кармане записную книжку и готовлюсь вытащить ее, но... не приходится. Капитан возвращает удостоверение и говорит:

- Писать пока не о чем, да, пожалуй, и не следует.

- У меня приказ редактора, - возражаю я. - У нас тоже дисциплина.

- Извините, я должен лечь спать. - Капитан стягивает сапоги, и они мягко стукаются о земляной пол. - А редактору так и передайте, что писать ничего не надо... Вы завтракали? - И, не дождавшись ответа, приказывает дежурному, стоящему у дверей: - Накормите товарища из редакции и проводите к машине. Глаза можно не завязывать...

А мне говорит:

- Перестарался, однако, наш патруль...

Мы выходим из землянки, идем по редкому лесочку и оказываемся на поляне, где колесо в колесо стоят три походные кухни.

- А расход почему не заявили? - ворчит пожилой повар.

Дежурный в спор не вступает. Он говорит лишь три слова:

- Велел капитан Старчак...

- Так бы и сказал! - Повар надевает белую курточку, застегивает ее на все пуговицы и берет черпак. - Вам со дна или пожиже? Шофер у вас? И ему нальем...

Когда мы возвращаемся к нашей редакционной полуторке, дежурный говорит в утешение:

- Ты не больно-то расстраивайся. Капитан и в центральные газеты не дает материал, даже киношников гоняет. - И, повторяя чужие слова, скорей всего слова самого командира, добавляет: - Зачем визитные карточки оставлять? Чем меньше о нас знают теперь, тем лучше узнают потом. Нам популярность ни к чему...

Это было в августе сорок первого года. Почему-то и тогда, в то августовское утро, фамилия капитана показалась мне знакомой, словно бы слышанной когда-то.

Так я и не припомнил, где слышал эту фамилию. Но теперь вспомнил.

...Начало июля. По лесам и болотам Полесья отступают разбитые в неравных июньских боях наши кадровые полки, принявшие на себя первый удар. Вот уже неделю идем мы, увязая в грязи, узкой просекой, которая, кажется, вот-вот оборвется, но конца которой нет и нет.

Нашу нестройную колонну ведет полковник Некрасов. Он возвращался из отпуска к месту службы, в Брест, но не доехал: на рассвете двадцать второго июня фашистские самолеты разбомбили в Кобрине его поезд. Добраться на автомашине или на худой конец пешком тоже не удалось: Брест был уже окружен.

Вместе с летчиками сто двадцать третьего истребительного полка и бойцами восемьдесят седьмой авиабазы полковник остался оборонять аэродром.

Задача была решена: немцы так и не смогли высадить здесь десант.

Потом начался наш отход, и вот мы, солдаты и командиры, голодные, усталые, идем уже целую неделю, зная одно направление - на восток, к своим.

Поймав взгляд кого-либо из бойцов, полковник говорит негромко:

- Теперь уже скоро... А там недельку отдохнем, подкормимся у походных кухонь, приведем себя в порядок и - снова в бой. Мы еще увидим, как война на запад оглобли поворачивает.

К рассвету лес кончился, и перед нами открылась долина, прорезанная дымящейся утренним туманом рекой Ясельдой.

За несколько минут ветер сдул туман, и мы увидели за рекой серое шоссе, по которому шли такие же серые, как лента дороги, немецкие танки, бронемашины, грузовики, Вдалеке синел лес.

Мы вернулись в чащу: когда стемнеет, форсируем Ясельду и

перейдем шоссе...

Ночью мы переправились через реку, перебежали опустевшее шоссе и к рассвету добрались до леса.

И опять бесконечная просека, ведущая к иной реке, за которой, как и за Ясельдой, шоссейная дорога, запруженная вражескими войсками. Не по карте узнавали мы такие реки, как Лань, Случь, Птичь...

- Неправда, пробьемся! - говорит полковник Некрасов. И уверенность ветерана передается нам, двадцатилетним, в трудное время начавшим свой воинский путь.

Наступает ночь. Еще одна бессонная ночь первого месяца войны.

Полковник Некрасов назначает нескольких бойцов и командиров в дозор, а остальным велит спать, словно сам не знает, что никому не уснуть.

Тихо в лесу. Не шуршат отзывчивые осины, не перекликаются напуганные людьми ночные птицы. Только слышно, как невдалеке журчит ручеек. Пойти напиться, что ли? Нет сил подняться. Ладно, обойдется...

Издалека доносится гул. Он приближается, становясь все явственней. Моторист из сто двадцать третьего авиаполка обрадованно говорит:

- Свой!

Знатоку не больно-то верят:

- Сейчас он тебе гостинчика подбросит по-свойски...

- Вчера тоже говорили "свой", а он как пошел чесать из крупнокалиберного...

Самолет пролетел низко-низко над лесом, и через минуту шум мотора умолк.

- Приземлился! - определил моторист. - Скорей всего на той полянке, по которой давеча шли. Больше здесь негде. Хорошо, что луна, а то нипочем не сесть...

Прошло минут двадцать, и мы увидели: трое из боевого охранения ведут к полковнику Некрасову хромающего человека в комбинезоне и летном шлеме.

Человек в комбинезоне негромко сказал:

- Мне поручено помочь вам выйти на соединение с войсками. Вот мои документы. А вот карта с обстановкой.

Полковник прилег, накрылся с головой плащ-палаткой и зажег электрический фонарик. Тонкий луч света пробивался наружу, и "ночной гость" наступил на неплотно прилегавшую к траве кромку палатки.

Но вот наш командир выключил фонарь и встал.

- Спасибо, капитан, - сказал он человеку в комбинезоне. - Я

знал, что нас не оставят... И бойцам все время говорил.

- Наши парашютисты сегодня по радио о вас сообщили, вот и послали меня, объяснил незнакомец. Луна закатилась за облако, и стало совсем темно.

- Проводите капитана, - приказал полковник бойцам из охранения и мне.

Мы пошли напрямик, через кусты. Капитан, прихрамывая, шел впереди; он раздвигал ветви и уверенно отыскивал путь.

До полянки добрались довольно быстро, на опушке он распрощался с нами:

- Счастливо дойти!

- А вам - долететь!

Капитан уселся на заднее сиденье, пилот запустил мотор, машина легко покатилась по лужайке и взмыла в темное небо.

Когда мы вернулись, отряд уже был построен в маршевую колонну.

Полковник Некрасов повел нас по таким дорогам, на которых не было вражеских войск, и через три дня отряд перешел линию фронта. Это было неподалеку от Гомеля,

Наш командир сразу же получил назначение; были распределены по разным подразделениям и мы; меня направили в редакцию дивизионной газеты.

Фамилия человека, который помог нам выйти из вражеского кольца, была Старчак. Это я узнал от полковника Некрасова, когда он зашел проститься с нами.

- Старчак, капитан Старчак, офицер связи, - сказал полковник и засмеялся, довольный.

... Все это я вспомнил, глядя на старую алюминиевую зажигалку, и еще раз пожалел, что не разыскал родных Старчака, не рассказал им все, что знал об этом человеке.

Я решил сделать это во что бы то ни стало.

2

До войны Старчак служил в Минске, и поэтому прежде всего я написал туда. Из горисполкома пришел ответ, что никого из родственников капитана найти не удалось.

Сказать по совести, на положительный ответ и не было особой надежды: война разметала семьи офицеров, и жена Старчака, если только ей удалось уехать вовремя, могла оказаться где-нибудь на Урале или, скажем, в Поволжье. Дело осложнялось и тем, что я не знал ее имени.

Нет, надо было, как мне и советовали в Музее Советской Армии, искать в военных архивах личное дело самого капитана. Только бы найти эту папку!

Но в архивных учреждениям личного дела Старчака не

оказалось. Никаких сведений о капитане не было и в Управлении кадров Военно-воздушных сил, и в отделе кадров Воздушно-десантных войск, и в Московском городском и областном военкоматах.

Прошло три месяца, но я знал о Старчаке ничуть не больше, чем когда начинал поиски. Правда, перечитывая комплекты газет первого года войны, я нашел немало очерков и статей, посвященных Старчаку и его товарищам. Но нигде, к сожалению, не говорилось, где же родился командир отряда парашютистов. Как я досадовал, что в свое время, беседуя со Старчаком, не записал этого.

Долго было бы рассказывать о ходе поисков. Пришлось обратиться и в Музей авиации, и в Центральный аэроклуб, где, казалось, должны были найтись товарищи Старчака по парашютному спорту, и в газету "Советская авиация", где в октябре сорок первого года была помещена статья писателя Николая Богданова о богатырском подвиге отряда Старчака, державшего оборону на Угре.

Я позвонил Богданову.

- Как же, как же! Помню, конечно. Погиб, говорите? Очень горько это слышать...

Богданов посоветовал обратиться к писателю Кожевникову, В августе или сентябре сорок первого года Кожевников беседовал в Юхнове со Старчаком, даже, кажется, летал вместе с ним в тыл.

В редакции журнала "Знамя" сказали, что Кожевников уехал в Китай и вернется не скоро.

Неудачным было обращение и в Центральный аэроклуб.

Может быть, безуспешные поиски продолжались и по сей день, если бы не добрый совет научной сотрудницы Музея Советской Армии Евгении Михайловны Кирпонос:

- А не обратиться ли вам в наградной отдел? У Старчака, как вы рассказываете, были ордена. На всех награжденных заведены карточки.

Все оказалось до обидного просто. Стоило ли терять недели и месяцы?

Я позвонил в наградной отдел Министерства обороны, и мне продиктовали то, что было написано на карточке:

"Старчак Иван Георгиевич. Родился в 1905 году. Уроженец Полтавской области, Кременчугский район, село Александрова. Украинец. В армии с 1920 года. Член партии с 1928 года. В 1946 году проходил службу в воинской части номер ..."

- Постойте, постойте! - закричал я в трубку. - Повторите, пожалуйста, последнюю фразу.

Учетчица прочитала еще раз, медленно, почти по слогам:

"В 1946 году проходил службу в воинской части номер,."

- Адрес части указан? - вновь перебил я учетчицу.

- Указан. Московская область. Почтовый ящик номер...

- Большое спасибо!

- А награды списывать не будете? У него ордена Ленина, Красного Знамени...

- Это в другой раз.

Конечно, ошибка. Погибшие не возвращаются... Скорее всего это однофамилец.

Я послал телеграмму "молнию", но, не веря, что капитан жив, не указал его имени и отчества, написал просто: Старчаку.

В телеграмме было всего несколько слов: старый сослуживец Старчака просит позвонить по телефону.

Стоит ли говорить о том, с каким нетерпением ждал я ответа. Каждый телефонный звонок приводил меня в волнение.

Шел день за днем, но звонок так и не раздался. Я уехал в командировку в Заполярье; меня и радовала эта поездка, и огорчала: вдруг позвонят, а я в отъезде?

Через месяц я вернулся и нашел у себя на столе записку: "Просил позвонить полковник Старчак, Телефон такой-то..."

Тотчас же я набрал нужный номер и услышал негромкий, спокойный голос:

- Полковник Старчак слушает.

Довольно сбивчиво я объяснил полковнику, в чем дело, и спросил, когда и где могу с ним встретиться, если только он тот самый капитан Старчак, который...

- Наверно, тот самый... Приезжайте завтра в двенадцать часов.

3

Когда я ехал в электропоезде из Москвы до пригородной станции, где живет Старчак, меня всю дорогу не оставляла мысль: узнаю ли его? Ведь прошло почти два десятилетия... И самое главное: тот ли это человек?

В комендатуре военного городка пропуск выписали быстро, и, выйдя на крыльцо, дежурный показал дорогу:

- Вон, видите стадион? Дойдете до него, а там спросите.

Снег поскрипывал под ногами, красное солнце отражалось в синем зеркале катка, еще не исцарапанного сталью коньков.

Несколько ребятишек, закончив заливку катка, накручивали на барабан брезентовый рукав. Мужчина средних лет, в коричневом лыжном костюме стоял, опершись на палку, и показывал, как и что надо сделать, чтобы в рукаве не осталось воды.

Все были настолько увлечены, что я постеснялся спросить

дорогу и пошел наугад.

Тропинка привела к светло-серому невысокому дому.

Дверь открыла женщина с густыми черными бровями.

- Мне Ивана Георгиевича, - сказал я.

- А разве вы не видели его на стадионе? Мимо ведь шли...

Вот, оказывается, и не узнал я Старчака. А может быть, это действительно не тот человек?

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут в комнату вошел, грузно опираясь на палку, мужчина в лыжном костюме, которого я уже видел на стадионе. Он крепко пожал мне руку и, вглядевшись, сказал:

- А ведь я вас помню. Вы - корреспондент, который заставлял меня автобиографию писать.

- А вы - тот капитан, который так ее и не написал? - Нет, написал, только вы за ней не явились.

Во все глаза смотрел я на Старчака. Так пристально смотрел, что ему, пожалуй, было неловко.

- Почему вы так глядите? - спросил он наконец.

Я сказал Старчаку, что все в первом бомбардировочном полку считали его погибшим.

- В подобном случае, - улыбнулся Старчак, - один старый писатель сказал: "Слухи о моей смерти несколько преувеличены..."

Он постарался тут же перевести разговор на другое.

Спрашивал, что я делал все эти годы, давно ли окончил армейскую службу, где учился, где работаю.

-По журналистскому правилу больше слушать других, чем рассказывать о себе, я отвечал как можно короче и в свою очередь начал расспросы:

- Почему о вас ничего не было слышно с зимы сорок второго года?

- Сохранились ли у вас записи, снимки, вырезки из газет и другие документы той поры?

- Известна ли дальнейшая судьба бойцов и командиров вашего парашютного отряда? И, наконец:

- Как вы остались живы, если вас увезли мертвым?

Старчак ответил по порядку. Он сказал, что до поздней осени сорок второго года пробыл в госпитале, а потом опять летал во вражеские тылы, но знать об этом никому из непосвященных не следовало.

В ответ на второй вопрос он оказал:

- Кое-какие бумаги и снимки жена сберегла, надо только их отыскать.

На третий вопрос Старчак ответил так:

- Очень уж много лет прошло, потеряли мы друг друга из виду.

Последний вопрос был самым существенным.

- Интересуетесь, как живым остался? Об этом лучше спросите не меня, а хирургов из Главного военного госпиталя..

Мы беседовали до самой ночи, говорили о давних событиях, припоминали общих знакомых, которых нашлось гораздо больше, чем можно было бы предположить.

Я говорил со Старчаком и все еще не мог освоиться с мыслью, что передо мной человек, которого не только я, но и многие другие почти двадцать лет считали погибшим. Не мог поверить, что передо мной капитан Старчак.

Но это был он. Те же внимательные, все запоминающие глаза, тот же твердый, волевой подбородок, застенчивая улыбка. Только разбежались от глаз морщинки, тронула седина виски...

Воспоминания взволновали Старчака. Он достал из ящика письменного стола коробку папирос и спросил:

- Спичек нет? Не хочу на кухню идти: Наташа заругает, что закурил. Врачи...

Спичек не было, и Старчак так и держал в зубах незажженную папиросу. Потом стукнул себя по лбу. Опираясь на палку, он подошел к книжному шкафу и взял с верхней полки зажигалку. Алюминиевую, с головой Мефистофеля, точно такую, как та, что была у меня в кармане. Я вытащил ее и протянул удивленному Старчаку:

- Возьмите, Иван Георгиевич.

- Откуда она у вас?

Я ответил, что мне ее дал знакомый летчик.

- Не Ильинский?

- Нет, Ларионов...

- Я ее у капитана Ильинского в рубке оставил.

- А вторая у вас откуда?- спросил я.

- Старшина один, Бедрин его фамилия, позаботился. В госпитале я тогда лежал... Значит, не Ильинский?

Надо было торопиться: скоро последний поезд на Москву, и я распрощался, попросив разрешения прийти завтра, вернее уже сегодня вечером: часы давно пробили полночь.

Много вечеров отнял я после этого у Старчака.

Хоть и сетовал капитан на то, что прошло много времени и все позабыто, однако называл не только имена и фамилии товарищей, но и год и место рождения каждого из них.

Прикрыв на миг глаза ладонью, Старчак двумя - тремя словами обрисовывал человека. Речь его становилась несколько замедленной, и создавалось впечатление, что он, прежде чем

сказать о ком-либо, всматривается в человека и уже потом говорит о нем.

Позже, когда Наталия Петровна, перерыв все ящики, нашла любительские фотокарточки, где были сняты некоторые из тех, о ком говорил Старчак, я подивился его завидной памяти и высказал это. Он улыбнулся.

- Нам иначе нельзя. Вся документация - в голове.

Моя тетрадь, в которой я делал свои ежедневные записи, кончилась, и последние заметки пришлось сделать на обложке, там, где таблица умножения. Трудно было восстановить фамилии некоторых парашютистов, и я выуживал их из статей и заметок о боевых действиях отряда, в том числе и из своих собственных.

Я обратил внимание на то, что, выписывая для себя фамилии из моей тетради, Старчак расположил их не в той последовательности, в какой они шли у меня.

- В чем дело?

- А вот в чем, - ответил Старчак. - Я представляю отряд в строю по ротам, взводам, отделениям. Так мне гораздо легче вспоминать товарищей.

Память не подводила Ивана Георгиевича. Многие, с кем довелось служить, не были забыты им и почти двадцать лет спустя. Старчак решил написать всем, чьи фамилии были в нашем списке. Он обращался в паспортные столы, военкоматы, исполкомы, партийные и комсомольские комитеты, твердо надеясь, что там отзовутся, помогут отыскать его парашютистов.

Старчак знал, что многих из тех, к кому обращены его письма, нет в живых: после того как он их видел, прошло три года войны, да и с победного мая сколько воды утекло... И все же написал всем, как бы делая запоздалую проверку тем, кто вместе с ним сражался летом, осенью и зимой сорок первого года в тылу врага.

Многие, очень многие не смогли отозваться на этой перекличке: кто был убит в снегах Подмосковья зимой сорок первого года, кто погиб при высадке десанта на белорусской земле, кто сложил голову в других местах и землях.

Скорбные вести о потерях приходили к Старчаку в письмах, присланных матерями и сестрами павших, и я видел, с какой болью читал этот мужественный человек горестные строки.

Немало было писем от однополчан: на столе Старчака можно было увидеть конверты с почтовыми штемпелями Москвы, Ленинграда, Свердловска, Владимира, Кольчугина, Горького, Раменского, Александрова и других больших и малых городов. В каждом из этих писем- и в строчках, и между строк - сквозило чувство радости: "Старчак жив, с ним можно увидеться!.."

Мне пришлось присутствовать при многих встречах Старчака с товарищами.

Я не без тайной мысли разыскивал Старчака, собирал материалы о нем. Мне хотелось написать книгу.

Но теперь, после бесед с ним, мне стало казаться, что сам Старчак сделает это лучше, Я сказал Старчаку, что хорошо, если бы он попробовал написать о себе и своих товарищах.

Иван Георгиевич, подумав, ответил:

- Нет, не возьмусь. Не получится.

Объясняя свой отказ, Старчак ссылался на литературную неопытность и иные причины, которые я не мог признать основательными. Он - хороший рассказчик, да и перо в руках привык держать: пишет специальные труды.

Но он стоял на своем.

И все же я долго колебался, прежде чем решиться. В самом деле. В десантных войсках я не служил, с тактикой воздушной пехоты знаком понаслышке. Правда, я считал, что в действиях десантников много общего с действиями наземных войск и мне пригодятся знания, полученные в пехотной школе. А потом, успокаивал я себя, люди, о которых доведется писать, помогут разобраться в новых для меня делах, укажут на ошибки...

Так я решил написать о тех, кому когда-то, в первый год войны, посвящал торопливые заметки в дивизионной газете. Мне захотелось рассказать об этих отважных людях обстоятельнее и, если удастся, теплее, чем это было сделано в то время.

Обо всем не напишешь. Я взял лишь год в жизни своих героев, вернее еще меньше: лето, осень и зиму трудного сорок первого года.

Лето

1

Я спросил Старчака, страшно ли прыгать с парашютом.

Он ответил:

- Страшно - не то слово, но и перед тысячным прыжком волнуешься. Умом понимаешь: все будет в порядке - опыт есть, парашют уложен как следует, высота достаточная. И все же... Ведь ты лишаешься на время какой-либо опоры.

И действительно, ты идешь по земле, плывешь по морю, летишь в самолете под тобой грунт, вода, металл... А здесь выходишь на крыло и прыгаешь, можно сказать, в ничто. Конечно, в тысячный раз прыгнуть много легче, чем впервые. Но - не в тысячу раз...

Так ответил Старчак на мой вопрос, не рассказав по обыкновению о себе.

Мастер спорта Алексей Белоусов сказал мне при встрече:

- Старчак - это талант. Сейчас таких много, а четверть века назад их по пальцам можно было перечесть. Он одним из первых стал прыгать не только из петли Нестерова, но и из таких фигур высшего пилотажа, как штопор, переворот, пике, виражи...

У Старчака сохранилась летная книжка, где записаны все прыжки, начиная с тридцать второго года. Указано здесь, с каких самолетов совершены были прыжки. Прыжков - много. Старчак самым первым в нашей стране совершил тысячу прыжков. На жетоне, подвешенном к его значку мастера парашютизма, выгравирована цифра 1096.

Прыжок прыжку рознь. Есть, оказывается, обыденные, легкие, а есть сложные, например, в горах или на море. У Старчака были и такие. В его летной книжке записано 89 ночных прыжков, 36 - с самолетов, совершавших фигуры высшего пилотажа, 87 - затяжных. Одна такая затяжка продолжалась 72 секунды.

Я обратил внимание на записи, касающиеся тысячного прыжка. Он был совершен двадцать первого июня сорок первого года неподалеку от Минска.

- Этот прыжок чуть было не стал последним в моей жизни, - сказал Старчак.

И, как я ни бился, не добавил ни слова.

Можно было бы порасспросить Наталию Петровну, но я не решился расстраивать ее печальными воспоминаниями. Для себя же сделал заметку: узнать окольным путем про этот злополучный тысячный прыжок.

Случай - добрый помощник изобретателей и журналистов - пришел на выручку.

Отыскался человек, который перед войной был как говорится, правой рукой Старчака. Это - укладчик парашютов Иван Андреевич Бедрин.

На этот раз зрительная память не подвела меня. В начальнике планового отдела одного подмосковного завода я узнал того самого десантника, который когда-то вел меня с завязанными глазами в землянку к Старчаку.

Бедрин и рассказал мне о тысячном прыжке Старчака.

Дело было, как уже сказано, двадцать первого июня, в субботу.

Всю неделю капитан проводил сборы инструкторов парашютной подготовки. Сборы уже заканчивались, и Старчаку оставалось совершить показательный прыжок с новым парашютом, сконструированным инженером Мироновым. Выпрыгнуть надо было с самолета, идущего на особенно большой скорости.

Самолет - над аэродромом. Люди, сидящие на траве, видят/

как от машины отделяется точка.

Проходит несколько секунд - и в небе возникает круглое белое облачко... Нет, это не облачко, это - купол парашюта, больше сорока квадратных метров белоснежного шелка.

Бедрин, запрокинув голову и придерживая пилотку, любуется Старчаком, ловко управляющим парашютом. Шелковый купол, повинуясь человеку, перебирающему стропы, то принимает форму огромного зонта, то вытягивается...

Но что это? Почему ноги Старчака заносит куда-то в сторону? Как же он приземлится?

Старчак опустился на противоположной стороне поля и, пока Бедрин и другие инструкторы добежали, успел погасить купол.

- Что случилось? - спросил, задыхаясь после быстрого бега, Бедрин, видя, что капитан не встает с земли.

- Видно, нога подвернулась, - морщась от боли, ответил командир.

Подпрыгивая и громыхая на выбоинах, подъехал небольшой темно-зеленый автобус с красными крестами на стеклах.

Капитана положили на носилки.

- Предупредите жену, - сказал он. - Поделикатнее...

Бедрин стал собирать парашют и увидел, что круговая лямка подвесной системы порвана. Вот почему Старчак так неловко приземлился: он одной рукой держался за свободный конец лямки... А если бы ему не удалось поймать этот конец?

Все были взволнованы, но больше всех, пожалуй, Бедрин: парашют для Старчака укладывал он, а что может быть страшнее мысли: по твоей вине чуть не погиб товарищ.

2

В палате, куда поместили Старчака, все три койки были свободны, и он выбрал ту, что у самого окна. Лег, положив ногу в лубке на кроватную дужку, укрылся с головой простыней, попытался заснуть.

Сон не приходил. Мысли неотвязно вились вокруг сегодняшних событий. И наконец со всей остротой осознал он, что сегодня, всего несколько часов назад, едва не разбился...

К вечеру, когда боль немного утихла, захотелось есть: как-никак без обеда остался.

Санитарка, которую он позвал, сказала, что придется потерпеть до ужина.

Попросил свежую газету - тоже отказ: почта еще не пришла.

Старчака разбудил тихий шелест: ветер перелистывал на подоконнике раскрытую книгу. Так бывает. Стреляй над ухом из пушки - не услышишь, а принесет утром почтальон газету и зашуршит, запихивая ее в ящик, - сразу проснешься.

Старчак включил лампу, стоявшую на тумбочке, и взял книгу.

Книга была о войне. Но не о той, которую уже вели на море и в воздухе немцы и англичане, не о сражениях в Сирии и Ливии, не о боях в Северном и Восточном Китае.

Книга; оставленная на подоконнике, говорила о будущей войне, о войне, которая уже вплотную подступила к нашим рубежам. Книга как книга. Но у автора получалось так, что, напав на нас, противник сразу же ослабеет и не составит труда одолеть его. Один удар - и все.

Верить в это было заманчиво. Но не верилось. Война - всегда дело тяжелое, а в то время, вспомните, во всем мире мы были одни-одинешеньки. Против нас Гитлер собирался двинуть армии всей Европы. Арсеналы десятка стран выпускали для него орудия, танки, самолеты. На Востоке готовилась к прыжку Япония...

Пришел главный хирург, размотал бинты, прощупал ногу и сказал:

- Легко отделались. Перелома нет, только связки повреждены. Через месяц-полтора выпишем.

Если бы знал этот хирург, что будет завтра!

3

Назавтра началась война.

Нам, служившим на самой границе, о войне не объявляли. Мы увидели ее начало своими глазами.

На рассвете показались над Брестом летевшие откуда-то с запада правым пеленгом эскадрильи двухмоторных бомбардировщиков. Самолеты шли высоко, и опознавательные знаки нельзя было различить. Но мы чувствовали, что это чужие: наш сто двадцать третий истребительный полк был пограничным... Разрывы бомб и трескотня пулеметов подтвердили нашу догадку.

Аист, дремавший на крыше нашей контрольной будки, всполошился и низко-низко над землей полетел куда-то прочь, быстро махая крыльями. И подумалось: мирной птице не место в громыхавшем железом небе.

Несмотря на воскресенье, наших летчиков оставили дежурить на аэродроме. Вот почему они сумели сразу же поднять самолеты в воздух.

В небе шел бой. Первым самолетом, сбитым в районе Бреста, был фашистский бомбардировщик. Он упал где-то около Кобрина...

Силы были неравными. Немецкие истребители, сопровождавшие бомбардировщиков, превосходили наших "ишаков" и "чаек" в скорости и вооружении" у противника было намного больше машин.

Новые яковлевские истребители, доставленные в полк на прошлой неделе, еще не были собраны, и ящики с узлами самолетов так и остались нераспакованными.

И все же наши летчики дрались до тех пор, пока в баках оставался бензин.

Около часа продолжалось воздушное сражение. Не ожидавшие столь яростного сопротивления, немецкие авиационные начальники посылали все новые и новые эскадрильи "мессершмиттов". Немало безыменных героев сто двадцать третьего полка погибло, но и во вражеских эскадрильях тоже недосчитались многих.

И все же в небе господствовали самолеты противника. Они шли волна за волной на восток, на Минск...

Я видел все это и, когда Старчак рассказал, что начало войны застигло его на госпитальной койке в Минске, понял, как тяжело ему было в то воскресенье. Ведь он, прикованный к постели, не мог стать в строй бойцов, хотя готовился к этому все двадцать лет армейской службы.

4

Бомбы обрушились на белорусскую столицу. Старчак знал, что на подступах к городу его товарищи-летчики ведут жестокие бои. Сражение не на жизнь, а на смерть развертывалось в минском небе, и капитан даже в окно видел, как наши истребители вторгаются в строй желто-черных вражеских бомбардировщиков. К реву моторов присоединялся гул зенитных орудий, треск пулеметов, и этот шум не стихал ни на миг.

В полдень в госпиталь забежал старшина Бедрин. Он принес Старчаку пальто, документы, папиросы.

- Перебазируемся, - сказал он, - куда - не знаю.

Ни Старчак, ни Бедрин и думать не могли, что через несколько дней наши войска оставят Минск. Вот почему Бедрин со спокойной душой прощался с капитаном.

Когда старшина ушел, Старчак попросил санитарку, чтоб раздобыла где-нибудь репродуктор. К, вечеру она принесла динамик и включила его. Шла передача из Москвы.

Диктор читал указ о мобилизации и объявлении в отдельных местностях страны военного положения.

Военное положение.. .

Капитан попытался сделать несколько шагов, но острая боль заставила его опуститься на койку. Значит, надо лежать и ждать.

Объявляли воздушную тревогу, и ходячие больные, как их называли санитары, спускались в бомбоубежище. Тех, кто не могли передвигаться, переносили на носилках.

Когда санитары пришли за Старчаком, он поблагодарил их за

заботу, но оставить палату отказался.

- Приказ начальника госпиталя. Надо подчиняться, -строго сказал молодой санитар и добавил: - Нам уговаривать некогда.

- Ладно. Только без носилок.

Опираясь на плечо санитара, то и дело останавливаясь, Старчак добрался до подвала, где было оборудовано бомбоубежище...

Прошел день, другой, третий... Старчаком овладела тревога.

Налеты участились. То в одном, то в другом конце города раздавались взрывы. Чад пожаров достиг госпитальных окон.

Пожарные не успевали тушить пламя, огонь перекидывался с одного здания на другое. Ночью было светло, как днем. По коридорам госпиталя разносились гулкие удары подкованных сапог: соседняя воинская часть помогала увозить раненых.

В палату, где лежал Старчак, принесли еще двоих: майора из истребительного полка, прикрывавшего Минск, и молодого лейтенанта - летчика этого же полка. Оба они были ранены в первый же день войны: майор - в живот, лейтенант - в ногу.

Майор знал, что дела его плохи, что он, как сказали врачи, нетранспортабелен. Он старался не стонать, чтобы не беспокоить Старчака и лейтенанта.

- Что же за нами не идут? - спрашивал лейтенант. - С первого этажа всех увезли, и со второго, и с нашего... А за нами не идут.

- Придут, - ответил Старчак. Он раскрыл дверцу тумбочки, взял с полки несколько пачек папирос и отдал их майору.

- Кури, "Курортные", феодосийские...

- На что мне столько?..

Наступил вечер, потом пришла короткая ночь; не потухая, горел в углу красный глазок папиросы.

- Не идут за нами, - шептал Старчаку лейтенант, - забыли...

Утром майор сказал Старчаку:

- Знаешь что, Иван Георгиевич, вам с лейтенантом нет смысла ждать... Добирайтесь до автострады, а там кто-нибудь подберет.

- А ты?

- Я - нетранспортабельный, - майор слабо улыбнулся. - Дай-ка еще пачку, попросил он.

Старчак достал из тумбочки оставшиеся папиросы я, поскрипывая непомерно длинным костылем, принес их майору...

- Теперь надолго хватит, - усмехнулся тот. - На всю жизнь...

- Не могу я тебя оставить, - сказал Старчак.

- Иван Георгиевич, дорогой, ты еще повоюешь, а я... Лейтенант еле сдерживал слезы. Ветер перебирал на подоконнике страницы книги о войне...

- Ну, пойдем, что ли? - Старчак надел свой кожаный реглан.

Майор закрыл глаза. Он уснул или сделал вид, что спит.

- Мы пришлем за тобой, - сказал Старчак.

Майор не отвечал.

Лейтенант тихо притворил дверь.

- Как же сходить? - спросил он. - У меня нога не сгибается.

- А вот как. - Старчак лег животом на перила и, придерживаясь за балясины, стал спускаться.

Парадные двери госпиталя были распахнуты настежь. Шелестели подхваченные сквозняком бумаги, они валялись по всему вестибюлю.

5

Морщась от боли, которую причинял ему каждый новый шаг, и поддерживая лейтенанта, Старчак миновал госпитальный сад и добрался до улицы.

Они забрались в придорожный кустарник и легли на мокрую от росы траву.

Впереди, под горой, видны были безглазые коробки зданий. А сзади, на холме, белел уцелевший Дом Красной Армии.

- Я в ту, субботу на танцы туда ходил, - вздохнул лейтенант.

Где-то неподалеку послышались, шаги, показались двое пожарных в брезентовых робах. Капитан окликнул их. Они остановились в недоумении, потом подошли.

- Там, в госпитале, раненый. На третьем этаже, в тридцать пятой палате, сказал Старчак.

Пожарные побежали через сад в госпиталь.

Старчак и летчик не дошли и до поворота, как пожарные догнали их.

- Умер он, - сказал один из пожарных и протянул Старчаку пистолет майора. Одного патрона - Старчак сразу обнаружил это - в обойме не хватало.

- А носилки для вас, - добавил другой, пожилой, усатый, степенный.

- Я, пожалуй, сам дойду, - сказал Старчак. - А лейтенанту помогите.

Пожарные положили летчика на носилки и направились к шоссе,

- Вот почему за нами не заехали, - лейтенант, свесившись с носилок, показал Старчаку на опрокинутый автобус с красными крестами на уцелевших стеклах. Рядом, метрах в двадцати, зияла на асфальте глубокая яма.

Что же было потом?

...В напряженной тишине опустевшего города послышался шум автомобильных моторов.

Старчак и лейтенант забрались поглубже в кустарник.

Автомобили - это были грузовики - приближались. Старчак разглядел в уже сгущавшихся сумерках, что на крышах кабин укреплены станковые пулеметы.

- Наши, горьковские, - облегченно вздохнул лейтенант.

- А что, немцы не умеют на таких ездить? - возразил капитан.

Только когда грузовики приблизились к кустам и послышалась русская речь, Старчак понял, что это - свои. Он крикнул:

- Эй, на машинах!..

Это был летучий подрывной отряд. Саперы ехали в Борисов.

Первой мыслью Старчака было: на аэродром! - и он высказал ее командиру подрывников. Тот махнул рукой: там уже никого из наших нет...

Старчака и летчика усадили в кабины, рядом с водителями.

На рассвете, когда колонна была уже в пятидесяти километрах от Минска, бойцы, ехавшие на головном грузовике, забарабанили по крыше кабины.

Машина остановилась. Командир, старший лейтенант, сидевший рядом с шофером, открыл дверцу:

- В чем дело?

- Немцы!

В самом деле, на горизонте виднелось несколько "юнкерсов" - трехмоторных немецких самолетов. Их неубирающиеся колеса напоминали птичьи лапы...

Командир подбежал к Старчаку:

- Что будем делать?

Самолеты разворачивались над клеверным полем, розовевшим метрах в пятистах от шоссе.

- Уничтожать десант, который они сейчас выбросят. И действительно, из первого самолета стали выпрыгивать парашютисты.

- Двенадцать, - сосчитал Старчак. Столько же было и на втором "юнкерсе", и на третьем...

Пулеметы, укрепленные на кабинах грузовиков, открыли огонь, во большинству парашютистов уже удалось приземлиться, и они готовились к бою.

Саперы, сняв пулеметы, побежали к месту выброски десанта.

На дороге, у грузовиков, остались Старчак, раненый летчик и водители.

- Ну что ж, займем оборону, - сказал Старчак.

Он велел шоферам загнать машины в довольно глубокий придорожный кювет, указал, где каждый должен вырыть себе окоп.

- Как будто на год здесь остаемся, - недовольно сказал один

из шоферов, все равно через полчаса в Борисов уедем,

Старчак взглянул на бойца, и тот, замолчав, стал вырубать лопатой крепкую дернину.

С клеверного поля доносились пулеметные очереди - саперы вели бой с десантом.

Над автострадой со свистом пронеслись истребители. По асфальту зачиркали пули.

Потом показался "юнкере". Из раскрывшейся двери стали выпрыгивать парашютисты.

- Огонь! - скомандовал капитан.

Защелкали ружейные выстрелы. Но большого урона десанту они не нанесли: только двое парашютистов были ранены.

Немцы подползали к нашим бойцам, укрываясь в густом кустарнике.

Старчак впервые сталкивался с немцами так близко. Он видел их разгоряченные, потные лица.

Один из парашютистов, неловко размахнувшись, бросил гранату на длинной деревянной ручке. Граната упала метрах в десяти от Старчака, он прижался к земле и непроизвольно прикрыл голову согнутой рукой.

Раздался хлопок - донесся запах сгоревшего взрывчатого вещества.

Старчак выстрелил в парашютиста, успевшего подползти совсем близко, и тот уткнулся в землю. Потом поднялся, шатаясь, и упал навзничь.

Первый враг, которого Старчак увидел на этой войне лицом к лицу, был мертв.

Потом, когда атака была отбита, он подошел к убитому.

Немец был молодой, светловолосый, по-видимому, очень сильный. Он лежал, раскинув ноги, обутые в высокие шнурованные ботинки. Его сухие голубые глаза, уже не видя, смотрели на солнце. Из-под комбинезона и свитера выбивался воротник серой гимнастерки. Гладкий шлем с подкладкой из мягкой губчатой резины валялся рядом.

Не пригодилось ему богатое, продуманное до мелочей снаряжение: наколенники и кожаные перчатки с крагами; патронташ, разделенный на кармашки; мешок с упакованными в целлофан продуктами - копченой колбасой, свиным рулетом, флотскими сухарями, свиной тушенкой, пачкой леденцов, плитками сухого спирта... Не выпил он ни глотка воды из своей алюминиевой, обшитой толстым сукном фляги.

И оружие, которым его щедро снабдили, не смогло защитить его: ни кинжал, ни топор в чехле, ни маузер, ни карабин. Не помогли и пулеметы, имевшиеся у его спутников, тоже нашедших

смерть на этом клеверном поле.

Машины двинулись по шоссе. Там, где только что шел бой, желтели свежевырытые окопы. А чуточку подальше, в травах, виднелись брошенные парашюты.

6

Все это было интересно. Но кое-что осталось для меня неясным. И самое главное - вот что.

Примерно через три дня после этих событий я увидел капитана там, в лесу, куда он прилетел нам на выручку. Как же ему удалось так быстро встать на ноги? Ведь хирург сказал, что Старчак пролежит в постели не меньше шести недель.

- Бывает, что и медицина ошибается, - улыбнулся Старчак, - Во всяком случае, нога у меня болела намного меньше, и, подъезжая к городку, где располагался штаб фронта, я смог размотать бинты и выбросить лубок. Когда я доложил начальнику Военно-воздушных сил о своем прибытии, он спросил меня о здоровье. Я ответил, что все в порядке. Ну вот - и попал с корабля на бал...

- Как вы знаете, - продолжал Старчак, - я был до войны начальником парашютно-десантной службы округа. Делопроизводитель штаба выдал мне новое удостоверение. Здесь вместо слова "округа" было написано "фронта". И в первую же ночь пришлось отправиться во вражеский тыл...

Парашютно-десантная служба... Это и обучение летчиков парашютному делу, и выброска и высадка десантов, и снабжение боеприпасами воинских групп в тылу врага, и засылка разведчиков-подрывников за линию фронта... Вот что значат три слова, а чаще три буквы - ПДС.

Старчак должен был создавать парашютно-десантную службу заново. Командование помогало в этом как только могло. Капитану было предоставлено право отзывать из любого полка нужного ему специалиста. В очень трудных условиях, когда наши армии отступали, было налажено снабжение десантников парашютами, оружием, боеприпасами...

И вот слетелись на голос капитана старшины Бедрин, Климов, Корнеев, Гришин, Шкарупо, Васильев - все те, кого он обучал до войны. Да, именно слетелись.

За Бедриным, как он сам говорил мне, Старчак послал самолет. Я попросил Бедрина рассказать об этом подробнее. Он написал:

"Разузнал, где полк, в котором я служу, и прислал. Как сейчас помню, день был ясный, впрочем, в то лето все дни были такими... На опушке нашего аэродрома приземлился самолет У-2. Мы завели его в укрытие. Летчик, заглушив мотор, вылез из

кабины. Спросил командира. Тот назвался. Летчик протянул документ. Командир посмотрел на меня, потом - на летчика, потом - снова на меня: "Собирайтесь. Быстро!.."

Узнав, что меня вызывает Старчак, я был беспредельно рад. Чтобы не попасть под обстрел немецких истребителей-охотников, наш самолет, прижимаясь к земле, летел под Юхнов, где создавалась главная база парашютистов, или, как ее называли, "дача Старчака".

Обойдя город стороной, пролетели мы над ничем не приметным леском. Летчик обернулся, кивнул мне. Я понял: здесь.

Через несколько минут я снова со Старчаком. Мы обнялись.

Он спросил, не знаю ли я, где Наталия Петровна.

Я ответил, что последний раз видел ее на Минском вокзале: она усаживала ребятишек в вагон.

Старчак промолчал.

Вскоре я сидел за столом в его землянке. Накормив меня ужином" капитан объяснил, чем я должен заниматься.

- Будешь учить новых десантников, - сказал он. - Люди начнут прибывать завтра" парашюты уже получены..."

О том, как создавался отряд парашютистов, рассказывали и сам Старчак, и Бедрин, и многие другие, с кем мне довелось встретиться.

Первыми, еще в августе, прибыли в Юхнов по путевкам Центрального Комитета комсомола парни из Кольчугина.

Кольчугинцев было шестеро. Заводилой, судя по всему, считался у них. высокий, широкобровый, успевший дочерна загореть парень.

Старчак, вызвавший всех к себе в землянку, сразу же приметил его и заговорил с ним:

- Фамилия?

- Демин.

- Имя?

- Руф.

- Сколько лет?

- Вчера было восемнадцать,

- А сегодня!

- Девятнадцать...

- У него - день рождения, - вступил в разговор!

худенький стриженный наголо паренек, сидевший в углу.

Старчак засмеялся:

- А я думал, что это он так быстро стареет... Поздравляю!..

Демин улыбнулся, и среди его белых зубов сверкнуло золото коронки...

- Это что? - строго спросил Старчак. - Для форсу? Демин вызывающе сказал:

- А хотя бы и так...

Паренек, сидевший в углу, объяснил:

- Не верьте ему. Он сам на себя наговаривает. Он по кондитерской части работает, вот и попортил зубы.

- А это тоже по кондитерской части?.. Вся биография здесь: и год рождения, и кто невеста, и какие таланты.

На руке парня были наколоты женское имя и изображение трехструнной лиры.

- Вы нам, товарищ Демин, не подойдете, - сказал капитан. - Придется вас откомандировать. Мы и от кальсон метки отпарываем, а у вас на всю жизнь тавро... Старшина Бедрин, оформите документы! - Не могу я в Кольчугино вернуться, - глухо сказал Демин. - Как я в глаза посмотрю всем, кто меня на вокзале провожал, добрые слова говорил. Да и сам я с речью выступил...

- Может быть, вас возьмут в другой парашютный отряд, а я - не могу, ответил Старчак.

- Не возьмут. Не отсылайте меня, товарищ капитан!

Паренек, сидевший в углу, тоже стал просить:

- Оставьте его у нас, товарищ капитан. Не пожалеете. Я его давно знаю...

Только-только прибыв в отряд, паренек уже говорил "у нас", и это понравилось Старчаку:

- Ладно, только предупреждаю: малейшее проявление анархии и - до свидания!

- А вам, - обратился он к пареньку, сидевшему в углу, - делаю замечание. Встаньте, когда с вами говорит старший. Вот так. А замечание такое: нельзя обращаться к командиру, не попросив у него разрешения. Запомните это, товарищ Буров. А теперь - на занятия...

О том, что при подготовке парашютистов к выброске в тыл приходится думать и о таких мелочах, как метки на белье, капитан сказал Демину не для красного словца.

У разведчика, по выражению Старчака, все должно быть из быта, другими словами, домашнее, а не армейское. Не новое, только что со склада, а ношеное, довоенное, с доброй заплатой.

Порой капитан приказывал одному из парашютистов обыскать другого и найти в его одежде или среди вещей что-нибудь сомнительное.

В уголке кармана завалялась махорка? Не дай бог, если она фабричная, а не домашней крошки! Или, чего доброго, если припасена для раскурки газета, вышедшая после начала войны... Не беда, что не указан день выпуска: по одному лоскутку узнают,

свежая она или старая.

И так во всем.

И все же Старчак взял в отряд такого приметного парня, как Демин. Поверил в него - и взял.

7

Надо было уточнить название одной из белорусских деревень, и я попросил у Старчака более подробную карту. Он достал из шкафа хорошо знакомую мне большую штурманскую сумку с целлулоидным окном на крышке. Такая сумка удобна в полёте, а ходить с ней плохо: бьет по ногам...

Отстегнув кнопки, Старчак достал старую, выцветшую карту, испещренную карандашными пометками. Были здесь и красные ломаные линии - следы давних маршрутов, и рисунки раскрытых парашютов - места высадки десантов, и причудливее кривые, запечатлевшие линию фронта на такой-то и на такой-то день.

Старчак расстелил карту на столе, отодвинув стакан с чаем.

Чай давно остыл, а Иван Георгиевич все так же молча рассматривал свою старую карту.

Я читал те же названия, что и он.

Встречая хорошо знакомые наименования, Старчак вспоминал связанные с этими местами события своей жизни. Вот здесь, в авиагородке, он гостил у товарища в тридцать пятом году, а здесь совершил свой первый прыжок с самолета, делающего петлю Нестерова. А в этом городе он впервые встретил Наташу... Все это было так давно, до войны.

А вот еще названия: Белосток, Рось, Улла, Дрнсса, Волковыск, Быхов, Могилев, Полоцк, Борисов, Калинко-вичи. Для Старчака это не только точки на штурманской карте.

Рось... Это первое место во вражеском тылу, туда летал он в июле, вскоре после того, как вернулся.

Туда надо было доставить офицера связи, которому было приказано помочь выйти из окружения большой группе наших войск.

В самолете Р-5 было трое: Старчак, летчик и офицер связи. Они перелетели линию фронта и на рассвете приземлились на лесной поляне. Здесь были когда-то владения графа Потоцкого. Офицер связи, молодой майор из Генерального штаба, с черным бархатным воротником, сказал Старчаку:

- Через двое суток жду вас здесь.

Он скрылся в лесу, а Старчак, пока летчик возился с мотором, ходил неподалеку, опираясь на тяжелую палку, разминая затекшие ноги.

Линию фронта перелетели на небольшой высоте: земля заглушала гул двигателя.

На другой день Старчак доставил в тыл еще одного офицера связи, на этот раз в Волковыск. Район посадки был подернут густым туманом, и от летчика требовалось большое мастерство, чтобы благополучно приземлиться.

- Что же это, - сказал пилот. - Фронт уже где, - он показал рукой на восток, - а мы, можно сказать, к немцам в лапы лезем.

И, словно в подтверждение этих слов, на дороге показались немецкие солдаты на грузовиках.

Туман поредел. Немцы заметили самолет, и машины помчались по зеленому лугу напрямик к месту посадки...

Летчик знал, что развернуть самолет не успеет, и поэтому решил направить его навстречу грузовикам.

Автомашины были в сотне метров, когда самолет оторвался от земли.

Немцы открыли пальбу из автоматов. Но самолет уже над лесом. Чуть ли не касаясь колесами верхушек деревьев, он идет на восток, к своим.

Назавтра в обещанное время Старчак прибыл в район Роси за майором. Еще с воздуха он и летчик заметили группу людей на том месте, где предстояло совершить посадку.

На земле выстрелили ракетами условного цвета, и Старчак облегченно вздохнул:

- Свои...

Кроме знакомого Старчаку майора, здесь были еще два наших командира и два немца - тучный офицер и тощий солдат в пенсне.

- Всех не возьмем, - сказал летчик.

- Кого же оставить? - спросил Старчак майора. Тот, помолчав, ответил:

- Немецкого офицера надо захватить. Полковника тоже и вот товарища майора, - он кивнул в сторону командира.

- А вы? - вырвалось у пилота.

- А я верю, что вы со Старчаком за мной и за этим солдатом завтра или послезавтра прилетите.

Летчик стал рассаживать пассажиров.

Майор и немецкий офицер поместились в люльках, укрепленных под крыльями. Полковник и Старчак устроились возле летчика, выбросив второе сиденье.

Самолет тяжело оторвался от земли. Он шел на восток. Летели над лесом, стараясь держаться подальше от дорог.

Когда приближались к линии фронта, немецкие зенитчики открыли яростный огонь из пулеметов. Пули свистели, казалось, над самым ухом. Свинцовый дождь барабанил по обшивке. Летчик резко сбавил газ, и самолет, проваливаясь, стал

снижаться. Над самым лесом пилот выровнял машину и вновь повел ее на восток.

Приземлились на полевом аэродроме в районе Вязьмы. Летчик, сдернув меховой шлем, сказал Старчаку:

- Думал - крышка...

Пассажиры начали выбираться из самолета. Вот неловко спрыгнул на землю пожилой полковник, вот вылез наконец и майор.

- А где немец? - спросил Старчак.

Моторист вытащил тучного офицера. Он был мертв: пулеметная очередь прошила ему голову.

Пилот и моторист насчитали в самолете восемнадцать пробоин...

Да, многое напомнила капитану Старчаку его штурманская, потертая на сгибах карта. Вспомнил он и то, как помог выйти из вражеского кольца нашей колонне" которую вел из района Бреста полковник Некрасов.

Об этом маленьком событии Иван Георгиевич не стал и говорить:

- Чего там, вам это лучше, чем мне, известно.

8

Днем - работа в отряде, ночью - полеты... Вот почему он был-таким усталым в то утро, когда я по заданию газеты приезжал на главную базу парашютистов "Дачу Старчака".

- Но вы могли бы не летать, - сказал я Старчаку, когда разговор зашел о той поре.

- Вы хотите сказать: имел право, - уточнил Старчак. - Право не летать я имел, но отказываться от полетов не мог. Тогда, в первые дни, делать то, что я делал, было некому. Ведь, кроме права, есть долг.

- Не знаю, как другим командирам, - добавил Старчак, помолчав, - а мне повезло: я имел дело с людьми, которые меньше всего говорили о правах. Вспоминается мне один паренек, Петров Борис Гордеевич... Вы, наверно, с ним встречались. Вот он,

Я посмотрел на фотографию и узнал в высоком юноше парашютиста, с которым, работая в дивизионной газете, несколько раз беседовал. Этот парень любил поэзию, сам писал стихи, но, как я его ни уговаривал, не согласился прочесть мне ни строчки.

- Он что, и до войны с вами служил? - спросил я.

- Нет, он из авиаполка... После одного особого задания у нас остался.

Слова "особое задание" заинтересовали меня, и я не отстал от Старчака, пока он не рассказал мне о Борисе Петрове и о

событиях лета сорок первого года.

9

Это было в начале августа.

Старчак спустился по ступенькам в штабную землянку. Там, кроме сухонького чернявого телефониста Мальшина, никого не было. Увидев командира, телефонист

- Сидите, сидите, - махнул рукой Старчак. - Из штаба не звонили?

- Звонили. - Мальшин протянул капитану листок с зашифрованным сообщением. Старчак сел за стол и стал расшифровывать депешу. Перехватив вопросительный взгляд Мальшина, он улыбнулся:

- Будет дело.

Видя, что капитан в хорошем настроении, Мальшин попытался прощупать его:

- А какое?

Старчак сделал вид, что не расслышал, и попросил позвать комиссара Николая Щербину.

Телефонист старательно завертел скрипучей ручкой полевого телефона.

Через несколько минут, осторожно пригибаясь, чтобы не стукнуться о притолоку, в землянку вошел высокий молодой человек с резкими чертами лица, с твердыми, скулами. Это и был Николай Щербина, старший политрук, комиссар отряда.

Он уселся на низком для него табурете, вытянув ноги:

- Звал, Иван Георгиевич?

- Да, разговор есть.

Любопытный Мальшин почувствовал, что он здесь

лишний, и, взяв с полки котелок, отправился за обедом.

Когда дверь захлопнулась, капитан сказал Щербине:

- Особое задание получено. Доставай карту... Щербина вытащил карту, капитан - навигационную линейку, схожую с логарифмической, транспортир, циркуль, остро отточенные карандаши.

- Вот здесь, в районе Смоленска, аэродром. Здесь базируются самолеты пятьдесят третьей авиаэскадры дальних бомбардировщиков "Легион Кондор", а в районе Борисова - пятьдесят пятая эскадра... Отсюда они летают на Москву.

- Наши этот аэродром уже бомбили...

- Не очень удачно. Надо помочь...

Долго говорили Старчак и Щербина о том, что именно нужно сделать, чтобы выполнить задание.

А задание это, хоть именовалось "особым", было по сути дела и для Старчака и для Щербины самым обычным.

- Да, вот еще что, - сказал Старчак, выходя вместе с Щербиной из штабной землянки, - надо проверить парашюты.

Несколько сот парашютов, бережно уложенных на стеллажи, хранилось в отдельных землянках. Старчак любил повторять:

- Для десантника парашют дорог так же, как и винтовка, если не дороже. Спустившись благополучно на землю, ты себе винтовку добудешь. А вот если парашют неисправный - ничто тебе уже не поможет.

10

Старчак отправился на лужайку, где занимался взвод парашютистов. Старший лейтенант Левенец показывал десантникам приемы рукопашного боя.

- Ну и что ж, что у противника карабин, а у тебя нет. Он ведь не знает, когда ты на него нападешь, а тебе это известно. Так что перевес на твоей стороне. Вот вы, красноармеец Буров, держите винтовку как можно крепче. Теперь смотрите, предупреждаю вас - буду нападать. Заметьте, что противнику такие предупреждения не делаются...

Буров расставил ноги, крепко сжал ложе винтовки, напрягся и приготовился защищаться. Он не уловил того мгновения, когда старший лейтенант подлетел к нему, дал подножку и легко перебросил через себя. Карабин оказался в руках командира.

- А. теперь вы попробуйте, - предложил Левенец.

Буров, тот самый худощавый кольчугинский паренек, казался еще моложе своих восемнадцати лет. Он попытался отнять винтовку у командира. Ничего из этого не получилось: сам нападающий очутился на земле.

- Не сокрушайтесь, товарищ Буров, научитесь, - сказал Старчак, подходя к десантникам. - Дайте-ка я попробую. Держись, старший лейтенант!

Через миг винтовка оказалась у капитана, который был на вид менее крепким, чем атлетически сложенный Левенец.

Буров улыбнулся:

- Оказывается, и на силу есть сила. Все рассмеялись.

- Дайте-ка я, товарищ капитан, попробую, - негромко сказал Демин.

- А с кем вы хотите - со мной, старшим лейтенантом или Буровым?

- С Буровым мы как земляки на досуге как-нибудь. Мне бы с вами...

- Не беритесь, товарищ капитан, он у нас, в Кольчугине, первый физкультурник, - предостерег Старчака Буров.

- Здесь не Кольчугино. Здесь Юхнов... Становись, Демин!

Симпатии Бурова как бы раздвоились. Больше всего он был

бы удовлетворен ничейным исходом. Всем другим бойцам хотелось, чтобы победил капитан. Где уж до него Демину, который без году неделя в армии, даже гимнастерку носить не научился. Вон какими складками собралась под ремнем.

- Знаете что, Демин, - предложил капитан, - давайте распояшемся.

На траву упали два ремня: один - кожаный, щегольской, с пряжкой, украшенной звездой; другой - брезентовый, какие появились в армии перед самой войной.

- И гимнастерки долой, - сказал капитан.

Поверх ремней легли гимнастерки: одна - ладная, отутюженная; другая широкая, мешковатая, сшитая наспех, для войны.

Чтобы лучше видеть ход борьбы, десантники обступили капитана и Демина.

Старший лейтенант Левенец махнул рукой, и Демин, сделав прыжок, приблизился вплотную к капитану, державшему карабин, как казалось, совсем свободно, расслабленно. Вот, улучив момент, Демин тоже ухватился за ложе. Старчак дал Демину взяться поудобнее, а потом охватил своими цепкими пальцами его руки и, пригнувшись, попытался перебросить противника через себя. Но Демин стоял, широко расставив ноги в тупоносых нескладных сапогах, словно прикипевших к земле.

Оба они - и капитан и десантник - были мускулистые, крепкие, ладные, и их мускулы напряглись. Сквозь мокрую ткань было заметно, как вздуваются мышцы на спине и на груди...

Демин все же отобрал у Старчака винтовку. Правда, те, кто надеялись на победу капитана, утверждали, что он не решился применить какой-то особенный прием, опасаясь повредить Демину кисти.

Капитан отдал должное своему юному противнику. Он сказал:

- Теперь ты и в Юхнове чемпион. Признаю!.. Старчак надел гимнастерку, расправил складки и приказал Левенцу продолжать занятия, а сам пошел в штаб бомбардировочного полка.

11

Громада самолета темнела на фоне еще светлого неба. Ревели моторы, из глушителей вырывались буйные гривы красновато-голубого пламени... Ветер, посеянный винтами, валил с ног моториста, убиравшего стремянку.

Самолет вырулил на старт, разбежался по взлетной дорожке и, казалось, нехотя поднялся над самым леском, окаймляющим аэродром. Набрав нужную высоту, тяжелый бомбардировщик лег на курс.

Петрову хотелось увидеть капитана, поговорить с ним, если только удастся перекричать рев моторов, но Старчак сразу же после взлета прошел в кабину к штурману и долго не выходил оттуда.

Хоть и велик четырехмоторный бомбардировщик - его называют кораблем, - в нем очень тесно. Проход загроможден ящиками с зажигательными бомбами, домкратами, стремянками и всяким другим имуществом, которым распоряжается бортмеханик, завален чехлами моторов - не пройдешь... Да вдобавок посередине установлена турель скорострельного пулемета, и, сидя на ремнях, воздушный стрелок свешивает ноги вниз - кто ни пройдет, обязательно заденет...

Парашютисты сидят и на ящиках, и на чехлах; и на железных откидных лавках.

Каждый думает о своем. Нелегко вот так, просто, прыгнуть в ночь, на землю, где тебя подстерегает враг... - Страшно? - спросил Бориса бортмеханик.

Петров замялся.

- Ничего! - хлопнул тот его по плечу. - Что ни говори - на землю упадем.

Но вот Старчак вернулся, Он, придерживаясь за металлические поручни, прошел мимо парашютистов и успел за эти короткие мгновения, пока сделал несколько шагов, взглянуть каждому из десантников в глаза. Борису показалось, что капитан посмотрел на него особенно пристально. Впрочем, это же подумал, наверно, каждый из парашютистов...

Линию фронта можно было определить, не сверяясь с навигационными картами. Она обозначалась в ночи огнем зенитных пушек и пулеметов, залпами наземных орудий.

Самолет шел в облаках, и поэтому немецкие прожектористы не смогли направить на него голубые столбы света. Зенитчики все же дали наугад несколько залпов. Петрову даже показалось, что один из снарядов угодил прямо в машину так она содрогнулась. Но летчик, капитан Константин Ильинский, не прибегая к противозенитному маневру, вел послушный его воле многотонный корабль по заданному курсу.

Летели долго, определяя маршрут по незаметным для непривычного глаза ориентирам: характерному изгибу леса, как-то по-особенному перекрещивающимся железнодорожным путям, небольшим селениям, которые, кажется, нельзя отличить одно от другого не только с воздуха, но и на земле.

Старчак пошел к десантникам. Самолет опустился пониже, пробив слой облаков. Нигде ни огонька. Внизу - аэродром. Заслышав гул советского бомбардировщика, немцы, погасили все

огни, и трудно было даже предположить, что совсем недавно, может быть, час или два назад, отсюда улетела на Москву асы из 53-й воздушной эскадры "Легион Кондор", находящейся под особым покровительством имперского министра авиации Германа Геринга. Асы, сбросившие бомбы на города Польши, Франции, Англии, Югославии, Греции...

Но штурман и капитан Старчак точно знали, что аэродром именно здесь внизу, под полуторакилометровой толщей тьмы.

И вот раздалась команда, которую так тревожно и напряженно ждали десантники: "Пошел!"

Один за другим выпрыгивали в раскрытые двери парашютисты. Борис шел третьим. Перед тем, как ринуться вниз головой прямо в темную ночь, он почувствовал на плече дружеское прикосновение руки командира.

Старчак выпрыгнул последним.

12

Парашютисты приземлились на сухом торфяном болоте и довольно быстро нашли один другого.

Во время налета наших бомбардировщиков они должны были обозначить границы аэродрома, использовав для этого сухие батареи и пятнадцативольтовые лампочки, выкрашенные в красный цвет. Как только в районе аэродрома появятся наши, надо включить эти лампочки, и уж тогда штурманы смогут отлично определить, где взлетная площадка и где стоянки самолетов.

Старчак взял своим напарником Петрова из авиаполка, того паренька, тайком пишущего стихи, который чем-то понравился ему. Они пошли, перебираясь с кочки на кочку. Когда добрались до места, уже светало. Притаившись в кустарнике, они видели, как все отчетливее проступают очертания колючей изгороди, опоясывающей аэродром. Через каждые двести или триста шагов виднелись сторожевые вышки с пулеметными установками.

- Боятся, сволочи! - ругнулся Старчак.

Они выкопали ножами яму в виде конуса. Если здесь, на дне, будет лампочка, то ее с земли не заметишь, зато сверху свет хорошо виден. Старчак установил рацию и передал в Юхнов шифрованное сообщение о том, что высадились благополучно и приступили к выполнению задания.

На аэродроме начинался день. Приземистые автоцистерны с бензином разъезжали от одного самолета к другому. По дороге, всего в ста - ста двадцати метрах от Старчака, проехали в открытой автомашине немецкие техники. Они смеялись и пели. Потом, погромыхивая на выбоинах, прошла вторая машина, за ней третья...

- Посмотрим, как они запоют, когда прилетят наши, - сказал, сжав кулаки, Борис.

Старчак промолчал.

Потом, несколько часов спустя, немецкие техники все также с песнями, заглушающими писк губных гармоник, проехали в обратном направлении.

- Обедать едут, - сказал Петров. Тут только парашютисты вспомнили, что ничего не ели. Подкрепились хлебом и копченой колбасой.

- Вот бы туда пробраться, - сказал Петров. - Смотрите, вон в том месте, под проволокой, свободно можно проползти.

- Ничего не выйдет. Через заграждения пущен ток. Это раз. Во-вторых, что ты сумеешь сделать своими двумя гранатами? И, в-третьих, можешь испортить все дело.

Под вечер, часа два спустя после того как на аэродром вновь возвратились техники, туда в таких же машинах проехали летчики в легких комбинезонах и матерчатых шлемах с эбонитовыми черными дисками радионаушников.

Старчак взглянул на часы и сообщил вг Юхнов время сбора летного состава.

Через час бомбардировщики "Хейнкель-111" стали подниматься в воздух. Было светло, но к тому времени, когда вся эскадрилья приблизится к цели, наступит темнота.

В эту ночь налета советских бомбардировщиков на аэродром не было.

Прошла еще одна ночь и еще один день. Парашютисты сидели в засаде, ничем не выдавая своего присутствия. На аэродром ездили в открытых машинах техники и летчики, слышалось их пение.

У Бориса затекли ноги, и он, чтобы разогнать кровь, то и дело массировал их. Он подумал, что зимой ему нипочем не пробыть бы здесь и часа...

Опять отправились бомбардировщики "Хейнкель-111" в свой рейс. Урча, разворачивались они над аэродромом, собирались в круг, чтобы следом за опытным асом рваться к Москве.

Так же точно, как и в прошлую ночь, с поразительной пунктуальностью вернулись "хейнкели" на свою базу. Правда, трех машин недосчитывалось.

Старчак подсел к рации. Послышался характерный прерывистый писк, и он смог принять шифрованное сообщение.

- Сейчас здесь будут наши, - сказал Старчак, - так что давай!..

Борис включил красную лампочку, стараясь не думать о том, что, если хоть один из наших штурманов ошибется в расчетах, бомбы упадут за границу аэродрома, сюда, где сидит он, Борис

Петров, и его командир. Но штурманы действовали безошибочно. Ярко вспыхнул желтым пламенем немецкий самолет, за ним второй... Пламя выхватывало из тьмы то один участок аэродрома, то другой. Пожар осветил летное поле: все новые и новые бомбовые удары обрушивались с темного, беззвездного неба. Зенитчики вступили в дело лишь тогда, когда наши летчики успели не только сбросить бомбы, но и обстрелять, снизившись, стоянки "хейнкелей". Над целью наши бомбардировщики находились не тридцать секунд, как предполагалось, а почти полчаса.

На другой день московские газеты сообщили: авиационная часть, которой командует т.Филиппов, уничтожила на вражеском аэродроме много боевой техники.

Особое задание было выполнено. Теперь парашютисты пробирались по лесам и болотам к линии фронта. И Петров уже не знал, что он ответит, когда его спросят, где он хочет служить - в своем старом полку или же в отряде капитана Старчака.

13

Петров сделал выбор. Он решил стать старчаковцем, как называли себя бойцы отряда. Как и все его товарищи, он уже был влюблен в своего командира, старался подражать его манерам и даже чуточку, едва заметно прихрамывал, как Старчак.

- Ты знаешь, - рассказывал Борису телефонист Мальшин, беззастенчиво угощаясь табаком товарища, - ты знаешь, наш капитан еще в гражданской войне участвовал.

- Врешь, он ведь совсем молодой...

- Истинная правда. Он в армии с пятнадцати лет. В комсомол вступил и в тот же день винтовку получил. В Забайкалье против барона Унгерна сражался. Тогда и ранен был в левую руку. Понаблюдай как-нибудь, обрати внимание...

- Ты, я вижу, ярый курильщик. Бери весь табак, - предложил Борис. Мальшин вытряхнул содержимое пачки себе в карман.

С берега реки доносилась негромкая песня. Капитан вышел из своей землянки, подошел к поющим, постоял, покурил, вздохнул и приказал:

- Пора спать!

Через несколько минут все в лагере стихло. Слышались лишь мерные шаги дозорных. Было тихо и на аэродроме: бомбардировщики еще не вернулись из очередного полета.

Старчак не спал. Он сидел в своей землянке, разложив карту, что-то чертил, отмерял. Зашедший на огонек комиссар Щербина шутливо заметил:

- А вас распорядок дня не касается, товарищ капитан? Смотрите, как бы не попало от дежурного.

- Понимаешь, Николай, - не отрываясь от карты, сказал Старчак, - вот что я думаю. Мы неплохо учим бойцов одиночным действиям в тылу, а тактикой в составе отделения, взвода и роты занимаемся недостаточно. А ведь комсомольцы, что к нам прибыли, хоть и рвутся в бой, подкованы в пехотном деле слабовато. Вот я и решил, пока суд да дело, провести несколько занятий. И наступательные операции изучим, и про оборону тоже не забудем.

- Ты прав, Иван Георгиевич. Возьми хоть меня. Всю жизнь, в авиации, а сейчас, можно сказать, нахожусь между небом и землей. Одним словом парашютист.

- Ты и на земле должен себя чувствовать так же уверенно, как в воздухе, серьезно заметил капитан.

- Ну что ж, тебе и карты в руки. Ты ведь пехотное училище окончил, и авиационное, и авиационно-морское. Можно, сказать - человек-амфибия.

- Выходит, так. С земли - на небо, с неба- на землю. А море - это так, между прочим...

14

На другое же утро в отряде, в дополнение к обычным занятиям, стали проводить тактические учения. Одна рота занимала оборону на высоком берегу Угры - реки, протекающей близ Юхнова, другая - наступала. Во время занятий отрабатывали действия групп боевого охранения, разведывательных групп, учились бороться с танками. Старчак заставил свой отряд копать окопы полного профиля, оборудовать огневые точки...

Нелегко было парашютистам. Глядя на осунувшегося, похожего на галчонка Бориса Петрова, Старчак спрашивал:

- Ну, не жалеешь, что из полка ушел? Там бы после обеда мертвый час устраивал, на солнышке грелся, а здесь - ползи по-пластунски, рой землю, как крот.

- Ничего, товарищ капитан, - отвечал Петров. Он был рад, что находится среди таких славных людей, как Демин и Буров, Авдеенко и Забелин, Ефим Киволя... Все это были настоящие комсомольцы, сами избравшие нелегкую, опасную судьбу десантников, воинов, для которых бой в окружении - не исключение, а правило... И это в то время, когда самое слово "окружение" рождало у слабых духом ужас.

- У каждого человека такие друзья, каких он сам достоин, - проговорил Старчак, рассказывая о том, как с первых же дней нашел себе Петров добрых товарищей.

У Петрова и впрямь были славные друзья. Даже Мальшин, часто приставший с грубоватыми шутками и любивший прихвастнуть, казался ему простым и хорошим парнем. Ведь этот

Мальшин уже трижды побывал во вражеском тылу, участвовал в схватках с гитлеровцами. Он с боями пробился к своим, а не так, как Петров, без всяких приключений.

Среди новых знакомых Бориса был бронзоволицый степняк Улмджи Эрдеев. Его выдержанности, хладнокровию и невозмутимости Петров завидовал.

Бывало так. После занятий начинается чистка оружия. Улмджи разберет свой автомат и, чуть ли не высунув язык от усердия, протирает части, смазывает их ровным слоем масла. Смотрит, чтобы не остались следы пальцев. Мальшин незаметно подложит детали своего автомата. Улмджи, словно ничего не замечая, вычистит и смажет и их. Тогда шутник возмущенным тоном требует, чтобы ему вычистили весь автомат.

- Ты зачем испортил мне все дело? - притворно строго напускается он на Улмджи. - Чисти теперь все!

Спокойно и невозмутимо Улмджи откладывает свое вычищенное оружие и берется за автомат товарища.

Правда, бывало и так, что серьезный и строгий старшина Иван Корнеев, заметив такую сцену, в наказание заставлял Мальшина чистить автоматы всех бойцов отделения. Но Улмджи никому не доверял своего оружия.

- Нет уж, товарищ старшина, мой автомат- я сам...

Нравились Борису ветераны отряда, служившие в десантных войсках еще до войны: Андрей Гришин, Иван Бедрин, подрывник ленинградец Лиодор Корнеев, пулеметчик Хмелевский, авиатехник Николай Стариков, который, несмотря на то что носил очки, считался лучшим стрелком в отряде.

Иван Бедрин не расставался с небольшим альбомом. С удивительной быстротой делал он зарисовки. Вот Старчак, сидящий за столом в штабной землянке и разглядывающий карту. Вот Улмджи Эрдеев, широколицый, с узкими щелочками лукавых черных глаз. Вот Николай Щербина, с лицом простого шахтерского парня, каким он и был до армии... А вот портрет самого Бориса.

Взглянув на рисунок, Борис сперва не узнал себя и на вопрос Бедрина: "Похож?" - ответил уклончиво: "Пожалуй, сходство есть..."

Тогда Бедрин сказал:

- Мы с тобой в этом споре заинтересованные стороны. Пусть скажет кто-нибудь третий. Показали рисунок Эрдееву.

- Кто это? Он засмеялся:

- Не обманете! Это Петров...

- Вовсе не похож...

- Как не похож! И губы, и нос, и глаза... Пошлите маме - она

скажет, что похож...

Бедрин вырвал листок и протянул Борису:

- Посылай, Все равно сняться у нас здесь негде...

Парашютному делу десантников учил Петр Балашов.

Балашов, как казалось Петрову, умел все. Он и летчик, и блестящий автогонщик, и мотоциклист, и пулеметчик, и подрывник, мало в чем уступающий даже лейтенанту Сулимову - замечательному мастеру взрывов.

Николай Сулимов, хмурый на вид горьковчанин, говорил, как и многие его земляки, окая, по-волжски. Он считал, что без знания подрывного дела нет парашютиста.

- Внезапность - сестра десантника, - говорил Сулимов. - А что может быть более внезапным, чем взрыв?

15

Но главное, чему учили в отряде, - это мужеству, верности воинскому долгу.

Обращаясь к товарищам, Старчак говорил им: "Вы - революционеры. Никогда не забывайте этого".

Поначалу многим, наверное, казалось, что революционеры - это лишь те, кто сражались на баррикадах Красной Пресни в девятьсот пятом году или брали Зимний в октябре семнадцатого. Но Старчак доказывал, что сыны и внуки этих героев тоже могут называть себя революционерами.

- Поймите, - говорил он, - сейчас не простая война одного государства с другим. Нет, германские империалисты хотят уничтожить в нашей стране социализм. Мы, революционеры, не дадим им это сделать.

- Ну, а как же союзники? - спросил Демин. - Они ведь капиталисты, а идут против Гитлера вместе с нами. Старчак усмехнулся:

- Пока не идут. Это раз. А, во-вторых, кто, как не они, помог Гитлеру окрепнуть и на нас броситься. Правда, теперь они спохватились, но все равно не торопятся... Вот так, товарищи революционеры.

Заговорили о подвиге Николая Гастелло, направившего свой горящий самолет в колонну вражеских танков.

- А вы знаете, - сказал Старчак, - что капитан Гастелло служил в первом полку? Его товарищи - Лановенко, Дриго, Филин, Ильинский - и сейчас здесь. С ними вместе мы и полетим в тыл.

Ильинский, Ильинский... Да ведь я о нем писал в нашу дивизионную газету. Порывшись в своих архивах, я отыскал несколько заметок, где расеказывалбсь о том, как он бомбил вражеские аэродромы...

Когда Старчак показал мне пачку фотографий своих друзей-летчиков, я сразу же узнал Ильинского.

- Мой лучший товарищ, - так отозвался Старчак об этом летчике. - Сколько раз вместе с ним в тыл летал. Где-то он теперь?..

...Десантники учились производить минирование дорог, подрывать телеграфные столбы, используя минимальный запас тола, выбирать среди опор моста самые уязвимые, определять, какая из ферм испытывает наибольшую нагрузку, чтобы можно было быстрее обрушить мост.

Время от времени Борис не досчитывался кого-либо из новых товарищей. Он не спрашивал, куда они исчезли. Он знал, что они там, в тылу, и ждал, когда придет его черед. Он жаждал боя, еще не совсем отдавая себе отчет, что это не такое легкое дело, как ему представлялось после первой удачной операции во вражеском тылу.

16

Все это было летом сорок первого года.

Какое оно было?

Старчак сказал:

- Обычное лето. Правда, получалось так: днем, когда летают немцы, - в небе ни облачка, а ночью, когда отправляться нам, - все заволакивает тучами. Но мы не сетовали. В общем, погода как погода.

В этом высказывании - весь Старчак. Он не стал говорить, что сухие, ясные июньские, июльские и августовские дни способствовали наступлению немцев: их танки и автомашины могли идти не только по дорогам, но и напрямик - полями и лугами. Это облегчало маневр, помогало быстро сосредоточивать силы. А вот наладить оборону в таких .условиях намного трудней.

Но не сваливать же свои неудачи на непогоду или, напротив, на вёдро. Время для наших войск было очень тяжелым, и Старчак, кадровый офицер, понимал это лучше, чем любой из нас.

Лето было долгим. В Юхнове оно задержалось до сентября, повиснув на ветвях тонкой, но прочной паутиной, не отличимой от солнечных лучей.

Ольха, рядом с которой находилась землянка Старчака, не обронила ни одного своего зубчатого листка, темно-зеленого сверху и светлого с испода. Не облетели еще перистые листья по-майски зеленого ясеня.

Листья клена перед тем, как оторваться от ветки, переняли от солнца его золотой цвет. Но не все сразу: сперва верхние, а вслед за ними - остальные. И не вдруг стала листва золотой: прежде сентябрь придал ей знаменный, красный цвет. Окончательно

созревшие двойные крылатки, крепко сидящие на своей цветоножке, еще не слетели на землю - их черед за листьями - и кажутся бледно-зелеными стрекозами.

Поэты сравнивают осенний багровый клен с неистовым, жарким пламенем. .

Когда клен догорел, Старчак и без календаря знал: лето кончилось.

Осень

1

В отличие от лета осень была совсем короткой: малая частица сентября да октябрь - и все. Ноябрь с самых первых дней властвовал, как настоящий зимний месяц. Он засыпал землю сухим, нетающим снегом, лез сквозь шинельное сукно, превращал сапоги в деревянные колодки.

Помню день двадцать четвертой годовщины Октября. Первый авиационный полк был выстроен на аэродроме, и, пока выносили знамя и читали приказ, темные прямоугольники подразделений потеряли очертания, расплылись, стали пушисто-белыми от снега.

В дни октября капитан Старчак совершил один из своих главных подвигов, если только можно подразделять мужественные поступки на главные и второстепенные.

Передо мной вырезка из газеты "Красная звезда" военного времени. Большая, на целый подвал статья "Стойко оборонять дороги". Читаю один столбец, второй, третий... В четвертой колонке говорится о Старчаке. "В районе Юхнова капитан Старчак со своими подразделениями успешно сдерживал вчетверо превосходившего по численности врага.

Комбат расположил роты за небольшой водной преградой и подготовил оборону на широком фронте. Берега реки в некоторых местах были крутыми и могли служить противотанковыми препятствиями.

Капитан не успокоился на этом и свои огневые средства наиболее плотно сгруппировал поблизости от шоссейной дороги. Здесь же была создана прочная противотанковая оборона.

Неприятельский пехотный полк с пятнадцатью танками несколько раз пытался ворваться в оборону. Каждый раз атаки задерживались огнем на подступах к реке. Дважды небольшим пехотным группам немцев удавалось все же прорваться, но оба раза они были отброшены назад контратаками. Во время этих боев немцы потеряли шесть танков.

Капитан прикрывал дорогу до тех пор, пока не прибыло подкрепление..."

А дальше шел вывод: "Местность, удачно выбранная

капитаном, усиливала прочность обороны. Постройки, рощи, крутой берег реки - все это служило защитой от вражеских танков и маской, скрывающей маневрирование огневыми средствами..."

Прочитав статью - ее автором был полковник, - я подумал, что высокая оценка воинского мастерства Стар-чака очень закономерна. Авиатор до мозга костей, капитан всегда помнил, что конечной целью всякого боя может быть лишь успех в наземном сражении. Слова о том, что пехота - царица полей, которые все мы часто слышали, не были для него только красивой фразой: все предвоенные годы капитан изучал тактику наземных войск, и совсем не случайно оказалась в его штурманской сумке потрепанная книжка - "Боевой устав пехоты". Я видел ее у Старчака в сентябре сорок первого года...

- Не может быть так называемого "чистого" военного парашютизма! - говорил Старчак и, как всегда в минуты волнения, прищелкивал языком. - Парашют - это средство, которое доставляет тебя к месту сражения. Ну, а дальше что ты будешь делать?..

И пока собеседник не сдавался, Старчак не уставал доказывать ему, что парашютист должен быть знатоком военного дела - механиком-водителем танка, командиром стрелкового взвода, разведчиком...

- Это не по-хозяйски, - говорил капитан особенно неуступчивому спорщику. Да, не по-хозяйски, что тебя из-за нескольких секунд, проведенных в воздухе, в кадрах числят. Нет, брат, изволь быть военным, коль за это дело взялся... Только так.

Здесь хочется привести маленькую историю. Не помню уж, в каком месяце она приключилась, скорей всего в сентябре.

Комендант гарнизона пожаловался Старчаку, что парашютисты не только не подчинились патрульным из батальона аэродромного обслуживания, но и разоружили их и, связав, убежали.

- Разберусь и накажу виновных, - пообещал Старчак. . . .

Он распорядился, чтобы построили отряд, рассказал о жалобе коменданта и велел виновникам сделать два шага вперед.

Парашютисты переглядывались, но никто вперед не выходил.

- Так и будем стоять? - спросил Старчак. - Ну что ж, вольно! Можно закурить. Из строя не расходиться.

Капитан достал пачку "Беломора", надорвал уголок и вытащил своими короткими, но ловкими пальцами папиросу. Пока он нашаривал в кармане зажигалку, папироса, словно живая, перемещалась у него из одного угла рта в другой. Докурив, Старчак взглянул на бойцов и задал тот же вопрос:

- Так и будем стоять?

- Разрешите, товарищ капитан? - Рыжеволосый, веснушчатый даже осенью старшина Васильев сделал два шага вперед и, ловко повернувшись, стал лицом к строю.

- Еще кто? - спросил Старчак.

- Я один,- ответил Васильев.

- Расскажите, как было дело. Васильев молчал.

- Расскажите!

- Ну, в общем, иду я из Юхнова, а они, патрульные то есть, стали приставать ко мне, документы спрашивать... Ну, в общем, виноват я. Не подчинился.

- Легко сказать - не подчинился! - усмехнулся капитан. - Да ты знаешь, что они пристрелить тебя могли... Не подчинился... Рассказывайте дальше!

- Ну, в общем, я вроде за документами полез и в это время выхватил у одного патруля винтовку, а у другого вышиб прикладом... Потом приказал им связать друг друга. И сам тоже помог.

- И все? А сообщники?

- Все - вздохнул Васильев. И добавил: - А сообщников не было. Они, патрули то есть, со стыда врут, что я был не один.

- Ясно, - тихо сказал Старчак. - Все ясно. Ты был один, а теперь про нас всех скажут, что мы анархисты, сторонники всяческого беззакония и безвластия... Не на тех ты нарвался. Я был бы рад; если бы тебе прикладами бока намяли.

- Я тоже, - попробовал улыбнуться Васильев. - Да вот не сумели они пехота... А вдруг не я бы на них напал, а немец? Тогда что?

- Разговоры! - оборвал капитан. - Десять суток строгого ареста. Еще раз повторится - под суд.

Теперь, когда это происшествие уже стало историей, я спрашиваю Старчака, не гордился ли он, хотя бы в душе, тем, что его безоружный парашютист сумел отнять винтовки у двоих.

Старчак и сейчас с трудом сдерживает гнев;

- Нет. Стыд испытывал, что не сумел такой позорный случай предупредить. А что касается воинского умения, то, нет слов, Васильев показал класс.. Но всякое умение - к месту. Не станет сверхметкий стрелок по фонарям или окнам палить... А главное, что мне не понравилось, - это снисходительный тон, каким Васильев произнес слово "пехота". Впрочем, сам он вскоре очень неплохим пехотинцем себя проявил...

2

Оборона Юхнова, вернее моста через Угру, протекающую близ этого калужского городка; началась четвертого октября.

Днем раньше, третьего числа, я приезжал в первый авиаполк,

а на обратном пути заглянул к Старчаку.

Было послеобеденное время, и .капитан готовился к очередному полету. Спрашивать "куда?"- не принято, и я, конечно, не задал этого вопроса.

Посидели, покурили, поговорили о погоде - ночь обещала быть дождливой и облачной, - наступило время уходить. Но пришлось задержаться: комиссар Щербина принес принятую радистом сводку Совинформбюро.

Сводка, как и принятая накануне, была тревожной.

Немецкие войска рвались вперед, чтобы, как объявило германское командование, "завершить кампанию до наступления зимы".

Родина призывала: выполни свой долг, прегради путь врагу!

И Старчак выполнял свой долг.

Недавно я нашел свою старую записную книжку. Мое внимание привлекла такая запись: "30 посадок в тылу в июле, августе, сентябре... Старчак первым на Западном фронте вызвал по радио самолет для посадки в тылу. Надо было решить три задачи: как радировать, чтобы не перехватили, как подготовить место посадки, как прикрыть огнем приземляющийся самолет?.. Дело происходит в тактической глубине: 25 - 30 километров от линии фронта".

Я показал листок Старчаку.

- Ну, о посадках в; тылу я вам уже рассказывал, - заметил он. - Сперва это было делом новым. Пришлось психологически себя переломить, внушить себе: земля наша, вот и сажаем самолет, где нам удобней. Потом освоились наши летчики...

Возвращаясь после одного из полетов, Старчак видел, что на линии фронта, в районе Спас-Деменска, идет ожесточенная артиллерийская перестрелка. Это было на рассвете тридцатого сентября. Капитан подумал, что враг готовит новый удар и предстоят значительные фронтовые операции...

В течение нескольких дачей Старчак вновь летал в тыл. Он побывал и в районе Минска, и в Борисове, и в Самойловичах. Вернувшись в Юхнов, капитан едва успевал сомкнуть глаза, как опять надо было готовить очередную группу, уточнять задание и сопровождать десантников.

Перед одним таким полетом третьего октября я и беседовал со Старчаком.

Когда капитан дочитал сводку, я попрощался с ним и со Щербиной и поехал в редакцию.

О последующих событиях я знаю по рассказам их участников, записанным и сразу же после боев, в октябре и ноябре сорок первого года, и совсем недавно.

3

Утром четвертого октября, вернувшись из полета, капитан прилег в своей землянке. Вскоре он проснулся - кто-то тряс его за плечо:

- Иван Георгиевич, проснитесь! Полк улетает.

Старчак натянул сапоги и выскочил наружу. Над леском на небольшой высоте с гулом шли в сторону Москвы четырехмоторные бомбардировщики, один за другим поднимавшиеся с аэродрома.

- Езжай в полк! - приказал Старчак старшему лейтенанту Кабачевскому.

Кабачевский сел в кабину грузовика. Бедрин и Петров взобрались в кузов. На аэродроме, куда они приехали, самолетов уже не было. Лишь порыжевшие маскировочные елки валялись перед стоянками.

- Давай в штаб! - сказал Кабачевский шоферу, но и в здании школы, где помещался штаб полка, никого не оказалось.

Кабачевский решил вернуться в лагерь. При выезде из Юхнова, как-то внезапно обезлюдевшего, покинутого жителями, старший лейтенант заметил, что в домике, где расположен узел связи, кто-то есть. Он вбежал туда и увидел пожилого человека в форме связиста с пересекающимися молнийками на рукаве.

- Есть связь с Гжатском? - резко спросил Кабачевский.

Связист покачал головой.

- А с кем можете соединить?

- Уже ни с кем. Всю аппаратуру увезли. Все уехали...

Машина Кабачевского перегнала на шоссе несколько военных грузовиков, ехавших на восток, к Мятлеву. Остановив один из автомобилей, старший лейтенант стал спрашивать сидевшего в кабине майора о положении на фронте, но тот ничего не мог сказать и лишь показывал маршрутный лист, в котором было сказано, что ему разрешается следовать до самой Москвы.

Вернувшись в лагерь, Кабачевский сообщил Старчаку о результатах поездки. Тот созвал командиров.

- Обстановка неясная, - сказал капитан. - Прежде всего нужно узнать, где наши и где вражеские войска, а там уже будем действовать.

Тотчас же Старчак послал разведывательные группы на автомашинах и мотоциклах. По настоянию подрывника Сулимова десантники захватили с собой взрывчатку. Командирам групп капитан дал задание - уточнить обстановку на шоссейной дороге в пяти, десяти, пятнадцати и двадцати километрах к западу от Юхнова.

Одновременно послали группы вправо и влево от магистрали.

Одну из них, ту, что должна была действовать в районе аэродрома, возглавили старший лейтенант Петр Балашов и старшина Иван Корнеев.

Старчак приказал командирам рот и взводов привести подразделения в боевую готовность, а сам пошел в рощу, на берег реки.

Уединение... Как необходимо оно, чтобы посоветоваться с самим собой. Хотя бы десять минут, но - каждый день. Оценить правильность того, что сделано, подумать над тем, что впереди.

Старчак увидел поваленную бурей сосну и присел на шершавый мокрый ствол. Задумался, не замечая дождя, барабанящего по козырьку фуражки и потертому кожаному пальто.

Что делать? Погрузиться на машины и отправиться через Москву на тыловой аэродром, куда перебазировался полк? Никто за это не осудит. Полк, вместе с которым действовал десантный отряд, улетел, штаб двадцать третьей авиадивизии, находившийся в Медыни, тоже выехал на восток, так что можно давать команду "По машинам". Поезжай за Москву со спокойной совестью.

Со спокойной совестью...

Капитан закурил, поглядывая на медленно текущую, уже по-осеннему темную Угру. Потом подошел к берегу, увязая в глине, спустился к самой воде, вымыл сапоги.

Над рекой рос клен, такой же, как у землянки, и капитан засмотрелся, как слетают с него остроконечные багряные листья.

Вот один листок оторвался от ветки, покружился, подхваченный воздушным потоком, как бы раздумывая, падать ли на воду - уж больно холодна. А потом, словно решившись, стал описывать круг за кругом, пока не коснулся воды. Река подхватила его и понесла. Там, где били ключи, он быстро вращался и казался уже не звездочкой, а диском.

Кленовый листок продолжал вращаться, и капитан следил за ним, пока не зарябило в глазах. Мысли были все о том же: "Конечно, надо эвакуироваться, тем более, что десантникам предстоит работа в тылу врага". И сам же возражал: "Что может быть важнее, чем преградить дорогу врагу, который, наверное, уже в эту минуту стремится к Медыни, Малоярославцу, Подольску. Пусть спросят твои командиры, почему не прислал вовремя десантные группы. Совесть твоя будет чиста; Ты выбрал самое трудное".

И решение было принято. Капитан созвал командиров подразделений, сказал:

- В городе с нашими силами не удержаться. Отойдем к Угре,

за деревню Колыхманову, и там, на восточном берегу, займем оборону. Оттуда и шоссе хорошо простреливается, и мост как на ладони.

- А может, взорвем его? - предложил Сулимов,. .

- Пожалуй, рановато: войска от Спас-Деменска будут отходить. В общем, ты подготовь все, а время выберем.

Всякий бой - это борьба за время и пространство. Если решена даже часть задачи - выиграно время, значит, бой велся не напрасно.

Старчак хорошо понимал это. Вот почему, заведомо зная, что противник будет намного сильнее, чем отряд, он все же; решил сражаться.

- Немножко меньше так называемого здравого смысла, - говорил капитан Щербине, - чтобы не получилось, как в - пословице: "Двадцать на двадцать будем драться, а как двадцать один - котомки отдадим..."

- Пусть их сто, а нас - десятеро,--сказал Щербина, - не отдадим котомки!

Капитан приказал собрать отряд, и роты выстроились квадратом на поляне.

Вот они, десантники: кто в обычных военных шинелях, кто в телогрейках защитного цвета, кто в гражданской одежде - смотря по тому, какое задание;

Вот стоят Демин и Буров, вот широкобровый Петров, а рядом с ним беленький Бедрин, скуластый бронзовый Эрдеев, чернобородый Сучков... Стоят ветераны отряда - Иван Корнеев, Валентин Васильев, Климов, Гришин, Шкарупо, Поблескивают стеклышки очков авиатехника Старикова...

Старчак показал сорванный с километрового столба лист жести с цифрой "210", сказал:

- Это - расстояние до Москвы. Танковая колонна, если ей ничто не препятствует, проделает такой путь часов за шесты.. Если не мы, то кто же остановит ее? Сегодня дли всех нас - двадцать второе июня. Мы - пограничники. Будем на Угре защищать Москву. Только так. И хоть не полагается обсуждать действия командира, строй, как один человек; выдохнул:

- Правильно!..

и, наверное, для многих великое понятие Родина воплотилось в узкой ленте дороги, ведущей в Москву. Бурый откос шоссе, деревянные шестигранные столбики, не беленные с прошлого года; мокрый черный асфальт, отражающий холодное солнце, даже окопы, где вода до колен - все это до боли свое.

Недавно мы со Старчаком побывали на двести десятом километре Варшавского шоссе. Иван Георгиевич поставил

"Москвича" на обочине дороги и, прихрамывая, спустился к Угре.

Он простоял молча на берегу около получаса. Видно, вспоминал те октябрьские дни.

4

Никакими наставлениями и уставами не предусмотрено, что длительную оборону большого района можно вести лишь с винтовками, пистолетами, гранатами и несколькими пулеметами, без поддержки более мощных огневых средств. Но у десантников иного оружия не было.

Времени оставалось в обрез. Старчаку надо было проследить, чтобы вывезли в Подольск парашюты, надо было уничтожить следы пребывания отряда, раздобыть станковые и ручные пулеметы, запастись патронами и гранатами.

Приказания Старчака были четкими:

- На шоссе идут добывать оружие у отступающих частей лейтенант Альбокринов и старшина Климов.

- Землянки взрывают Сулимов и Корнеев.

- С парашютами едут Линовиченко и Гриша Туляк. Я задаю Старчаку вопрос: Что за Странная фамилия - Туляк?

- Это не фамилия, а псевдоним. Мальчуган один к нам прибился. Из Тулы он вот и Туляк.

- А кто Линовиченко? Старчак поморщился:

- Был такой...

Лейтенант Сулимов вместе с Буровым, который когда-то не сумел отнять винтовку у старшего лейтенанта Левенца, готовил к взрыву мост через Угру. Заряды тола были положены под три ряда мокрых, замшелых опор, замаскированные провода были протянуты в окоп, вырытый неподалеку. Теперь достаточно замкнуть электрическую цепь- и мост взлетит на воздух.

Район близ моста был подготовлен к обороне. Старчак не ограничился защитой узкого участка. Нескольким взводам он дал приказ обороняться в лесу на берегу Угры - справа и слева от ленты шоссейной дороги.

Позиции оказались на редкость удачными. Когда-то здесь брали землю для строительства и ремонта дороги, и тут образовались канавы. Они заросли кустарником, получились окопы с естественной маскировкой.

- Считайте, что полсчастья нам уже выпало, - сказал Старчак. - Иначе пришлось бы очень трудно. Лопат и топоров раз-два - и обчелся: только те, что у водителей.

Старчак говорил мне:

- Герой одной книги сулил полцарства за коня... Я бы все царство отдал тогда за сотню больших или пусть даже малых лопат. Если на одном участке были хорошие естественные

укрытия, то на другом мы рыли окопы, чем только могли. Даже голыми руками, а пилотками землю выбрасывали. Мне вспомнился шофер, тот самый, что на Минском шоссе не больно-то охотно окапывался... Вот бы, думаю, его с той самой лопатой сюда. Можно было взрывчатку применить. Но мы тол жалели. Это раз, А во-вторых, не хотели раньше срока выдавать себя...

Обойти участок, занимаемый отрядом, противнику было бы трудно: слева и справа - лес. К тому же подрывники минировали места, по которым могли пройти танки. На некоторых участках были заложены управляемые фугасы.

Иван Бедрин рассказывал мне, что Старчак тщательно вырисовывал цветными карандашами план обороны.

И оттого, что река, откос, окоп его, Бедрина, и соседние с ним поместились на карточке, и оттого, что танки противника, изображенные в виде синих ромбиков, попадали в заштрихованный сектор действия огня, - от всего этого на душе у Бедрина становилось легче. Это не беспорядочное отступление, не бегство, а тяжелая ратная работа, где даже есть теория и документация, в общем, полная отчетность...

По дороге отходили остатки воинских частей, разбитых под Ельней и Кировом. Старчак, выставив охранение, направлял обозы в объезд. Он опасался, что на плечах отступающих могут прорваться по шоссе немецкие авангарды.

Проверяя заставы, капитан подъехал на крупном, сером, в яблоках, жеребце, добытом в одном из полков, к спуску с шоссе на объезжую дорогу и услышал громкий спор.

- Какого черта не пускаете по шоссе!

- У меня приказ, - объяснял Альбокринов.

- Мало ли что один дурак другому дураку прикажет!.. Давай! - толстый, небритый командир, в мятой гимнастерке с отпоротыми петлицами махнул шоферу передней машины, и следом за первым грузовиком тронулась вся колонна.

- Стрелять буду! - спокойно предупредил Альбокринов и вскинул автомат.

- Вы по немцам стреляйте, а по своим нечего! - вспыхнул начальник колонны, и его толстая шея налилась кровью. - По нас уже стреляли.

- И мы будем стрелять, если не выполните приказ!- крикнул, подъезжая, Старчак и, поставив лошадь поперек шоссе, преградил путь.

- А ты кто такой?

- Я - Старчак.

- А по мне, что Старчак, что Спартак, - все равно, - усмехнулся начальник колонны.

- Сдать противотанковые орудия, пулеметы, боеприпасы, передать исправные грузовики с шоферами!.. Расписку выдадим, - спокойно сказал капитан, словно не замечая насмешки.

Видя, что начальник колонны подчиняется, Старчак помчался дальше, и долго еще был слышен цокот подков по звонкому холодному асфальту.

- Кто это?- спросил Альбокринова начальник колонны.

- Командующий Юхновским укрепленным районом, - тотчас же произвел Старчака в несуществующую должность лейтенант.

- Так бы и сказал, я б и спорить не стал. А что он

нас у себя не оставил?

- Да толку от вас не будет, - прямодушно ответил лейтенант. - Большой разбег взяли, вам до самой Москвы не остановится. А нам здесь долго стоять...

5

Свой командный пункт Старчак выбрал неподалеку от кирпичного домика дорожного мастера. Отсюда были хорошо видны и боевые порядки батальона, и мост через Угру, и шоссейная дорога до самого поворота в Юхнов,

Старчак зашел в домик, судя по всему, давно, уже оставленный хозяевами. Засохли примулы на подоконнике, пожелтела вода в стеклянной банке с уснувшими. золотыми рыбками. Опрокинутая солонка валялась у самого порогами соль скрипела под ногами. Полосатый матрац сполз с кровати.

Весь этот беспорядок больно щемил сердце. Где она теперь, эта потревоженная войной семья?..

Через много лет Старчак узнал о хозяевах.

Однажды из разговора с соседкой в военном городке, где живет Старчак, он случайно узнал, что она родом из-под Юхнова.

- В школу бы надо было, но - война; так два года и пропустила, - вздохнула Ольга. - Когда бои на Угре начались, нас папа в деревню увез. Мы ведь на самой дороге жили, у моста.

У Старчака мелькнула догадка.

- Он, случайно, не дорожный мастер?

- Откуда вы знаете?

- Я у вас дома был. .

Он рассказал про все: и про опрокинутую солонку на пороге, и про уснувших золотых рыбок в банке, и про полосатый матрац, свесившийся с кровати.

- Когда мы отходили с Угры на Изверю, все так и оставалось. Только стекла были выбиты, - сказал Старчак.

- А когда мы вернулись, все было спалено. Одни стены. Зто я хорошо помню, хоть и маленькая была.

- Ну разве не удивительно, - сказал я Старчаку,- что здесь, в

военном городке, вы, можно сказать, землячку повстречали?

- И не то случается, - улыбнулся тот. - Мир тесен... Хотя бывает, кого ищешь - не находишь.

...Ночь провели окопах, чутко вслушиваясь, не доносится ли гул моторов, не раздаются ли выстрелы.

Было тихо, но эта тишина не приносила покоя, она, как и всякая неизвестность, лишь усиливала чувство тревоги.

6

На рассвете где-то в отдалении, километрах в десяти, как определили десантники, послышались глухие взрывы.

Было неясно, что это: то ли взрывают мосты на шоссе западнее Юхнова посланные Старчаком минеры, то ли идет бой.

Прошло с полчаса, и совсем близко, казалось, в самом Юхнове, раздалась пулеметная стрельба. Еще несколько минут - и из-за поворота выскочили мотоциклисты в касках. Следом за ними показались бронемашины, два танка и грузовики, а потом опять танки...

Когда голова колонны была в шестистах или семистах метрах от моста и в сотне метров от боевого охранения, выдвинутого капитаном, Старчаку стали отчетливо видны в бинокль красные флажки на рулях мотоциклов и на крыльях бронемашин и грузовиков.

Три; парашютиста из боевого охранения, думая, что это свои войска, вышли на шоссе узнать, что за колонна и куда она следует. Раздались выстрелы пулеметов, укрепленных на мотоциклах, и бойцы упали на асфальт. Но мотоциклисты не ушли живыми, их сразили пулеметчики из боевого охранения, засевшие в придорожной канаве.

Объехав мотоциклы, загородившие дорогу, бронемашины, танки и грузовики с ходу, не делая попытки развернуться и принять боевой порядок, рванулись на мост.

Передняя бронемашина подорвалась на мине, установленной на подходе к мосту, и загородила проезд. Давя своих пехотинцев, выпрыгивающих из машин, танки и броневики дали задний ход, развернулись и устремились за поворот.

Один танк, штурмовавший мост, был подбит Буровым. Парашютист Анатолий Авдеенко бросил в открытый люк этой машины бутылку с горючей жидкостью, и танк окутался пламенем и черным дымом.

- Никогда не думал, что танк так долго может гореть, - вспоминал об этом случае Старчак. - Наверно, часа два чадил.

Десятки вражеских солдат нашли смерть на мосту. Раненые громко кричали, звали на помощь, и этот отчаянный крик резко отдавался в ушах.

Большие потери понесли и парашютисты. Многие десантники, входившие в боевое охранение, были убиты.

Но главное было сделано: вражескую колонну, рвавшуюся на восток, десантники не только остановили, но и принудили к отступлению.

Так начались первые сутки оборонительных действий отряда Старчака на Варшавском шоссе, на реке Угре, в двухстах десяти километрах от столицы, действий, сорвавших, как говорил капитан, расписание поездов, составленное в гитлеровском генеральном штабе.

Отважно действовали все парашютисты, но влюбленному в капитана Петрову казалось, что всех бесстрашнее Старчак. Ведь это он попал очередями станкового пулемета в смотровые щели броневика, он расстрелял танкистов, пытавшихся выбраться из поврежденной машины. Петров сказал об этом заместителю политрука Ивану Анохину, который во время боя находился с ним по соседству. Тот ответил, как всегда, рассудительно:

- Он ведь коммунист, почти пятнадцать лет в партии. Ну, и потом комсомольская школа, конечно, видна.

Сорок три человека подали заявления в партию. Рекомендации давали Старчак и Щербина: у остальных коммунистов не хватало стажа. Разбор документов отложили до окончания боев.

7

Десантники приняли первый бой. Они выдержали, не отступили, но где-то в глубине души у каждого теплилась надежда, что вот-вот подойдут наши подкрепления с востока, а может быть, вдобавок, нанесут удар по фашистам с тыла войска, отходящие из района Ельни, Спас-Деменска, Кирова... Вот было бы славно!

Но не было подмоги ни с востока, ни с запада - приходилось надеяться лишь на свои силы.

Правда, из Подольска, куда Старчак направил одного из командиров, прислали танкетку. Маленькая темно-зеленая бронированная машина, оснащенная пулеметом, показалась грозным боевым средством.

- На таком танке хоть до Берлина, лишь бы горючего хватило! - шутливо говорил Демин. - Поедем, товарищ водитель?

- Поедем, да не все, - отрезал водитель. - Здесь всего два места, так что иные прочие могут не беспокоиться.

- К слову сказать, мы - десантники. Нам и наверху будет уютно, - заметил Демин. - И головой не стукнешься, и бензином не воняет...

Офицер, вернувшийся на танкетке из Подольска, сказал

Старчаку:

- Плохо дело. На всем пути ни одного нашего бойца, хоть шаром покати. Старчак вздохнул:

- Значит, надо держаться. Только так. Было решено отправить на танкетке в Юхнов небольшую разведывательную группу.

- Поедут добровольцы, - объявил Старчак. - Кто хочет?

- Кольчугинцы! - выкрикнул Демин.

- А почему не ивановцы? - возразил Забелин.

- А владимирцы чем хуже? - заступился за земляков старшина Бедрин.

Старчак назначил Демина старшим, а его заместителем - Забелина. Взяли на танкетку и Бурова.

На рассвете, высекая звеньями гусениц искры, танкетка мчалась по Варшавскому шоссе к Юхнову. План был простым и дерзким: ворваться в город и, не задерживаясь, повернуть обратно.

Туда добрались благополучно, проскочив мимо немецкой засады; на обратном пути танкетка была встречена орудийным огнем. Что мог сделать пулеметчик против артиллерии?.. Один из снарядов попал в двигатель, и танкетка остановилась.

И водитель, и пулеметчик были убиты. Григорий Забелин, охнув, отпустил поручень, за который держался, и упал на дорогу. Он был сражен осколком, Буров и Демин, прячась в придорожной канаве, добрались до своих. Гитлеровцы отошли к Юхнову. Видимо, они не рассчитывали на то, что встретят сопротивление, и были озадачены.

- Знаете, что они будут делать? - спросил Старчак у Щербины. - Авиацию, если погода позволит, вызовут, артиллерию подтянут. Но это ничего. Главное то, что мы почта сутки у них выиграли...

- Гляди, наш летит, - перебив Старчака, Щербина указал на кромку леса, над которой проходил четырехмоторный самолет.

Старчак пожал плачами:

- Не знаю, откуда он здесь и чего ради вздумалось засветло этому чудаку летать. Того и гляди - собьют.

Самолет шел на восток, к Москве.

А еще через несколько часов, когда уже смерклось, Старчаку доложили, что прибыл старшина Иван Корнеев, тот самый, который был послан вместе со старшим лейтенантом Балашовым на аэродром.

- Ну как, что, где старший лейтенант? - забросал капитан Корнеева вопросами.

- Все в порядке. Отбыл на ТБ-3 в Москву. Вы, наверно, видели, как он пролетел.

- А самолет где взяли?

- На краю аэродрома в лесочке был.

- А ты что ж не улетел? Старшина ответил:

- Услыхал выстрелы и пришел вот. Ведь почти три года вместе, Иван Георгиевич...

Он впервые назвал капитана по имени и отчеству, и Старчак пожал ему руку:

- Спасибо, тезка!

8

Все следующее утро немцы не предпринимали никаких действий. Парашютисты ждали. Они знали, что новые испытания, которые выпадут на их долю, будут грознее, чем

первое.

Усталые, небритые, в мокрых от неперестающих дождей шинелях, они решили во что бы то ни стало выстоять, не пропустить врага к Москве.

Нервы у всех были напряжены до предела, и когда и кустах, за окопами, раздался шум, парашютисты взялись за гранаты.

Храпя и фыркая, продирались сквозь кустарники неведомо как оказавшиеся здесь крестьянские лошади.

- А я думал, окружили нас, - сказал Петров, кладя гранату на бруствер.

- Вот так и рождается паника, - строго заметил Старчак.

В два часа дня начался обстрел участка, занимаемого десантниками. На клочок земли в шестьсот метров длиной и четыреста шириной обрушились залпы орудий и минометов. Валились деревья, песчаными ямами покрывался мокрый, еще зеленый косогор.

Фашисты выкатили на открытую позицию орудие среднего калибра и повели стрельбу прямой наводкой. Снаряд угодил в высокую сосну, и она, помедлив немного, рухнула, с треском ломая вершины и ветви соседних деревьев.

Немцы произвели четыре огневых налета.

После артиллерийской подготовки две роты пошли в наступление. Пехотинцы бежали по мокрому лугу плотными серыми цепями, поскальзываясь и поднимаясь на ходу. Бежали без опаски, надеясь, что все живое уничтожено их снарядами и минами. Через несколько минут передовая цепь появилась на пригорке.

- Не стрелять! - приказал Старчак. - Подпустим ближе.

Немцы совсем рядом, видны их лица, видны руки, автоматы. Борису Петрову и Ивану Бедрину кажется, что они слышат прерывистое дыхание приближающихся врагов - так тихо стало после того, как смолк гул орудий.

Наконец раздалась команда: "Огонь!" Передние попадали, а

те, кто в задних рядах, бросились обратно... "Дурная атака", как назвали десантники неудавшееся наступление фашистов, захлебнулась.

Дважды еще пытались в этот день гитлеровцы захватить мост, но оба раза безуспешно.

- Что, страшно? - спросил Старчак Бедрина.

- Когда все вместе, не очень, - ответил старшина и добавил: - Убегать страшно. А обороняться - совсем другое дело...

Эту мысль высказывали на войне многие. Страшна не сама опасность, а представление о ней. Вот почему дневной налет вражеских бомбардировщиков кажется менее грозным, чем ночной: ты видишь, куда и как падают и упадут бомбы, ночью же каждая бомба кажется тебе "твоей"...

Когда стемнело, к Старчаку прибыл парашютист из группы воентехника Кравцова. Он сообщил капитану, что группа находилась в засаде на аэродроме "Восточный" и ей удалось уничтожить истребитель "Мессершмитт-109". Хотели поджечь и трехмоторный Ю-52, высаживавший стартовую команду, но не удалось: моторы не были выключены, и "юнкере" улетел.

Связной передал капитану летные карты, письма и другие документы, взятые Кравцовым в кабине "мессершмитта".

...Новый день принес парашютистам Старчака новые испытания. Под прикрытием артиллерийского огня, в сопровождении танков и бронемашин гитлеровцы опять пошли в наступление.

На этот раз огня обороняющихся оказалось недостаточно. Группа вражеских пехотинцев сумела пробраться к мосту и выйти на восточный берег реки. Но здесь выстрелы парашютистов сделали свое дело. Капитан Старчак остановил пулеметными очередями бронемашину, когда она была уже меньше чем в двухстах метрах от линии обороны. Мотор заглох, из дверцы броневика выскочил немецкий офицер без шлема, он тут же был убит.

9

...Снова огневой налет. Артиллеристы пристрелялись, и каждый их залп наносит все больший урон. Вот схватился за грудь снайпер Николай Стариков. Превозмогая боль, он сделал еще несколько выстрелов, но, обессиленный, опустился на дно окопа.

После артиллерийского налета две роты гитлеровцев устремились на мост. Их замысел вскоре стал ясен: они сбрасывали с моста тела убитых, не щадя и судорожно цеплявшихся за перила тяжелораненых, лишь бы расчистить дорогу своим танкам и бронемашинам.

Никогда еще здесь, в этой реке, со времени стояния на Угре, когда в последний раз встретились русские войска Ивана Третьего и полчища татарских завоевателей, - никогда еще не было здесь столько крови...

Мост расчищен. Танки рванулись вперед. Сидящий в замаскированном окопчике Буров замкнул электрическую цепь - и вместе с машинами, въехавшими на настил, взлетела в воздух ферма моста, окутанная дымом и землей. Но две опоры моста остались невредимыми... Видно, при обстреле были повреждены провода взрывной системы.

Увидев это, Буров схватился за голову. Чуть не плача от обиды, оглушенный взрывом, он приполз в окоп к Старчаку.

- Разрешите, товарищ капитан, я доделаю. - Он не сказал, что именно собирается доделать. Капитан покачал головой:

- Не теперь. Когда стемнеет.

Немцы вновь откатились. Но тревожно на душе Старчака. Он знает, что долго на этом рубеже не удержаться: враги обойдут отряд с флангов, к тому же израсходованы почти все патроны, нет снарядов, осталось несколько гранат... Эх, скоро ли подкрепление!..

Старчак приказал группе десантников отойти по шоссе вглубь, на восток, и подготовить новую линию обороны на левом берегу реки Извери.

...Еще один артиллерийский налет - который уже по счету? - и еще одна атака пехотинцев, поддерживаемых бронемашинами и танками. На этот раз гитлеровцы решили преодолеть реку вплавь. Командир роты, занимавшей оборону на левом фланге, лейтенант Коновалов подпустил наступавших вплотную к реке; некоторым даже удалось войти в воду. И всех уничтожил огнем автоматов и ручных пулеметов.

Десантники из отделения Николая Артамонова - Косорыжников, Мазин, Миронов, Ильин, Абрамян, Косов, Кулясов, - поклявшиеся отразить натиск фашистов, выстоять во что бы то ни стало, свято держали слово.

Безуспешно окончилась атака немцев и на правом фланге. Не помог гитлеровцам и самоходный понтон с пулеметной установкой, который сопровождали солдаты, одетые в плавательные водонепроницаемые костюмы.

- Нет, братцы, лучше уж нагишом плавать, - сказал Демин.

Ни один из обладателей водонепроницаемых костюмов не выбрался живым из Угры.

10

Во второй половине дня Старчаку донесли, что противник значительными силами сходит с Варшавского шоссе западнее

Юхнова и продолжает движение параллельно Угре, в сторону Калуги. Говорилось в донесении и о том, что западнее и юго-западнее Юхнова скопилось много танков и грузовых автомобилей с пехотой. Немцы готовились к ночному маршу, заправляли машины бензином, наливали в радиаторы воду.

Вскоре прибыли два парашютиста из группы, посланной Старчаком на шоссе западнее Юхнова еще в первый день обороны. Они доложили о действиях группы: подорван один танк, обстреляна колонна грузовиков, уничтожен мост на шоссе.

- А где остальные? - спросил Старчак, - Вас было восемь.

- Четверо убито, двое подорвались, когда взрывали мост. У нас- ни патронов, ни гранат.

Вечером, оставив на Угре огневой заслон из коммунистов-добрбвольцев во главе с Николаем Щербиной, Старчак стал собираться к переходу на новый рубеж, который уже был подготовлен по его приказанию на берегу Извери.

- Товарищ капитан, можно остаться? - обратился к Старчаку Буров. И напомнил: - Вы разрешили мне взорвать мост. Работу доделать.

Слышавший этот разговор лейтенант Сулимов заметил:

- Я уже послал людей. Через двадцать семь минут мост будет уничтожен. Буров вздохнул.

- Не бойся, на твою долю мостов много осталось: и взрывать и ладить, улыбнулся Старчак.

Когда отходили с Угры на Изверю, Петров, идя рядом со Старчаком, ведущим коня в поводу, спросил:

- Товарищ капитан, почему мы все время отступаем? Не только наш отряд, а мы все, вся армия?

- Вся армия по той же причине, что и наш отряд.

Сил пока у немцев больше, танков, самолетов... Но ничего, скоро и у нас силы поднакопятся.

- Скорей бы, - вздохнул Петров, - почти до самой Москвы докатились.

Старчак промолчал. Ему, как и другим кадровым военным, было горше, чем кому-либо другому, видеть наше отступление. Но он верил, что мы непременно победим, - и это привлекало к нему бойцов.

Однажды капитан привел любопытный факт: подсчитал с линейкой в руках, что гитлеровская армия со всеми ее танками, самолетами, автомашинами наступает медленней наполеоновской.

- Выходит, - проговорил Старчак, - что мы и сами не заметили, как немецкая идея "молниеносной войны" провалилась. - И добавил: - Отступать они, пожалуй, быстрее будут. Надо постараться.

11

- Нам сидеть у моря и ждать погоды нельзя. Сомнут нас, - сказал Старчак старшему лейтенанту Кабачевскому, когда смерклось. - Надо посылать ребят в Стрекаловр. С одной группой пойду я...

- Нет, Иван Георгиевич, - резко возразил Кабачевский. - Ты нужен здесь. А с разведчиками пойду я.

Село Стрекалово, о котором говорил капитан, расположено

на Варшавском шоссе, между Изверей и Угрой. Сюда и отправились разведывательные группы.

В ночь на восьмое октября группа под командой старшины Васильева достигла окраины Стрекалова. В одном из домов десантники захватили трех офицеров и двух солдат. Немцы оказали сопротивление, пытались поднять тревогу.

- Ну, и пришлось, товарищ капитан... - оправдывался утром перед Старчаком Васильев, - пришлось заставить замолчать. Одного вот доставили. Жалко, простой пехотинец...

Пленный оказался не простым пехотинцем. Это был, как установил немного говоривший по-немецки Борис Петров, воспитанник гитлеровской диверсионной школы. Он высокомерно поглядывал на десантников, то и дело одергивая свою опрятную куртку зеленовато-серого сукна.

- Ну. вот, оказывается, воспитанник воспитанника изловил, - заметил старшина Бедрин. Он знал, что Васильев вырос в детском доме. Васильев обиделся:

- Гад он, а не воспитанник!..

Пленного отправили на машине в Подольск, в штаб, на допрос.

Другая группа разведчиков, возглавляемая старшиной Иваном Корнеевым, обошла село Стрекалово с западной стороны. Парашютисты не только выяснили, где расположены танки и артиллерийские батареи, но и вступили на обратном пути в бой с большой вражеской группой. Корнеев, оставшийся вместе с напарником прикрывать отход товарищей, был тяжело ранен.

- Иди, - сказал он товарищу. - А я здесь останусь. Не бойся, живым не сдамся.

- Неправильно говоришь, старшина, - возразил Улмджи Эрдеев, тот самый, которого Иван Корнеев частенько защищал от шуток Мальшина. - Не имеешь права оставаться!..

И он, взвалив Корнеева на плечи, медленно потащил его по лесу к реке, туда, где были свои.

Эрдеев был невысок ростом, и длинные ноги Корнеева волочились по земле.

- Да ведь и тебя, Улмджи, тоже зацепило, - сказал старшина, заметив темное пятно на плече товарища.

- Так, задело немножко... А ты молчи, тебе вредно. Саша Кузьмина ругаться будет.

Трудно руководить боем, когда нет ни телефонов, ни радиостанций и приходится передавать приказания через связных. Но и в этих условиях Старчак четко направлял действия своего отряда.

Бедрин, Мальшин и другие посыльные не раз докладывали

капитану, что такой-то офицер убит и его заменил старшина.

Старчак спрашивал:

- Держатся?

И неизменно слышал ответ:

- Держатся, товарищ капитан. Капитан Старчак, узнав, что старшина Корнеев тяжело ранен, подбежал к нему и велел десантникам быстрей доставить его в медпункт, а оттуда на машине в Подольск, в госпиталь.

Не успела Кузьмина перевязать Корнеева, как Демин принес еще одного раненого - Бажина. Видя, что девушка сбилась с ног, Демин сам сделал ему перевязку.

- Ну, оставайтесь, а я побегу к ребятам, - сказал Демин Кузьминой, управившись с делом. - До свидания, товарищ военфельдшер!

12

Разведывательной группе младшего лейтенанта Наумова сопутствовала редкая удача. Наумов, Белов, Луз-гин и другие десантники, находясь в засаде у самой шоссейной дороги, подпустили вплотную два легковых штабных автомобиля, сопровождаемых бронемашинами. Из лимузинов вышли на дорогу поразмять затекшие ноги пять офицеров и генерал. Десантники открыли огонь из автоматов и бросили две связки гранат. Офицеры и генерал были убиты. С большим опозданием броневики открыли пулеметный огонь по кустам, откуда были брошены гранаты.

Парашютисты скрылись в лесу и через полчаса были на Извере.

- Об одном жалею, - говорил младший лейтенант, - портфели со штабными документами не захватили. Попробуй сунься, если пулеметы так и шпарят...

Одна из групп была послана Старчаком западнее Извери, в поселок Мятлево, стоящий на Варшавском шоссе. Туда пробрались немецкие автоматчики, решившие отрезать советским десантникам путь к отходу.

Неугомонный Демин вызвался пойти вместе с группой, которую тут же окрестили Мятлевской.

Когда парашютисты - их было восемь - вошли в поселок, немцы, засевшие на колокольне, обстреляли их из автоматов. Десантники открыли ответный огонь, но так ничего и не смогли поделать: пули отскакивали от тяжелых колоколов.

Группа разделилась на две части. Четверо, прячась за каменную ограду, побежали к церкви, остальные, взобравшись на крышу соседнего дома, завязали перестрелку с автоматчиками, отвлекая их внимание. Штурмовая группа взломала дверь и,

ворвавшись на крутую винтовую лестницу, с боя беря каждую, ступеньку, устремилась вверх.

Пули, чиркая по штукатурке, крошили известь, и она засыпала парашютистов. В воздухе стояла густая белая пыль. В горле у Демина першило.

Надо было подниматься по косым, шатким ступеням.

Двое парашютистов были ранены осколками гранаты, но не покинули товарищей:

- Наверху перевязку сделаем...

Теперь, когда десантники стреляли снизу, пули то и дело попадали в зевы колоколов, и медь глухо отзывалась на каждое попадание.

- Ура! - закричал Демин, когда до последней площадки остался один лестничный марш.

- Ура! - подхватили его товарищи.

Через мгновение все было кончено. Демин и его друзья достигли верхней площадки. Немецкие автоматчики - их здесь было трое - были убиты. Один лежал в проеме стены, как бы еще прицеливаясь в парашютистов, засевших на крыше соседнего дома. Другой свесился головой со ступенек лестницы. Третий закрыл руками голову, будто защищался от удара...

Демин дернул - не удержался - за веревку, привязанную к языку колокола.

Бомм!.. Густой басовый звук поплыл над безлюдным Мятлевом, оповещая об успехе Демина и его друзей.

- "Кольчугинский завод", - прочитал Демин слова, выгравированные вязью на кромке колокола. - Вот где земляка встретить пришлось. - Он еще раз дернул за веревку: пусть капитан Старчак услышит, что все в порядке.

Десантники уже сбегали вниз, а над Мятлевом все еще стоял гул колокола, отлитого в Кольчугине.

Когда колокола стихли, галки уселись на кресты, и их грай долго был слышен парашютистам.

Небо заволокло тучами, стало темно, и по дороге, крышам, спинам забарабанил крупный дождь.

Проклиная непогоду, Демин и его друзья возвращались в отряд. В одной деревне они зашли в дом, чтобы переждать ливень.

Старчак, проезжая через деревню, услышал музыку. Она доносилась из раскрытого окна.

Капитан вбежал на крыльцо и распахнул дверь, держа высоко над головой гранату.

- Фу ты, черт! - выругался капитан, увидев Бедрина, Демина и Бурова, слушающих патефон.

- Нашли время! - упрекнул их Старчак.

- Мы недолго, - стал оправдываться Демин. - Жалко пружина лопнула: приходится пальцем вертеть диск... Хорошая музыка.

- Марш отсюда!- приказал капитан. - И чтобы все как есть осталось.

Он вспомнил чувство неловкости, какое испытал, зайдя в домик дорожного мастерами ему было досадно, что его люди хозяйничают в чужой избе.

Словно уловив мысли капитана, Демин сказал глухо:

- Все равно сюда немцы придут... Старчак посмотрел на него:

- Значит, поэтому можно врываться в чужой дом? Демин поставил патефон на комод, Бедрин, щелкая шпингалетами, закрыл окна.

- Вот так, - сказал капитан и вышел из дома. Успешно действовали все боевые группы. Несколько вражеских автомашин подорвалось на минах, и в течение всей ночи и следующего дня немцы не отваживались двигаться по шоссе.

Не раз принимались они бомбить участок обороны.

Двухкилевой самолет со свистом снижается почти до самой земли и, когда кажется, что ему уж не выйти из пике, круто берет вверх. Зияет глубокая яма след бомбы;

- Редеют наши ряды, Андрей, - сказал возвратившемуся из Стрекалова Кабачевскому капитан Старчак. - Не знаю, как в тех группах, которые мы выслали на разведку и в тыл, а здесь, на шоссе, считая нас с тобой, осталось всего сорок четыре человека.

- А было сколько?

- Двести...

На шестые сутки со стороны Медыни, с востока, на шоссе показались мотоциклы, бронемашины, грузовики с пехотой. Это шла на выручку старчаковцам моторизованная бригада, посланная командованием Западного фронта.

13

Борис Петров, раненный на Извере в руку, не захотел покинуть отряд Старчака, ехал в кузове грузовика вместе с Бедриным, Васильевым, Кузьминой, Буровым, Деминым, командиром отделения Артамоновым, Улмджи Эрдеевым, который тоже не пожелал лечь в Подольске в госпиталь. Капитан Старчак сидел в кабине и спал, прислонившись небритой щекой к плечу водителя.

Когда на контрольно-пропускных пунктах, которые встречались тем чаще, чем ближе подъезжал автомобиль к Москве, требовали проездные документы, шофер доставал маршрутный лист и вполголоса объяснял что и как. Но напрасными были предосторожности заботливого водителя.

Капитан спал так крепко, что до самой Москвы ничто не смогло бы разбудить его. Он проспал Верхние Котлы, Даниловскую площадь, не заметил, как доехали до Серпуховки, и только на Каменном мосту проснулся: зазнобило от резкого ветра.

Столица, с частыми надолбами на дорогах, с забитыми окнами магазинов, суровая и строгая, и Петрову, и Кузьминой, видевшей Москву только в кино, и Старчаку, который не раз бывал здесь, - всем парашютистам показалась особенно дорогой и близкой.

По приказанию капитана шофер поехал через Красную площадь, хотя ради этого пришлось сделать крюк. Старчак велел водителю ехать помедленнее, он глядел на площадь, на Кремлевскую стену, на Мавзолей... Все: и ровная брусчатка площади, и древний кирпич Кремлевской стены, и пологие крыши дворцов - все было покрыто краской, замаскировано. Но разве мог камуфляж скрыть от влюбленных в Красную площадь парашютистов ее неповторимые черты?

Проезжая по одной из улиц, Старчак увидел нарядные витрины парфюмерного магазина, почему-то не прикрытые щитами.

- Погоди малость, - сказал капитан водителю. Через минуту Старчак вышел из магазина, держа в руках две картонные коробки.

- Это вам, - сказал он Кузьминой, - а это - моей Наталии Петровне,

Кузьмина не удержалась и раскрыла коробку. Там, в обтянутом голубым атласом футляре, сверкали флаконы духов и одеколона, лежали в углублениях мыло и пудра.

- Набор "Молодость", - прочитал этикетку Борис Петров.

Кузьмина, чуточку растерявшаяся, стала благодарить Старчака:

- Ой, спасибо, Иван Георгиевич! У меня такого никогда не было...

Вечером того же дня, получив указания в Штабе Военно-воздушных сил, капитан отправил бойцов на дачу Горького, а сам поехал на один из аэродромов, расположенных за Москвой. Там базировался Первый бомбардировочный полк, который неделю назад стоял в Юхнове. Надо было договориться о будущих десантных полетах.

Старчака встретили как дорогого гостя. Командир полка все благодарил;

- Как славно, что твой Балашов самолет из Юхнова пригнал. Он, говорят, пять кругов над Тушинским аэродромом сделал, прежде чем сесть решился. Ведь впервые на такой машине...

Старчак, собравшийся было наговорить командиру полка много резких слов за то, что не предупредил там, в Юхнове, о вылете, только и мог сказать:

- Вы нас огня и воды лишили, без всего оставили... Так не годится. Тот смутился:

- Ладно, ладно, мы еще вернемся к этому вопросу.

На даче, где расположились на отдых парашютисты, встретившись за ужином с Балашовым, капитан пошутил:

- Видно, придется тебе в летчики переквалифицироваться.

- Только бы взяли.

- А как ты взлетел?

- Взлететь - это не шутка. А вот сесть...

- Ты же сел.

- Зато страху натерпелся! Глянул на взлетно-посадочную полосу - и сердце замерло: то и дело поднимаются и приземляются самолеты. Сбросил вымпел с запиской: "Освободите полосу полностью, сажусь впервые..." Дежурный по полетам, наверно, не понял, в чем дело, но на всякий случай мое требование выполнил. Пошел я на посадку, но промазал. Сам понимаешь, не чувствую высоты на такой большой машине, это ведь не У-2. Опять надо заход делать. Только на пятый раз получилось, сел как полагается.

- Знаешь, Иван Георгиевич,- вздохнул Балашов.- Ты ведь правильно мою мечту определил. В летчики я хочу, в штурмовики. Отпустишь, а?.. С такой яростью воевать буду, представить себе не можешь.

- Отпущу, - ответил капитан, и добавил: - Трудное это дело.

- Значит, отпустишь? - переспросил Балашов.

- Летай! Только вымпелы точнее выбрасывай.

Старчак долго рассказывал мне о Балашове, о его мастерстве и отваге. Сообщил он и такую подробность. 18 августа 1933 года, когда в Москве в первый раз праздновался День авиации, двадцатидвухлетний Балашов выполнил затяжной прыжок. И таким захватывающим было это зрелище, что многие молодые люди тоже решили стать парашютистами.

- Ну вот, - сказал Старчак, - как же я мог не отпустить Балашова?.. Взял он свой вещевой мешок, попрощался с товарищами и в тот же день уехал.

"Дача Старчака" расположилась на даче Горького.

Большой дом с белыми колоннами стоял на крутом берегу старицы Москвы-реки, и, выходя на террасу, Старчак любовался открывающимся отсюда видом. Даже тогда, когда осень сорвала листву с деревьев, окрасила луга в бурый цвет, а небеса - в серый, - даже тогда трудно было оторваться от печальных далей...

Из политотдела дивизии прислали несколько пачек газет - за весь октябрь, и Старчак читал номер за номером. В "Правде" от одиннадцатого числа он увидел небольшую заметку о том, как его отряд держал оборону на Угре. "Правда" первой из всех газет сообщила об этом.

Шла подготовка к действиям в тылу врага. Заново комплектовались взводы и роты: прибыли дополнительные группы добровольцев с комсомольскими путевками; было доставлено вооружение, мины, радиостанции, парашюты; интенданты привезли легкие, но теплые куртки и брюки, меховые шапки и рукавицы, валенки, шерстяное белье... Да и пора бы: стояли холода.

Старчак, Щербина, Кабачевскйй, вернувшийся из рейда в тыл врага, подрывник Сулимов и другие офицеры по шестнадцать часов в сутки проводили занятия с парашютистами.

Ноябрь стоял холодный, и теплая одежда, которую выдали парашютистам, пришлась очень кстати.

В первых числах ноября, как уже было сказано, наступили зима. Она, в отличие от других времен года, наступает внезапно, без разбега, как снег на голову. Так было и в сорок первом.

Весь месяц капитана не оставляло чувство тревоги: он не знал, кто из товарищей, сражавшихся на Угре, жив. Неизвестной оставалась судьба группы, ушедшей вместе со старшим лейтенантом Левенцом, о котором так горевала Саша Кузьмина. Не поступало сведений и о том, живы ли десантники, высадившиеся в глубоком тылу врага еще в сентябре. Хорошо еще, что парашютисты, возвращавшиеся после выполнения заданий, могли узнать в Москве, где теперь находится отряд.

Зима

1

Село Добринское, в котором размещался отряд Старчака, - всего в нескольких километрах от Борисовского, где находилась наша редакция, и я чаще, чем летом и осенью, бывая у парашютистов.

Редактор даже упрекать стал:

- Что зря ходить. Все равно писать про них не разрешают. Медом, что ли, тебя там кормят?

Но, побывав несколько раз у Старчака, он сменил гнев на милость:

- Хоть и нет отдачи, а все же не без пользы.

Я знал, конечно, что Старчаку некогда, и поэтому больше наблюдал, чем расспрашивал.

Я видел, что участники сражений на Угре и Извере, десантники, побывавшие в тылу врага, стали тем ядром, вокруг

которого сплачивались новые бойцы, прибывавшие в отряд почти каждый день из Москвы, Горького, Владимира, Иванова с путевками Центрального Комитета комсомола.

Новички с уважением смотрели на бывалых парашютистов, увешанных трофейными маузерами и автоматами, поглядывали на ордена и медали, которых удостоились десантники. А награждены были почти все участники боев на Варшавском шоссе.

С большой гордостью носил на груди медаль "За отвагу" Улмджи Эрдеев. Куртка у него всегда была расстегнута, и медаль всем была видна. Теперь бы Мальшин не рискнул предложить Эрдееву для чистки свой автомат.

Демин, похаживая в своей хорошо пригнанной брезентовой куртке на меху и в теплых шароварах, заправленных в валенки, говорил новичкам:

- Зимой прыгать одно удовольствие - ноги не отшибешь.

А потом спрашивал:

- Ты городской или деревенский?

- Деревенский.

- Значит, непременно с бани в сугроб нырял. Ну вот, считай, что есть навык. Только баня у нас повыше.

Однажды я слышал, как Демин рассказывал про свой первый прыжок:

- Сперва совсем не страшно было. У нас, в Кольчугине, парашютная вышка, так что я частенько с нее прыгал. Ну, как вы - с бани... Ну, думаю, так же легко прыгну и с самолета. Но вот когда поднялись в воздух и я подошел к двери и глянул вниз, у меня даже голова закружилась. А ведь первым вызвался... Ну, думаю, двум смертям не бывать. Зажал покрепче кольцо, зажмурился и прыгнул.

- А потом?

- А потом парашют раскрылся, тряхнуло меня, стропами по щекам хлестнуло, но страх прошел. Приземлился довольно удачно, парашют только погасил не сразу, так что пришлось проехаться на животе по картофельному полю. И хорошо бы вдоль борозды, а то и поперек. На неделю аппетита лишился...

Уступая просьбам новичков, Демин выкладывал все новые и новые истории. Рассказал он, как однажды, выполняя учебное задание, выпрыгнул на опушке леса. Пока дожидался товарищей, съел плитку шоколада - часть неприкосновенного запаса. А потом капитан Старчак сказал: "Ты с этим пайком в тыл отправишься. Малых детей лишили шоколада, чтобы тебе отдать. Может, эта плитка тебя от голодной смерти спасет. Эх ты, лакомка!.." И Демин продал свой серебряный портсигар с оленями на крышке,

а на вырученные деньги купил где-то втридорога плитку "Золотого ярлыка".

- Хорошо еще, что я ни глотка спирта из фляжки не выпил. А то бы Старчак меня наверняка отчислил. Не терпит он пьяниц. "Эх ты, скажет, слабак... В обозе второго разряда такому место. Исключить из списков!.."

Демин не преувеличивал, говоря о нетерпимости Старчака к пьяницам.

Как-то десантник Линовиченко ушел самовольно в другое село, раздобыл там самогонки, напился, палил из автомата...

Старчак сказал, что не может доверять пьянице. Приказал арестовать его на десять суток, а потом отчислить в другую часть.

Командир роты, в которой служил Линовиченко, стал просить Старчака отменить решение:

- Пить он больше не будет - ручаюсь за него! Старчак посмотрел на Щербину. Тот пожал плечами:

- Надо отчислить, но если командир так просит...

- Вот, не проявили твердости, - вспоминает Старчак, - и до сих пор жалею. Подлец в быту - подлец в бою.

Речь шла о том самом Линовиченко, о котором Старчак сказал мне с пренебрежением: "Был такой..."

2

При тех наших давних встречах я не раз просил капитана рассказать о своей юности, о том, как начинался его жизненный путь, но он все отказывался, ссылаясь на занятость.

Я заметал: Старчак, когда речь заходила о нем самом, старался либо уйти куда-нибудь, либо, если это не удавалось, переводил разговор на другую тему.

Наконец однажды, когда я "нажал" на него особенно сильно, Старчак сказал, что как только он выберет свободную минуту, напишет о том, что меня интересует.

И верно, Старчак сдержал слово. Но случилось так, что я долго не заезжал к парашютистам - мы улетели на другой аэродром, - и эти несколько страничек ко мне не попали. А капитан, видимо, решил, что надобность в них миновала.

Эти листки, написанные зимой сорок первого года, я взял у Старчака недавно. Помещаю их в этой главе.

"Есть у каждого человека дни и события, которые он хранит в памяти всю жизнь. У одних их; больше, у других - меньше. Но они, эти события, обязательно есть. Другое дело - их важность, значимость, что ли. Это уж от самого человека зависит. Если он в стороне не стоял - большие события и на его долю выпадали, и место он ее-бе в жизни выбрал, и может надеяться, что пользу людям принес, пусть даже самую маленькую.

Для меня местом в жизни была и есть армия, в которой я служу больше двух десятков лет, с мальчишеской поры.

Родился и рос я в большой трудовой семье. Отца забрали в 1915 году на фронт, откуда он больше не вернулся. Семья в шесть человек осталась на руках матери-рыбачки. Стоит ли рассказывать о наших достатках, вернее недостатках, если в такой семье один добытчик - мать. Вот и пришлось мне бросить школу и начать, громко говоря, трудовую жизнь.

Сразу же после империалистической началась гражданская война. У нас в Забайкалье - я уроженец Полтавщины, а вырос на Востоке - позже, чем на Западе, удалось с белогвардейцами расправиться. В наших краях действовал ставленник японских империалистов - атаман Семенов.

Много было его бандой захвачено пленных - всех он их у нас в Кяхте уничтожил. Не одну сотню безоружных людей порубили бандиты. Видели рабочие эту расправу и думали: "Придут наши - за все отплатят". А пока к восстанию готовились, оружие раздобывали, отряды сколачивали.

Ну, сказать по совести, я с братишкой Сережей не очень-то участвовал в подготовке восстания, но все-таки. В один из зимних вечеров пришла к нам в дом соседка Шишмарева, хорошо известная в городе еще по первым дням революции. Обязав нас доверием, она дала задание - нашить на красное полотнище лозунг: "Вся власть Советам!" Это на одной стороне знамени, а на другой: "Мир хижинам, война дворцам!"

На масленицу по городку разнеслась весть: "На Соборной площади будет митинг - с требованием о выводе оккупационных войск". Я не написал, что после ухода семеновских банд их сменили войска китайского белогвардейского генерала, не помню уж его фамилию.

В полдень все направились на Соборную площадь, но там уже был белокитайский батальон. Его направили сюда якобы для защиты банка.

Жители города не устрашились. Они шли и шли на площадь. Потом, когда в соборе кончили служить обедню, вышли на площадь молившиеся - и все стало запружено народом.

Белокитайский офицер предупредил, что, если толпа не разойдется, он прикажет стрелять.

В это время вдалеке послышался шум: это вооруженный отряд рабочих пытался пробиться на площадь.

Вдруг над толпой взмыли знамена, и среди них то знамя, на которое мы с Сережей нашили буквы: "Вся власть Советам!"

Офицер отдал солдатам команду, не слышную за шумом толпы. Мы увидели, как одна шеренга солдат легла, вторая

опустилась на колени, третья изготовилась к стрельбе стоя.

Рабочие со знаменами ускорили шаг и пошли прямо на вражеские цепи. Кто-то закричал, стараясь подбодрить товарищей:

- Не бойтесь, стрелять не будут!..

Но выстрелы заглушили эти слова. Залп... Залп... Потом - беспорядочная стрельба.

Какая-то часть рабочих, смяв оккупантов, прорвалась к вооруженному отряду повстанцев, другие бросились в переулки. Вскоре площадь опустела, на снегу остались убитые и раненые...

С приходом партизан у нас в пограничном уездном городке Кяхте, смыкающемся с другим таким же городком, Троицко-Савском, установилась Советская власть. Но впереди были новые бои, новые испытания. Вот почему мы, комсомольцы, шли по своей охоте в ряды армии. Взял в шестнадцать лет винтовку и я.

Но про службу свою долго рассказывать. Упомяну только, что нет, пожалуй, в Забайкалье и на Дальнем Востоке уголка, где бы я не побывал, И в боях довелось участвовать.

Еще в двадцать первом прорвался из Маньчжурии, через Монголию, к Троицко-Савску барон Унгерн с отрядом в несколько тысяч сабель. И пришлось нам до подхода основных сил держаться..."

Я читал записки Старчака дальше, с трудом разбирая его торопливые строчки. Надо сказать, что почерк у Ивана Георгиевича никуда не годится.

- Не далось мне чистописание, - признается он.

"Мне хочется верить, - писал Старчак, - что мои земляки-забайкальцы бывают на местах боев и поминают добром защитников Троицко-Савска. Пусть эти бои не были такими большими и долговременными, какие вдут сейчас, в дни Отечественной войны, но ведь и они были боями за родной город, а значит, и за всю страну..."

Дальше в записках говорилось о том, что после гражданской войны послали Старчака в школу красных командиров - во Владивосток, о том, как служил он в кавалерийской разведке в горах Хингана и Сихотэ-Алиня, на далеких восточных островах - везде, куда его посылали.

"Действия войсковой конной разведки, - писал Старчак, - во многом сходны с действиями мелких десантных групп. Внезапное появление. Наблюдение. Удар. Уход... Вот почему мне теперь легче, чем если бы я не прошел такой школы..

Я служил на одном из островов, затерянных в Японском море, когда в нашей газете "Тревога" появился призыв: "Комсомолец, на самолет!" Я и раньше знал о решении Девятого комсомольского

съезда, объявившего шефство над воздушными силами. А теперь наша газета прямо звала: " На самолет!"

Ну, подал я как полагается рапорт, пошел он по инстанциям. И вот приказ направить командира взвода разведки Ивана Георгиевича Старчака в авиацию... Тогда-то я и ступил на тропу парашютного спорта. Это было в тридцать первом году.

Было у меня много хороших учителей. Николай Евдокимов, например. В Ленинграде, на сборах, с ним познакомился. От него знаменитую "ласточку" перенял. Потом сам кое-кого выучил. А теперь воюю вместе со своими товарищами-парашютистами.

Да, не сказал я самого главного. В двадцать шестом году, еще во Владивостокском училище, приняли меня в кандидаты, а два года спустя - в члены нашей партии. Комсомольская организация меня рекомендовала, ну и старшие товарищи, конечно.

...Читая скупые записки Старчака, я думал, что ничего исключительного в этой биографин нет - такая же судьба у многих и многих его сверстников.

3

Наступил декабрь,

Капитан Старчак знал, что скоро его новому отряду предстоят боевые дела во вражеском тылу. Но когда это будет? Молодые десантники часто задавали капитану этот вопрос, не зная, что и он спрашивает себя об этом же.

Командир корабля Константин Ильинский, вместе с которым Старчак не раз летал во вражеские тылы встречая на аэродроме командира десантников, тоже спрашивал:

- Когда?

Наконец пришел приказ высадиться в тылу, за Волоколамском, и преградить путь отступающим гитлеровским войскам.

В течение одного дня доставили в отряд новенькие парашюты. В школьных классах, в сельсовете, в клубе - всюду, где только можно было поставить несколько сдвинутых вплотную столов, десантники и сержанты из бомбардировочного полка укладывали шуршащие шелком парашюты. Вот уж когда не решился бы я тревожить Старчака!

Надо было проследить за ходом укладки парашютов, проверить, правильно ли упакованы радиостанции, пулеметы, боеприпасы, позаботиться о неприкосновенном запасе.

Десантных парашютов на всех не хватило; завод мог прислать недостающее количество через три дня. И пришлось раздобывать в бомбардировочном полку тренировочные и спасательные.

Не было лыж. Старчак отправил во Владимир Ивана Бедрина, и комсомольцы раздобыли земляку-старшине сто пар...

Это были хозяйственные заботы.

А проработка боевого задания, изучение обстановки в районе высадки, выбор системы связи?..

И всем нужен был Старчак. В штабе отряда то и дело слышалось:

- Не видел капитана?.. Мины магнитные посмотреть хотел...

- Он на аэродроме.

- Я только что оттуда.

- Значит, на складе,

- И там был.

- Выходи на улицу - перехватишь...

И в самом деле, перехватить кошевку Старчака Можно было лишь на дороге. Он, натягивая вожжи, останавливал мохнатую лошадку и нетерпеливо спрашивал:

- Что у тебя?

Выслушав, тотчас же давал ответ, и небольшие санки с плетеным кузовком мчались дальше по широкой сельской улице...

...Как ни сжаты были сроки, отряд подготовился вовремя.

Но вылет отменили. Небо было сплошь затянуто ватными облаками, метель не затихала ни на миг.

На другую ночь вылет снова отменили. Совсем было уж собрались десантники в полет, расположившись в фюзеляжах самолетов, но пришлось спуститься на землю: облака легли на снега, и не стало горизонта.

Старчак вспоминает:

- Отмена полета - самое тягостное дело. Ты собрался, все обдумал, рассчитал, на все решился, сел в самолет с запущенными моторами - и вдруг приказ: оставаться! Это не сразу доходит до сознаниями я вынужден повторять товарищам: "Да, да! Полет отменяется!.." А у самого такое настроение - лучше бы лететь, хоть черту на рога, но лететь.

- Ну что ж, Иван Георгиевич, пойдем к нам, поужинаем, - пригласил Старчака капитан Ильинский, когда во второй раз отменили полет.

- Со мной товарищи. - Старчак указал на Щербину и Кабачевского.

- Их тоже заберем...

Они решили сократить расстояние и пройти напрямик, через летное поле.

Было совсем темно: на земле ни огонька, в небе ни звездочки. Снег скрипел так, как скрипят новые хромовые сапоги...

Впереди, как хозяин, шел Ильинский. В следы, оставленные его огромными унтами, ступали остальные.

Минут через двадцать Старчак спросил:

- Костя, скажи по совести, ты ходил когда-нибудь этой дорогой?

- Тысячу раз, - не очень уверенно ответил Ильинский и, чтобы быстрей бежало время, стал рассказывать про одного штурмана, который определял положение самолета по шестому способу.

- Почему по шестому? - спросил Кабачевский.

Ильинский стал перечислять способы воздушной навигации: по карте - раз, по приборам вслепую - два, по радиокомпасу - три... Он назвал еще два способа. Старчак говорил мне о них, но я, признаться, забыл, в чем их суть. А вот шестой- запомнил.

- Почему по шестому? - повторил свой вопрос Кабачевский. - В чем он состоит?

- А вот в чем, - ответил Ильинский. - Ты производишь посадку где-нибудь на бахче и спрашиваешь сторожа: "Дидусь, где мы сейчас находимся?.." Узнаешь - и снова в полет.

- Неплохо было бы и нам сюда деда-бахчевника,- сказал Старчак. - Мы к твоей "шестерке" опять притопали.

И верно: они вернулись на стоянку бомбардировщика с огромной цифрой "6" на киле.

- Вот, оказывается, кто по шестому способу!-засмеялся Старчак.

Он пошел впереди, и вскоре все четверо входили в ярко освещенную столовую летчиков первого полка.

Сели за стол, накрытый белоснежной скатертью, дождались, пока придет официантка, заказали ужин.

- Может, погреемся чуток? - предложил Ильинский. - После шестого способа... За то, чтобы ты там не заблудился...

- Не могу, мне к ребятам идти. И вообще лучше отложить это до Нового года, - ответил Старчак.

Ильинский не настаивал. Он давно - еще с финской кампании -дружил со Старчаком и знал: тот скажет - как отрежет.

Отказались выпить и Кабачевский, и Щербина.

- Лучше так посидим, поговорим. Было уже поздно. Движок, снабжавший столовую электроэнергией, выключили, и в зале зажгли свечи, Старчак засмеялся:

- Впервые после начала войны вижу стеариновые свечи, да еще с шандалами. Плошки там разные, фитили попадались, а вот свечей видеть не доводилось.

- У нас, как в лучших домах, - улыбнулся Ильинский. - А сказать по совести, никогда не думал, что ты такому отсталому виду освещения обрадуешься.

- Да нет, пускай повсюду электричество горит, а твой домашний стол пусть посадочные прожекторы освещают. Тогда не промажешь - ложку мимо рта не пронесешь.

Ильинский стал рассказывать о дежурном по полетам: положил ракетницу в карман комбинезона, и она выстрелила невзначай; комбинезон прожег, а нового на складе не дают - срок не вышел.

Парашютисты и летчик говорили о свечах, о том, как только что блуждали по аэродрому, смеялись над дежурным, прожегшим комбинезон, благодарили официантку, которая так хорошо накрыла на стол. А за этими словами было совсем иное.

Четверо сидевших за столом думали о том, что и нарядная столовая, и стеариновые свечи, и белая скатерть - все это пока несущественно. Главное завтра надо лететь и выполнять свой долг.

4

Назавтра метеорологи принесли добрую весть:

- Погода будет!

Да, погода была. Стоял лютый, сорокаградусный мороз. Чтобы запустить моторы, авиамеханикам приходилось с самого утра прогревать их с помощью круглых бензиновых горелок, похожих на огромные, богатырские примуса. Такие горелки подвешивали на трубах, вроде водосточных, и нагретый воздух поднимался к моторам.

Двигатели становились теплыми. Но все остальное - ничуть не нагревалось. Самолеты из темно-зеленых превращались в белые: иней надежно маскировал их и лишь там, где тянулись масляные подтеки, он не смог осесть на гофрированных широких листах крыльев и фюзеляжа.

Да, мотористу надо было иметь крепкие нервы, чтобы не отчаяться и не забросить с досады гаечный ключ подальше в глубокий снег, так забросить, чтобы до самой весны не найти...

Мороз выжимал влагу из сосен, обступивших полевой аэродром, и деревья трещали. Мороз выжимал слезы из глаз. Мороз и ветер. Но люди не смотрели на термометр. Они смотрели на часы: к вечеру - а он зимой приходит рано самолеты должны быть готовы.

Руки примерзали к заиндевелому металлу, и у всех мотористов была сорвана на пальцах кожа: есть работа, которую не сделаешь в перчатках, - у них распухли суставы пальцев, обожженных морозом и ветром.

Прогноз подтвердился.

Мы с редактором решили проводить Старчака и его товарищей. Увидев нас около самолетов, капитан засмеялся:

- Ну вот, прощаться пришли. Значит, не улетим... Мы взобрались вслед за десантниками в один из самолетов.

- Интервью брать? - крикнул мне Демин: рев четырех моторов

не позволял говорить ровным голосом. - Вот с Буровым побеседуйте, он это любит.

Буров показал Демину кулак.

Мы пробирались вдоль фюзеляжа в кабину летчиков, ее почему-то называли "Моссельпром". Наверно, потому, что она застекленная, словно кондитерский киоск.

Мне запомнились шутливые слова Демина:

- Первый лунный вальс с Шурочкой - мой! Как, товарищ военфельдшер?

- Нет, мой, ты водить не умеешь, и потом - я записался первым, - засмеялся Васильев.

Кузьмина, серьезная, задумчивая - это ее первый прыжок, - не отвечала.

Борис Петров сказал шутникам, как всегда рассудительно:

- Ну что вы, ребята... Дайте человеку с самим собой побыть.

Побеседовав с командиром корабля капитаном Ильинским, мы прошли к двери: настала пора уходить.

- Значит, не будете брать интервью у Бурова? - прокричал на прощанье Демин, и на его смуглом лице блеснули в улыбке зубы. - Жалеть будете, что случай такой упустили!

Махнув нам, Старчак быстро поднялся по стремянке, почти не держась за поручни. Бортмеханик убрал ее и захлопнул дверь.

Моторы взревели, и самолет порулил из своего снежного укрытия на взлетную полосу. Комья снега били в лицо, и мы на миг отвернулись.

В низкое небо взлетела зеленая ракета. Флагманский бомбардировщик Ильинского взял разбег, поднялся над леском и лег на курс. Следом за ним пошли другие четырехмоторные громады. Двадцать восемь самолетов. Сто двенадцать моторов.

Проводив самолеты, мы с редактором пошли погреться. Нас пригласил к себе в гости старший лейтенант Андрей Кабачевский. Когда мы вошли в землянку, дежурный, указывая на сидевшую в углу женщину в овчинной шубе и вязаном платке, доложил:

- Вот, задержали гражданку. Документов никаких. Расспрашивала о дислокации отряда, по избам ходила.

- Вы кто? - спросил Кабачевский женщину.

- Мать я. Саши Бурова мать... Где он?

- Нет его, он в командировке, - мягко сказал Кабачевский.

- Давно? - тихо спросила женщина.

Кабачевский вздохнул, посмотрел на нас и не ответил. Не мог же он сказать матери, что она опоздала всего на полчаса.

Мать поняла молчание старшего лейтенанта по-своему:

- Если нельзя говорить - не надо. Сама понимаю: служба. А Демин где? Мама его кланяться велела. И письма вот ему...

- В командировке. Мать вздохнула:

- Ну что ж, денек-другой подожду Сашу... Старик только беспокоиться будет. А вы, значит, Сашин командир?

Кабачевский кивнул.

- Не Иван Георгиевич часом?

- Нет, я Андрей Прохорович.

- А Иван Георгиевич где?

- Тоже в командировке.

- А не опасная она? Не дай бог...

Мать развязала свой узелок, лежавший на табуретке, и стала угощать пышками Кабачевского, строгого дежурного и нас с редактором.

- Кушайте, кушайте. Только сегодня испекла. Мы ведь здесь недалёко - в Кольчугине. На попутной машине доехала... В одном месте дорогу перемело, так меня танкисты подвезли: А паспорт потому не захватила, что шофер попутный больно торопился...

Буров, как уже говорилось, летел вместе с Кузьминой, Деминым, Борисом Петровым. Были здесь и удачливый старший лейтенант Анатолий Левенец, и старшина Валентин Васильев...

Подальше от дверей фюзеляжа и поближе к кабине летчиков, потупившись, сидел Линовиченко. Петров хотел ободрить его, но тот так и не взглянул на товарища.

Пролетели над затемненной Москвой, обходя серые бесформенные тела аэростатов, похожие на дождевые облака, миновали пригороды, потом - дальние подступы к столице, преодолели линию фронта, которую, как и тогда, летом, можно было узнать по вспышкам выстрелов артиллерийских батарей. Залпов за гулом моторов не было слышно.

Капитан приказал флагманскому радисту передать на все самолеты команду "Приготовиться к прыжку". И вот наконец тот сигнал, которого так ждали все: "Пошел!".

Как только выпрыгнули, дал себя знать сорокаградусный мороз. Перехватывало дыхание, жгло лицо, хотя оно и было защищено байковой маской. Внизу расстилалась тьма.

- Как в сапоге! - крикнул, выпрыгивая, Демин.

Высаживались, как это и было намечено, в нескольких пунктах, чтобы затем действовать мелкими группами. Одни выпрыгнули близ села Власково, другие - у Шарина, третьи - севернее Волоколамска, близ Теряевой Слободы, неподалеку от Лотошина, в Кореневском, в Ханове.

Надо было создать видимость особенно крупного десанта, отвлечь на себя как можно больше вражеских сил. Вот почему тремстам шестидесяти десантникам Старчака была дана для высадки площадь в семьсот двадцать квадратных километров - по

два километра на брата.

- Не густо, - говорит Старчак. Но тут же добавляет старую поговорку пекарей: - Соображай по муке, воды хватит... Если соображать, всегда получится густо...

Старчак протянул руку Ильинскому, передавшему управление самолетом второму пилоту.

- Без запасного прыгаешь? - спросил Ильинский. Старчак кивнул:

- Одного хватит. Лучше полпуда взрывчатки взять... Попрощались. Командир десантников направился к двери и вышел на крыло, а командир корабля вернулся в свою рубку.

...Самолеты пошли, не разворачиваясь, дальше на запад, чтобы враг не мог обнаружить место выброски десанта.

6

Когда Старчак приземлился, было 23 часа 25 минут. Пятнадцатое декабря срок высадки десанта - должно было наступить через 35 минут. Начался рейд во вражеском тылу.

Капитан стал собирать группу: выброска производилась с небольшой высоты, и большинство оказалось поблизости. Не нашли только двух - Демина и Линовиченко. Линовиченко не выпрыгнул. Он, когда пришла его очередь, встал в дверном проеме и судорожно уцепился за поручни.

В фюзеляже остались трое: Линовиченко, Васильев и бортмеханик.

- Будешь прыгать?! - крикнул Васильев. Линовиченко молчал.

- Вот ты какой, гад! - Васильев бросился к дверям и Отшвырнул Линовиченко в сторону,

- Я пошел, механик! - Васильев выскочил на крыло и, наклонившись, ринулся вниз...

Бортмеханик, немолодой уже техник-лейтенант, в замасленном меховом комбинезоне, подошел к Линовиченко, сидевшему на моторных чехлах.

- Сдать оружие! Трус... Линовиченко отдал автомат и кинжал.

- И парашют сними. Ты не десантник, а... Сколько вылетов сделал, а такого, как ты, не видел. После тебя дезинфекцию делать придется.

Линовиченко было все равно. Он жив сегодня, сейчас, сию минуту - и в этом для него было все...

- Черт с ним, с этим Линовиченко! - махнул рукой Старчак, когда я завел речь о нем. - Я, признаться, не очень огорчился, не найдя его. Конечно, досадовал, что взял такого труса в полет, но - дело прошлое, не исправишь. Вот в Демине, - продолжал Старчак, - в Демине я был уверен, как в самом себе, и, не найдя его, встревожился. И в эту ночь, и потом я всем группам давал

попутное задание - отыскать Демина.

- Нашли?

- Не удалось, - вздохнул Старчак.

Я не отстал от Старчака, пока он не рассказал мне о Демине, а потом напомнил еще об одном обещании - рассказать о другом кольчугинце - Бурове.

- За мной не пропадет, - улыбнулся Старчак, - Только как-нибудь в другой раз.

Вот что узнал я о Демине.

Его не нашли потому, что он оказался в десяти километрах от места сбора.

Десантники прыгали из двери и двух бомбовых люков. Демин зацепился хлястиком куртки за створки люка и не смог сразу отделиться от самолета. Пока он возился, прошло две-три минуты, и бомбардировщик отлетел уже довольно далеко от места выброски десанта.

Наконец Демин выпрыгнул. Когда летел вниз, покачиваясь на стропах под свистящим куполом парашюта, думал лишь об одном: "Где найти своих?"

Приземлился, закопал парашют и пошел по снежному полю, туда, где, по его расчетам, было место сбора.

Вышел на дорогу - по целине идти было невмоготу - и, чутко вслушиваясь в ночные шорохи, пошел дальше. Тихонько поскрипывал снег под ногами, порывы ветра доносили откуда-то лай собак. Демин прошел километра три и остановился: вдалеке темнела деревня.

Там, словно заметив что-то, выстрелили в темное небо ракетой, и несколько секунд все было залито неживым, холодным светом. Демин не шевелился; в своем белом халате он был невидим. Потом ракета потухла - и наступила тьма, еще более густая, чем раньше.

Следом за первой ракетой в небо взлетела вторая, третья... Застрекотал пулемет, и пули засвистели над Деминым.

Немцы били наугад, вдоль дороги, может быть, заранее, еще засветло, пристрелявшись. Демин рассчитывал, что пулеметчики постреляют-постреляют и бросят и можно будет идти дальше.

Вдруг он почувствовал тупую боль в ноге. Такую, какая бывает, когда в горячке футбольной схватки ударят невзначай.

Боль не проходила, и Демин понял, что ранен. Он отошел от дороги и, добравшись до ближнего овражка, стал спускаться в ложбину. Он шел по дну оврага, стараясь весь свой вес переносить на здоровую ногу: правой было больно ступать.

Сделав еще несколько шагов, Демин провалился выше колен в ледяную воду: припорошенный снежком протекал ручей.

"Намокнуть на морозе, - подумал Демин,это, пожалуй, пострашней, чем ранение".

С трудом выбравшись из черной воды, набирая снег в рукава, он пополз к видневшимся вдали сараям, залез в один из них и зарылся в сено, пытаясь согреться. Там стянул валенок с левой, здоровой ноги. Разуть правую ногу не смог.

Занимался рассвет, и Демин решил до вечера пробыть здесь, в сарае...

7

Старшине Васильеву тоже не повезло. Из-за Линовиченко он приземлился не на поле, а вблизи деревни. Сильный ветер сносил Васильева на дома. Немецкие часовые стали обстреливать. Старшина никак не мог освободиться от парашюта. Но именно это и спасло его. Порыв ветра, изменив направление, отнес непогашенный купол от околицы, и Васильева поволокло по снежному полю. Он отделался лишь ушибами да набрал полные валенки снега.

Иван Бедрин, оказавшийся поблизости, помог другу освободиться от лямок. Они закопали парашют и направились в темневшую в отдалении рощу, где и встретили капитана Старчака и других десантников.

- Здесь будем действовать! - сказал Старчак, определив по карте, где находится группа.

Васильеву и Бедрину он дал задание - взорвать мост на дороге Клин Волоколамск, чтобы преградить, путь врагу.

К рассвету десантники дошли до моста, заложили заряды и стали ждать в засаде, когда появится немецкая автоколонна. Отчаянный Васильев считал, что тратить заряд на взрыв моста до тех пор, пока на него не въедут машины, не годится.

Когда рассвело, на повороте показался танк с черно-белыми крестами на броне. Подминая под себя снег, он прокладывал путь автомобильной колонне.

- Как,- спросил Бедрин, - будем рвать танк?

- Да нет, пожалуй, пропустим. Он без горючего и так далеко не уйдет. Лучше несколько машин с пехотой на воздух поднимем.

Танк прополз дальше, а когда к мосту подъехали грузовики, затянутые брезентом, парашютисты взорвали их.

Васильев и Бедрин успели в этот день свалить несколько телеграфных столбов и обстрелять автоколонну.

- Надо уходить, - предложил Бедрин. - Лучше вернемся еще раз.

Друзья пошли по снежной, слепящей глаза целине к леску, видневшемуся вдали. Но вот Бедрин услышал резкие голоса и лай собак. Оглянувшись, разведчики увидели трех лыжников в белых

костюмах. Они тоже заметили десантников и, не сходя с лыж, открыли огонь из автоматов.

Бедрин и Васильев отходили, надеясь все же добраться до леска. Но идти было тяжело, они выбивались из сил, а немцы, вновь устремившиеся вперед, были все ближе и ближе.

- Отходи, я тебя прикрою, - сказал Васильев, увидев, что Бедрин израсходовал все патроны.

- Нет, пойдем вместе, - не соглашался Бедрин.

- Беги! - закричал Васильев и, повернувшись к лыжникам, открыл огонь.

Бедрин не отходил, не желая оставлять товарища. Но вражеская пуля сразила Васильева.

Шел снег, тяжелые, мохнатые снежинки быстро, на глазах Бедрина, засыпали старшину и зажатый в его руке автомат.

Бедрин бросился к ближней рощице. Оглядываясь на бегу, он видел, что его настигают овчарки. Они хрипло, надсадно лаяли.

Бедрин, выхватив из чехла нож, пробежал еще несколько метров по глубокому снегу и, обессиленный, упал. Собаки бросились на него, но подоспевшие лыжники отогнали их. Видно, немцы хотели захватить десантника живым...

Из рощицы, где хотел скрыться Бедрин, выехали на лыжах четверо в маскировочных халатах. Это были Старчак, старший лейтенант Панарин, лейтенант Ушенко и сержант Тюрин. Они заслышали выстрелы и, увидев, что враги настигают десантника, поспешили на выручку.

- Стрелять так, чтобы пули шли поверху и не задели нашего! - приказал Старчак.

Парашютисты открыли огонь, и сразу же все три лыжника свалились на снег рядом с Бедриным. Угодила пуля и в одну из собак; другая овчарка, заскулив, убежала,

Лыжники приблизились к убитому Васильеву, уже припорошенному снежком, постояли, сняв шапки.

Выкопав в снегу могилу, они положили в нее убитого товарища, насыпали снежный холмик и поставили вешку - лыжную палку.

- Скоро наши придут, похоронят по всем правилам, а нам пора, - сказал Старчак.

Парашютисты захватили лыжи и оружие убитых немцев и поехали в лесок. Вскоре поземка замела и место, где только что произошло это небольшое сражение - капля в океане народной войны, - и свежую лыжню. Осталась снежная поляна, белая, чистая, на земле, поруганной врагом...

Обстоятельства гибели Валентина Васильева были записаны мной еще в декабре сорок первого года. Тогда же в нашей

дивизионной газете была напечатана моя заметка о том, как парашютисты выручили своего товарища - Ивана Бедрина.

Я перечитал эту заметку, и мне показалось непонятным вот что. В моей записной книжке тех дней говорится, что десантников было четверо - Старчак, Панарин, Ушенко и Тюрин, а в газете упоминаются трое - нет Старчака. Долго ломал я голову, пока не вспомнил; военный цензор велел вымарать фамилию капитана: очень, мол, приметная личность. Цензор, конечно, был прав.

Вот и вышла заметка без упоминания о Старчаке, и Бедрин, прочитав ее с опозданием на двадцать лег, недоумевает:

- Как же это вы Старчака не приметили, а? Я ему, как говорится, по гроб жизни благодарен, а вы...

Я объясняю, в чем дело, и он соглашается:

- Понимаю: сам в редакторах "Боевого листка" семь лет ходил.

...Выбравшись из рощи, десантники увидели неподалеку утонувшую в снегах деревушку, ту самую, на окраине которой прятался в сарае раненный в ногу Демин. Но разведчики повернули в сторону, и Демин, прильнувший к щели сарая, с горечью видел, как они удаляются, становясь неразличимыми в зимнем поле.

"Выстрелить? Дать сигнал? Нельзя. И сам погибну и товарищей выдам! - и Демин, взявший было в руки автомат, с сожалением опять зарыл его в сено. Может быть, вернутся, когда стемнеет...

Но они не вернулись.

8

Ночью Демин решил добраться до назначенного капитаном Старчаком места сбора. Нога так болела, что можно было передвигаться лишь ползком. Был трескучий мороз, но Демин обливался потом: каждый метр стоил ему огромных усилий.

К рассвету Демин добрался до соседней деревни. Сил больше не было, и он опять заполз а сарай с сеном. Днем ему стало совсем плохо, и он почувствовал, что двигаться больше не может.

Вечерам немцы, расположившиеся в деревне, на окраине которой скрывался десантник, стали жечь сараи с сеном и зерном. Пламя перекидываясь от одного строения к другому, и было светло как днем. Резкий запах горящей ржи больно щекотал ноздри, едкий дым лез в легкие.

Глядя в щели, Демин видел, как немецкие солдаты перебегают с чадящими факелами от одного сарая к другому. Парашютист различая и лица вражеских солдат. Он хотел распахнуть ворота сарая и бросить гранату, но что-то удержало его. Страх? Нет, не страх. Он знал, что, бросив гранату, вызовет у

карателей бешеную ярость против крестьян этой деревни - погибнут сотни людей: женщины, старики, дети...

От сарая к сараю, по деревянным и соломенным кровлям, по заборам и плетням перебирается пламя.

Но, видно, Демину суждено было жить. Сарай, где он прятался, немцы не подожгли. Может быть, просто поленились пройти несколько десятков метров по высоким сугробам: еще снегу наберешь в сапоги с короткими широкими голенищами.

Сараи догорели, огонь погас, но долго еще тлели головешки и долго еще доносился щекочущий ноздри горький запах сожженного зерна.

Снег вокруг подернулся копотью, и, хотя утром а потом вечером и ночью был снегопад, эта копоть обнажалась, как только порывы ветра сдували свежий покров... - А ведь, знаете, -- сказал Старчак, - несколько дней спустя Бедрин - не помню уж с кем - был в деревушке, где скрывался Демин, даже в сарай тот заходил - переобуться. - Ну, и нашел его?

- Не нашел, - ответил Старчак.

- Так откуда же вы знаете, что Бедрин в том самом сарае побывал?

- Знаю. Посмотрите.

Он дал мне лист бумаги, исписанный карандашом вдоль и поперек:

- Бедрин нашел, там, в сарае... Я дословно переписал все, что было на этом листке, в тетрадь.

"...Превозмогая боль, питаясь имеющимся пайком, часто теряя сознание, я продолжал жить, ждать свои части, свято веря в то, что дождусь.

Меня очень мучила жажда: днем я ел только снег, а ночью выползал из сарая и полз в овраг, чтобы напиться воды. Туда же за водой ходили немцы - их я видел каждый день в щель сарая.

Однажды утром, еще до света, захватив финский нож, которым пробивал прорубь, я спустился в овраг напиться. Возвращаюсь обратно, услышал чьи-то шаги. Я сполз с | тропки в кусты; мимо прошел немец с канистрой на плече. Был он без шинели, в одном кителе, поверх пилотки повязан женский платок.

Несколько минут я лежал не двигаясь.

Немец, что-то насвистывая, медленно шел в гору. Я лежал от тропки в двух шагах. Когда фашист поравнялся со мной, я ударил его по ногам, он упал. Я навалился на него и всадил ему нож промеж лопаток. Затем, с трудом оттащив его, засунул в прорубь, под лед. Кровь на тропе засыпал снегом и опять заполз в сарай, захватив с собой канистру.

Весь этот день я чего-то ждал. Начала болеть вторая нога. Валенки снять я никак не мог: они смерзлись и стали твердые, как кость. Хотел разрезать их, но где-то потерял свой нож. Так я промучился еще несколько дней. Вечером на востоке было видно зарево, слышны взрывы, Это значит: скоро придут наши".

Старчак сказал: - И канистру, о которой идет речь, Бедрин нашел. В сене была зарыта...

9

Чтобы как следует понять задачу, которую выполнял отряд Старчака, я решил получше познакомиться с военной обстановкой, сложившейся на дальних подступах к Москве в середине декабря сорок первого года. Сопоставляя рассказы о парашютистах, действовавших во вражеском тылу, с сообщениями об операциях на ближайшем участке фронта, можно было узнать многое.

Я листаю газеты первого года войны. Конечно, я их в свое время читал, но было это почти два десятилетия назад, и теперь все-все переживаешь вновь.

Кто-то сказал, что газета живет лишь один день. Это не так. Газетное слово, сказанное о самом главном, вечно.

Газеты за сорок первый год...

Как жаль, что из-за нехватки времени их нельзя перечитать от строки до строки. Приходится ограничиться декабрьскими номерами.

Второе декабря... Сообщение о том, что наши южные армии разгромили войска гитлеровского генерала Клейста и овладели Ростовом.

Еще через несколько дней - сводки о новых успехах: освобождены Тихвин и Елец.

Газету за тринадцатое декабря, наверно, запомнил каждый, кто ее видел: здесь напечатана сводка о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы. Второе генеральное наступление на нашу столицу окончилось так же бесславно, как и первое, октябрьское.

К трем освобожденным городам, о которых сообщило Совинформбюро в первых числах месяца, прибавились новые: Рогачев, Клин, Яхрома, Солнечногорск, Истра, Венёв, Сталиногорск, Михайлов, Епифань.

Но было рано трубить в трубы: враг был ранен, но не убит, он еще находился на подмосковной земле. Недорубленный лес вырастает.

Получен приказ: сделать все, чтобы ни один фашистский танк, осквернивший своими гусеницами подмосковные заснеженные дороги, не уполз, ни одно орудие, ни одна

автомашина...

Когда четырнадцатого декабря Старчаку давали уточненное боевое задание, ему сказали, что в ближайшие дни наши части должны взять Калинин и Волоколамск. Надо запереть врага на крепкий замок. Конечно, сравнительно небольшому отряду будет не под силу освободить от вражеских войск крупные населенные пункты. Попробуй захвати Теряеву Слободу, где разместился пехотный полк!.. Но вот преградить путь этому и другим полкам - можно.

Главных дорог, на которых действовали парашютисты Старчака, было четыре. Я отыскал их на карте. Это шоссе Клин - Волоколамск, Волоколамск - Лотошино, Клин - Ново-Петровское и железная дорога Шаховская - Ново-Петровское...

С пятнадцатого по двадцать пятое декабря эти пути были прегражденны парашютистами. Вот по какой причине, а не потому что замерзла вода в радиаторах, вражеские машины не смогли выбраться из Волоколамска, взятого нашими войсками двадцатого декабря.

Старчак, рассказывая о делах отряда, назвал лишъ ту технику, которая была захвачена парашютистами в бою. Но ведь доля десантников была и в тех трофеях, которые достались нашим войскам, наступавшим с фронта.

Несколько позже, в январе сорок второго года, я возвращался из Калуги. И тогда еще и шоссе, и большаки, о проселки - все дороги были загромождены танками, автомашинами, мотоциклами, орудиями разных калибров и назначений, начиная с тяжелых пушек и кончая скорострельными зенитками. Немецкое железо валялось под пушистым русским снегом. Из сугробов торчали сотни велосипедов, на которых немецкие самокатчики намеревались проехаться по брусчатке Красной площади.

10

В одной из бесед Старчак сказал, что декабрьские бои внесли много нового в его прежние представления о десантных операциях.

Прежде всего - сроки. По теории считалось, что парашютисты должны пробыть в тылу два, ну, пусть три дня, а затем сомкнуться со своими наступающими войсками или же выбраться к своим через линию фронта. Группа Старчака пробыла в тылу вражеских армий одиннадцать суток...

Второе расхождение теории с практикой. Предусматривалось, что парашютисты пойдут навстречу своим войскам, чтобы скорее соединиться с ними. Старчак же, после того как наши части приблизились к Волоколамску, не пошел в город. Десантники направились на запад, стремясь по-прежнему оставаться в тылу

врага.

Старчак рассказывает:

- Жаль было покидать базу, устроенную нами в лесу между Ильинским и Вертковом. Отсюда мы могли отлично контролировать дороги Клин - Лотошино и Клин - Волоколамск.

В ночь на восемнадцатое декабря мы перешли по льду Ламу и остановились в лесу между Лотошином и Новоникольским.

По пути нам повстречались крестьяне из деревень Старицы и Зубцово. Под охраной пятнадцати конвоиров они заготовляли лес для укреплений, которые немцы спешно возводили на Ламе.

Конвой был уничтожен, а крестьяне вместе с нами пришли на нашу новую базу. Они просили лишь об одном _ дать оружие, и мы поделились с ними трофейными автоматами и винтовками. Командиром нового партизанского отряда стал учитель Киселев.

Когда мы пришли на новую базу, Киселев попросил, чтобы я направил к нему в отряд нескольких сержантов из числа освобожденных нами пленных. Мы посоветовались со Щербиной и решили выполнить эту просьбу.

Прежде чем дать задание партизанскому отряду, мы привели его бойцов к присяге. После чего всем им вручили оружие, а Киселев зачитал приказ номер один - о том, что отряд создан и готов сражаться.

Получив от Старчака задание - помешать немцам строить укрепления в верховьях Волги, партизанский отряд в ту же ночь ушел.

Проводив партизан, Старчак вернулся к кострам. Он дал группам задание на завтрашний день и велел парашютистам отдыхать.

Капитан спал впервые за трое суток, и бойцы разговаривали тихо, чтобы не разбудить его. Но как и тогда, после юхновского сражения, он был настолько утомлен, что ничего не чувствовал и, конечно, спал без сновидений.

Глубокой ночью дежурный разбудил командира:

- Товарищ капитан, вы приказали в два часа...

Чтобы прогнать остатки сна, Старчак растер лицо и виски снегом. Потом посмотрел на спавших у костров бойцов и скомандовал: "Подъем!"

Костры были засыпаны снегом, и парашютисты - кто вдвоем, кто втроем, а кто и в одиночку - отправились на свои нелегкие, опасные задания.

11

Бурову Старчак приказал пробраться в деревню Минино и выявить силы противника, который, по данным командования, готовился к обороне.

Уже больше часа шел Буров, с трудом вытаскивая ноги из глубокого снега, то и дело проваливаясь в припорошенные ямы или спотыкаясь о замерзшие кротовые холмики. Падая, он поднимал над головой автомат, чтобы снег не попал в ствол. Так ровно полгода назад, в памятный воскресный день двадцать второго июня, переплывая тихую светлую речку Нерль, он греб одной рукой, а другой держал над водой узелок с одеждой. Если бы тогда ему сказали, что он будет здесь, у самой Москвы, разведывать расположение вражеских войск, он бы счел это злой шуткой.

Совсем рядом дорога. Наверно, хорошо, легко идти по ней. Пожалуй, километров пять в час сделаешь - и не устанешь. Не то что здесь: полтора часа, а от леска едва-едва отошел.

Если пригнуться пониже, можно увидеть этот лесок. На фоне светлого неба он кажется пилой-ножовкой. Там, в лесу, капитан Старчак, там Борис Петров и другие товарищи. Ждут, минуты высчитывают. Капитан, наверно, уже жалеет, что послал Бурова.

Лес уже не виден. С трех сторон - сзади, спереди и справа - бескрайнее снежное поле, а слева, за придорожным кустарником и щитами, заваленными сугробами, - шоссе. Еще с вечера здесь прошел танк с угольником из бревен. Следом за ним прошли бронемашины, грузовики, мотоциклы. Они идут и сейчас.

Сколько шел он по снежному полю? Три с половиной часа. Устал так, как не уставал никогда в жизни. Лыжи бы теперь, да не хватило на всех.

Над полем, над его кромкой, взлетела ракета, и Буров увидел неподалеку строения. Он постоял, не шевелясь, пока ракета, шипя, не воткнулась совсем рядом в сугроб, и пошел дальше.

Строения, которые Буров принял за избы, оказались фермой, а до деревни было еще с полкилометра.

Он шел огородами. Встревоженные псы надсадно лаяли в своих конурах. Стоило Бурову остановиться, как они замолкали.

Он шел улицей, прижимаясь плечом к плетням, хотя понимал, что безопасней идти по самой середине дороги... Безопасней, но заметней.

Смутно темнели избы. Буров знал, что в каждой из них немцы. Вот в этой наверняка танкисты: их машина въехала в хлев, проломив стену и нахлобучив на себя соломенную крышу... А здесь - артиллеристы: вон два тягача с орудиями...

Когда разведчик дошел до переулка, на него неожиданно набросились, свалили на землю и, подталкивая прикладами, повели к дому, стоявшему в самом центре деревни.

Его провели через сени в большую комнату, и он на секунду зажмурился от яркого света аккумуляторного фонаря. Сидевший

за столом офицер что-то отмерял циркулем по карте.

Патрульные доложили офицеру о пленном, тот оторвался от карты, посмотрел на Бурова и спросил довольно чисто по-русски:

- Кто ты? Из какой части? Кто тебя послал? Где ваши? Отвечай!

Буров молчал.

Его ударили чем-то по голове. Он потерял сознание. Потом его привели в чувство, дав понюхать нашатырный спирт.

Яркий сноп света был направлен прямо в лицо Бурову; тень парашютиста резко выделялась на беленой печи, возвышаясь до самого потолка.

Офицер спросил, глядя поверх головы Бурова на его высокую тень и словно обращаясь к ней:

- Не желаете говорить? Буров не отвечал.

Офицер еще раз взглянул на парашютиста и махнул рукой: Эршиссен!..

Буров знал, что означает это свистящее, как бич, слово.

Ему стало страшно. Еще несколько минут - и оборвется жизнь, а он еще ничего не сделал. И задание не выполнил... А как глупо попался! Даже выстрелить не успел.

Патрульные вывели Бурова в сени, заставили его снять теплую куртку, разуться. Он медленно расстегивал крючки, жалея, что их всего пять, а не десять, неторопливо снял один валенок, потом другой.

Немец взял его куртку, дав взамен свою шинель; другой отобрал шапку и обулся в валенки Бурова, бросив ему свои башмаки с задранными носами.

Солдаты смеялись, и Буров понял, почему им смешно. Они смеялись над тем, что скоро ему будет все равно - холод или тепло.

Нахлобучив на голову Бурову суконную немецкую пилотку, патрульные вывели его на улицу. Один солдат шел впереди, другой - сзади, Буров был между ними. У одного конвоира не было теплых рукавиц, и он держал винтовку под мышкой, прижимая приклад локтем.

"Куда ведут?-думал Буров.- Наверно, около комендатуры не захотели расстреливать".

Глубокая тропинка, проложенная среди сугробов, сворачивала вправо. Когда передний солдат зашел за угол дома, Буров внезапно обернулся, выхватил у заднего конвоира винтовку и заколол его - вот где пригодились уроки Старчака.

Передний конвоир услышал резко оборвавшийся крик и, выскочив из-за угла, поспешил на помощь. Парашютист сразил его выстрелом...

- Признаться, - вспоминал Стартак, - я никогда бы не подумал, что Буров сумеет действовать так решительно. Ну, Демин, Васильев, а вот Буров... Плохо, оказывается, я знал его...

...Пробежав метров двести, Буров миновал околицу, потом пробежал еще столько же. У занесенного снегом коровника остановился и прислушался. Погони не было. Видно, привыкшие к тому, что их часовые то и дело палят в воздух, немцы не обратили внимания на выстрел.

"Куда идти? Как куда? К своим. Капитан Старчак упрекать не станет. Поймет... Но сам он с пустыми руками не стал бы возвращаться... А вдруг опять попадешься? На каждом шагу патрули..."

И десантник опять пошел туда, откуда только что бежал.

Он узнал, где штаб, сосчитал автомашины и орудия, запомнил их расположение. Теперь можно было возвращаться.

Было уже три часа утра. До рассвета, пожалуй, удастся вернуться.

Буров уже выходил на огороды, не обращая внимания на вялый лай собак, как вдруг увидел за изгородью нескольких патрульных.

Он выстрелил. Тотчас же из-за ограды бросили гранату.

Очнулся он от боли: немцы заводили ему руки за спину.

Его привели в комендатуру. Офицер узнал пленного и спросил, в чем дело.

- Отпустили меня, - объяснил Буров.

Офицер выругался, и десантник вновь услышал короткое, шипящее: "Эршиссен!"

Молодой солдат в белом русском полушубке подтолкнул Бурова к двери:

- Марш!..

Сени... Крылечко... Скользкая лесенка в четыре ступеньки... Дровяной сарай, до которого восемь шагов...

Буров не хотел, чтобы стреляли в спину. И потом он желал в последний миг видеть не доски сарая, а звездное небо.

Он старался не слушать резких голосов патрульных, не смотреть, как высокий солдат прилаживает к плечу приклад.

Буров закрыл глаза от нестерпимого света, так и не поняв в чем дело: то ли это немцы включили свои сильные электрические фонарики, то ли это свет ракеты.

Солдат тронул ногой лежавшего на окровавленном снегу парашютиста, осветил фонариком его лицо и пошел к дому.

Буров очнулся, когда ночь сменилась синим трепетным рассветом. Попытался встать, но не смог. Болела простреленная грудь, болело плечо, онемели замерзшие ноги... И все же он

пополз, стискивая зубы, чтобы не застонать. Он слышал, как немецкие танкисты прогревали моторы, и думал, что, если не успеет до рассвета выбраться из деревни, - конец.

Нога не слушались его, и он, упираясь в снег локтями, подтягивался.

И вдруг ничего не стало; ни мороза, ни снежного поля, которому нет конца, ни усталости, ни боли, ни снега, набившегося в рукава...

Буров пришел в себя в незнакомой избе. И первые, кого он увидел, были Старчак и военфельдшер Кузьмина.

- Товарищ капитан...

- Ладно, ладно, сами все знаем, отдыхай!

...Капитан Старчак, обеспокоенный долгим отсутствием Бурова, послал в деревню Бедрина и Петрова. Возвращаясь к своим, они увидели неподалеку от молочной фермы Бурова. Затащили в коровник, перевязали как смогли, одели потеплее, сняв с себя вязаные фуфайки, и понесли.

12

Встревоженные тем, что в районе действуют советские десантники, немцы послали против них карательные отряды, поддерживаемые танками и бронемашинами. Была усилена охрана мостов, подступов к селам, линий связи. На придорожных столбах появились таблички: "Движения нет: опасная зона!", "Опасно: русские парашютисты".

Для острастки гитлеровцы подобрали тела убитых десантников и повесили их на столбах. На груди каждого прикрепили по куску картона с надписью, что так германское командование покарает всякого, кто, "в нарушение благородных законов войны", оказывает сопротивление завоевателям.

Но жестокость врага оказывала совсем не то действие, на которое рассчитывали фашисты. Десантники за каждого убитого товарища уничтожали нескольких гитлеровцев, и похоронные Команды немцев не успевали закапывать мертвецов в мерзлую, неподатливую землю.

Старчак руководил группами, направлял их действия, посылая небольшие резервы на выручку парашютистов, попавших в беду...

Петров и Бедрин были в группе, которой руководил сам Старчак. Они недоумевали; когда же командир отдыхает? Вырыв где-нибудь в лесу норы и выставив дозорных, спали по два, а то и по три часа. Капитан же вместе с часовыми коротал долгие зимние ночи, не поддаваясь на уговоры десантников вздремнуть хоть немного. Черты лица у него обострились, губы потрескались на морозе. Но голос был по-прежнему тверд. И по-прежнему

Старчак был ровен, его спокойствие передавалось другим.

Однажды с группой десантников капитан ходил на разведку в дальнее село.

Группа имела задание - нарушить телефонную связь между Новоникольским и Лотошино. Перервав постоянные телефонные линии, идущие вдоль шоссейной дороги, разведчики решили привести в негодность и полевую связь. При этом шли на хитрость: перекусывали щипцами сердцевину провода, но оплетку сохраняли. Немецким телефонистам стоило больших трудов отыскивать место повреждения.

Разведчики нередко устраивали засады, дожидаясь, когда придут вражеские телефонисты. Те осмеливались ходить лишь днем, причем брали с собой большую охрану.

Близ одного села парашютисты привели в негодность линию связи, ведущую к немецкому штабу. Больше суток ожидали они появления связистов. Но на этот раз нагрянул целый взвод лыжников. Немцы окружили отстреливавшихся десантников, двух убили, а трех тяжело ранили и захватили в плен. Фашисты придумали для них изощренную казнь.

Для временной полевой телефонной связи в немецкой армии применялись переносные шесты. Провода подвешивались на фаянсовых изоляторах, которые крепились на острых стальных крюках. Гитлеровцы подвесили наших парашютистов на этих крюках.

Когда Старчак и его товарищи подошли поближе, они увидели страшную картину. Один парашютист уже сорвался с крюка, и снег припорошил его.

Убитых бережно сняли с шестов. Это были Симагин и Кузнецов. Третьего узнать не удалось: гитлеровцы изрезали ему лицо.

- Я знаю, в каком селе эти связисты, - сказал один десантник. - Едем туда!

Больших трудов стоило Старчаку удержать людей. Он и сам лишь после жестокой внутренней борьбы отказался от этого намерения.

Было принято другое решение. Капитан приказал вновь перерезать телефонные провода и оставил в засаде парашютистов с двумя ручными пулеметами. Отделение гитлеровцев, прибывших устранять повреждение, было уничтожено полностью. Возмездие свершилось. Но долго еще стояли перед глазами Старчака и всех, кто были с ним в тот день, эти трое бойцов, принявших мученическую смерть на земле, которую защищали.

- Разве можно забыть такое? - говорит Старчак. - Когда я увидел на снимке спину венгерского коммуниста, на которой

фашистские мятежники вырезали пятиконечную звезду, я подумал и о наших трех товарищах, ставших жертвами гитлеровских извергов...

Уже девятые сутки действовал в тылу врага отряд Старчака. Фронт все более давал о себе знать нарастающим гулом орудий, непрерывными полетами советских бомбардировщиков и истребителей и тем, что немецкие тылы откатывались все дальше на запад, не рискуя оставаться на своих прежних местах.

Как и было условленно, командиры десантных групп повели бойцов на соединение со своими частями. Это было нелегким делом. Прифронтовая полоса имела значительную глубину, была насыщена огромным количеством войск. Дороги были забиты танками, мотоциклами, немецкой пехотой.

В группе Старчака был пулеметчик Ефим Киволя.

Петров помогал Ефиму нести пулемет, и они вполголоса разговаривали. Ефим говорил, что не знает, что с отцом и братом, ушедшими в армию в первые же дни войны.

Остановились на опушке, примерно в километре от села. Вскоре гул усилился, раздались взрывы бомб и послышалось донесенное порывом ветра "ура".

- Наши! - сказал Старчак. И все повторили это коротенькое слово.

Показались бойцы наступающей части. Они одеты в белые маскировочные халаты, такие же, как у десантников. Только у Старчака и его друзей за время скитания по тылам халаты закоптились у костров, а у наступающих они такие чистые, что их не отличишь от снега. В белый цвет покрашены и танки, мчащиеся по целине, отбрасывая назад отштампованные гусеницами снежные комья.

Все ближе наша пехота. Тяжело дыша, бежит пожилой темнолицый солдат. Он видит лежащих в ложбине десантников, вскидывает автомат крича: "Руки вверх!"

- Батя! - растерянно крикнул Ефим Киволя.

Боец от неожиданности спотыкается, падает. Отец и сын обнялись. Ефим плакал. Слезы текли по щекам старого солдата.

- Товарищ капитан, это мой отец, Степан Макарович! - кричит Старчаку пулеметчик. Степан Макарович повторял:

- Вот ведь какое дело, вот где пришлось встретиться. Ефим спросил о брате.

- Схоронил я его... В одной роте с ним был... Под Гжатском. Пулей разрывной. В голову...

Наша артиллерия, бившая с флангов, перенесла огонь в глубь обороны противника. Рота, в которой служил Степан Макарович, пошла в атаку. Отец и сын Киволя, и капитан Старчак, и Борис

Петров, и Иван Бедрин бежали рядом, стреляя на ходу.

Немцы были выбиты из села. Вскоре отец и сын сидели в избе у жарко натопленной печи, курили. Ефим закурил впервые.

Отец и сын увиделись. Это - не выдумка. Я написал тогда же об их встрече.

Утром десантники отправились на попутной машине в Москву, в Штаб Военно-воздушных сил. Старчак торопился, зная, что туда должны явиться все его парашютисты, перешедшие линию фронта.

В Штабе Военно-воздушных сил Старчака уже ждали.

- Что же вы, капитан, опаздываете? - сказал, дружески улыбаясь, генерал, ведающий десантными операциями. - Командиры всех ваших групп уже прибыли.

Когда были подведены итоги, стало известно: за одиннадцать дней боевых действий во вражеском тылу парашютисты Старчака взорвали двадцать девять мостов. Это заставило гитлеровцев бросить множество боевой техники на дорогах.

Но не эти машины Старчак считал трофеями отряда. Парашютисты были удовлетворены непосредственными итогами своего рейда: они сожгли сорок восемь грузовых машин, два танка, два штабных автомобиля, уничтожили много вооружения и истребили более четырехсот солдат и офицеров.

Не зря укрепили немцы на перекрестках предостерегающие таблички: "Внимание: парашютисты!"

Та же зима

1

Гитлеровские пропагандисты винили во всех своих неудачах русские морозы.

Восемнадцатого декабря представитель немецкого командования объявил корреспондентам в Женеве, что на центральном участке русского фронта стоят сорокаградусные морозы и это сковывает действия германских войск.

Пять дней спустя, двадцать третьего декабря, пытаясь в канун рождества утешить своих приунывших слушателей, берлинское радио сообщило, что, напротив, русская зима - самое подходящее время для боевых операций и надо терпеливо ждать новых побед германского оружия. "Русский климат сильно отличается от европейского, он резко континентален, температура зимой бывает очень неровная. Морозы часто чередуются с оттепелями, средняя температура в январе составляет лишь минус десять градусов. Холодная погода в России не так чувствительна, как у нас на Западе. Воздух здесь сухой и чистый - это предохраняет от заболеваний. Состояние здоровья у людей здесь зимой лучше, чем весной или в дождливое русское лето... Замерзшие русские

дороги значительно облегчают движение, которое летом бывает в некоторых местах почти невозможным".

Затем последовало новое сообщение: "На Восточном фронте свирепствуют морозы и снегопады, и продолжение военных операций и их характер обусловливаются отныне наступлением русской зимы. На широких пространствах Восточного фронта происходят лишь операции местного значения..."

А через несколько дней наши войска, преодолевая глубокие снега, нанесли сокрушительный удар вражеским армиям, засевшим в блиндажах на подмосковной земле А ведь наступать зимой куда труднее, чем обороняться!

Так сами же гитлеровские пропагандисты запутались в своих рассуждениях о климате.

Крепкие русские люди, а не крепкие русские морозы остановили и обратили вспять гитлеровскую армию.

2

Старчак вернулся в Добринское незадолго до Нового года, и опять его кошевка мелькала между сугробами то в одном конце села, то в другом.

Редактор нашей газеты убедил его, и он разрешил напечатать о декабрьском десанте в район Волоколамск - Лотошино. Тогда-то и появились заметки о Бедрине, Киволе, Панарине и других - о многих, только не о Старчаке: цензор был неумолим.

Как раз в те дни были награждены отличившиеся парашютисты, и мы с редактором побывали на отрядном митинге, посвященном этому событию.

Старчак сказал:

- Мы пережили тяжкое лето, грозную осень, переживаем суровую зиму. Но ведь это уже три времени года, а Гитлер утверждал, что Красная Армия и месяца не продержится. У нас в отряде выросли замечательные парашютисты. Я мог бы назвать десятки имен, но вы сами их знаете лучше меня. У нашего отряда уже есть своя история. Пусть же в ней будет больше прекрасных страниц. Это зависит только от нас. Лучшей благодарностью Родине и партии будут наши дела.

После митинга редактор и я пошли вместе со Старчаком в его штаб.

Дежурный вручил капитану пакет с сургучной печатью. Вскрыв конверт, Старчак прочитал бумагу и сказал нам:

- Это приговор по делу Линовиченко. Он присужден к расстрелу.

Решение трибунала прочли на другое утро перед строем. - Вопросы будут? спросил Старчак.

Вопросов не было, но Старчак чувствовал, что от него ждут

слова.

Капитан сказал:

- Он хотел уцелеть за счет других, пусть даже за счет гибели товарищей. За это одна расплата - смерть. Суровое время - суровая кара.

Старчак ни разу не назвал Линовиченко по фамилии, так велико было презрение капитана к трусу. Вот почему и через два десятилетия Старчак на вопрос о Линовиченко ответил: "Был такой..."

И вот наступило тридцать первое декабря.

Новый год капитан Старчак встретил с друзьями на том же аэродроме, откуда совсем недавно улетали во вражеский тыл. Хотел пригласить капитана Ильинского, послал за ним Бедрина, но в полку сказали: "На задании".

Помянули добрым словом погибших, пожелали скорого выздоровления раненым и обмороженным, лечившимся в госпиталях. А особо выпили за здоровье Бурова, от которого только что пришла весточка. Правда, сам он еще не мог писать - писал его отец, приехавший в Москву из Кольчугина.

За окном бушевала метель, и Старчак, глянув в ночь, предложил еще один тост:

- За тех, кто сейчас во вражеских тылах, за товарищей наших.

Помянули и Руфа Демина, чья судьба особенно всех тревожила. Ведь прошло семнадцать суток...

3

А Демин не заметил наступления Нового года: он потерял счет дням, то и дело впадая в забытье.

Однажды утром он услышал, что кто-то медленно открывает неподатливую скрипучую дверь сарая, занесенную снегом. Демин схватился за автомат. В сарай вошла женщина в старом ватнике с веревкой в руках. "За сеном", - догадался Демин. Он подполз к двери.

Увидев его, женщина вскрикнула.

- Не бойтесь! - сказал Демин и не узнал своего голоса, хриплого, словно чужого.

Женщина заметила у него на шапке красную звездочку и спросила шепотом:

- Ты боец? Давно здесь? Откуда? Демин пожал плечами.

- Ты бы поостерегся: немцы у нас. Вчера всю ночь пьянствовали - Новый год встречали...

- Вот что, мамаша, принеси мне поесть. И одежду какую-нибудь, если найдется.

Вечером женщина принесла Демину узел с вещами и крынку горячих щей.

- Ложку позабыла! - всплеснула она руками,

- Не беспокойтесь, имеется. - Демин достал из-за голенища алюминиевую ложку.

Поев, он стал переодеваться. Сделать это оказалось не просто. Удалось снять только куртку; гражданские брюки, принесенные женщиной, пришлось натянуть прямо на свои, поверх валенок, на выпуск... Надел залатанную тужурку, нахлобучил до самых бровей заячий треух.

Женщина покачала годовой:

- Все равно узнают. Бойца во всякой одежде видно... уходи скорее. Найдут тебя...

Ползком Демин добрался до хутора. Постучал в один дом. Его впустили. Пожилой крестьянин, припадая на одну ногу, провел его через сени и кухню в большую комнату. На полу и на лавках спали женщины, дети.

Начались расспросы, но Демин ничего не успел рассказать: в деревню въехали на санях немецкие солдаты и стали гнать крестьян на расчистку дороги.

Хозяин велел спрятаться на печи и помог туда влезть.

Скоро, видимо под воздействием тепла, обмороженные ноги Демина стали нестерпимо болеть.

Хозяин попробовал разуть его, но каждое прикосновение вызывало такую боль, что Демин громко стонал. Тогда хозяин разрезал оба валенка и стал осторожно отдирать смерзшийся войлок. Демин потерял сознание.

Очнулся он на кровати, укрытый стеганым одеялом из разноцветных ситцевых лоскутков. Рядом сидел хозяин дома, дядя Семен, как он назвал себя.

Ног Демин не чувствовал. Хотел пошевелить пальцами - ничего не получилось. "Отморозил..." - решил он.

В избу вошла молодая женщина, очень похожая на дядю Семена.

- Вот, батя, марганцовка, еле выпросила, - сказала она.

Ноги промыли раствором марганцовки и перевязали как смогли. Другая дочь Анна отдала пеленки своего малыша.

Боль усиливалась. Демину казалось, что у него гангрена...

Все, что здесь рассказано и будет рассказано о Демине, не вымысел. Многое сообщили мне о нем Старчак и Буров, многое узнал я от дочерей дяди Семена Анны и Екатерины. Самого Семена Филипповича Гущева уже не было в живых.

4

Лишь на самой подробной карте-двухверстке можно отыскать хутор Курвино, где лежал Демин. Он чувствовал себя все хуже и хуже, но стонал только во сне,

В избу часто заходили соседи попросить щепотку соли или пару спичек и, если Демин не спал, спрашивали его:

- Скоро ли кончится война?..

- Правда ли, что немцы захватили Ленинград?..

- Почему англичане и американцы не ударят с тыла?..

Демин отвечал как мог, хотя многого он не знал сам. Но в его ответах звучала такая убежденность, что она передавалась всем, кто его слышал.

Однажды пришел назначенный немцами староста; благообразный старик с черной бородой. Спросил, как поступит советская власть с теми, кто служил врагу.

- По головке не погладит, - сказал Демин и отвернулся к стене.

Староста отомстил по-своему. Он отвел избу для ночлега солдатам, а Гущевым пришлось перебраться в старую баню с выбитыми стеклами. Приладили фанеру, чтоб держалось тепло.

Перенесли в баню и Демина.

Возбужденная, запыхавшаяся прибежала однажды Катерина. и, поправляя разметавшиеся волосы, сказала:

- Руф, я придумала, как тебе помочь. В школе немцы, лазарет устроили. Я уговорю врача, чтобы операцию сделал... Вот, - она сняла с пальца кольцо. Это - врачу... Иначе - пропадешь.

Он оглядел тесный, низенький, закопченный предбанник, у порога лежал топор.

- Да я лучше дамся, чтобы мне вот этим топором ноги отрубили!..

Дядя Семен и Анна напустились на Катерину:

- Человека растревожила! Куда ты его к немцам тянешь! Кто просил соваться? Демин сказал негромко:

- Вы уж не ругайте ее: Она - от души. Только не могу я так...

Спал он беспокойно, метался, бредил. Как-то в баню нагрянули патрульные.

- Кто такой? - спросил старший.

- Братишка, - объяснила Катерина. - Ваши у него валенки отняли, когда он из соседней деревни шел, вот и отморозил ноги...

Патрульный откинул одеяло, взглянул на почерневшие ступни и махнул рукой: "Капут".

А Демин, притворившийся спящим, думал: "Пусть мне одному - капут, а вам всем - капут..."

5

В последний раз я видел Старчака в канун Нового года. Он был особенно весел - получил наконец письмо от жены.

Тогда я не думал, что больше не встречу его, и даже не

попрощался.

А когда пятого января вернулся в Добринское, мне сказали, что Старчак в тылу у немцев.

Я не видел, как шла подготовка к полету, и вообще все произошло гораздо быстрее, чем можно было предположить. Ведь лишь в конце декабря Старчак вернулся из района Волоколамска и уже через неделю отправился на задание.

Только недавно я узнал, как было дело.

Накануне полета в тыл пришел приказ - откомандировать старшего политрука в распоряжение политотдела.

Щербина зашел к Старчаку. Сел на табурет, как всегда далеко выставив длинные ноги и загородив проход. Борис Петров, писавший что-то, вышел.

- Значит, уезжаешь? - спросил Старчак.

- Выходит, так, - вздохнул Щербина. - Нечего сказать, хорош новогодний подарочек...

Потом Щербина влез в тесную кабину полуторки, направлявшейся в город, и не закрывая дверцу, помахал на прощанье рукой.

В этот же день Старчака срочно вызвали в Москву, в Штаб Военно-воздушных сил.

Вызвавший Старчака генерал поблагодарил его за успешные действия в тылу врага, вспомнил про юхновскую операцию, Подвел его к карте - познакомил с боевой обстановкой. После поражения под Москвой немцы стремились задержаться, на рубеже Юхнов - Сухиничи. Надо сбить их с этого рубежа, завершить, разгром группировки, наступавшей на Москву.

Генерал спросил:

- Ты район Угры хорошо знаешь? Мы должны направить туда десантный отряд, большой, человек в пятьсот. Высаживаться будут люди, которые проходят подготовку в твоем отряде, а командира подберем. Ты ведь только-только прилетел и не опомнился, видно, еще... Не обижаешься, что твоих ребят другому отдаем?

- Обижаюсь, конечно, - ответил Старчак. - А потом, я отдавал Юхнов, мне его и брать. Генерал встал.

- Вот что, капитан. Нет, не капитан, а майор. Почему у тебя по одному прямоугольнику на петлицах? Разве не получил выписку из приказа? Поздравляю, Иван Георгиевич... Я поговорю с членом Военного совета, пожалуй, тебя и пошлем в район Юхнова.

- Благодарю.

- Все указания - у начальника штаба, - сказал генерал, пожимая Старчаку руку.

Вот и опять пригодилась мне старая карта Калужской области, подаренная когда-то Старчаком.

Район, где парашютисты держали оборону, представляет замкнутый пятиугольник, образованный селом Троицким на севере, Детчином - на востоке, Кондровом - на юге, деревней Озеро - на юго-западе и Юхновом - на западе.

Эти крайние точки соединены на карте синими карандашными линиями. Теперь, обозначая район, куда был высажен третьего января десант под командой Старчака, я беру красный карандаш. И вот что любопытно: синяя и красная линии почти совмещаются. Можно было бы даже подумать, что, намечая место высадки десанта, в штабе не очень долго ломали голову - взяли старую карту Старчака и велели ему быть в начале января там же, где он находился в первых числах октября...

Я сказал это Старчаку. Он ответил:

- Да, район дали по особому заказу, как ученику-второгоднику, который в географии слабоват... А серьезно говоря, совпадения эти не случайны: и мы в октябре, и немцы в январе для обороны самые выгодные точки выбирали - вот и совместились на карте линии...

В самом деле. Откатываясь под ударами наших войск по Варшавскому шоссе, немецкая армия шла тем же путем, что и в дни своего октябрьского наступления. Она была выбита из Малоярославца, оставила после жестокого сражения Медынь и закрепилась в Юхнове, надеясь перезимовать здесь, а затем вновь ринуться на Москву знакомой дорогой.

Немецкое командование сумело за три месяца превратить Юхнов и его окрестности в подлинно укрепленный район с долговременными огневыми точками, ходами сообщения, надежными блиндажами. Одной из задач отряда Старчака как раз и была разведка этих укреплений.

Юхнову обе воюющие стороны придавали первостепенное значение. Юхнов - это дорога на Москву. Это также путь на Калугу, Сухиничи, Вязьму, словом, ключевая позиция.

Забегая вперед, скажу, что нашим войскам удалось взять Юхнов и разгромить тринадцатый и двадцать шестой армейские корпуса лишь пятого марта - почти через два месяца после освобождения Медыни, от которой до него всего час езды на автомашине.

Уже давно были освобождены Сухиничи, калужский городок Киров, а Юхнов все держался, и лишь угроза полного окружения заставила гарнизон укрепленного района покинуть свои надежные укрытия и бежать под ударами наших войск.

Давно идет спор о том, что легче зимой - наступать или обороняться.

Если бы наступать в полутораметровых снегах было легче, наши войска еще в январе заставили бы гитлеровцев, засевших в Юхнове, сложить оружие.

Если бы было так, не подвергся бы жесточайшим испытаниям и не потерял бы стольких замечательных бойцов парашютный отряд Старчака.

Если бы!..

Но ведь зимой сорок второго года наступать было гораздо тяжелей, чем держать оборону, что бы на говорили поэтому поводу гитлеровские теоретики и практики войны.

7

На подготовку к декабрьскому рейду отряду Старчака дали почти две недели, а для того чтобы приготовиться к полету в район Юхнрва - всего три дня: первое, второе и третье января. На рассвете четвертого парашютисты должны были быть на месте.

Вновь, еще до наступления темноты, запускают механики моторы, надеясь, что погода позволит самолетам отправиться в ночной рейд. Вновь осаждает Старчак метеорологов, требуя сообщить самые точные данные о погоде в районе выброски десанта. Вновь сдает Борис Петров на хранение в политотдел дивизии свои документы. Только на этот раз вместо комсомольского билета - карточку кандидата в члены партии. Рекомендацию ему дал там, на Угре, Старчак.

И вот над командным пунктом аэродрома взлетают в темное небо, догоняя одна другую, три зеленые ракеты. Это Старчак дает приказ начать посадку в самолеты. Еще две ракеты, на этот раз красные: команда взлететь.

...Тяжелые четырехмоторные бомбардировщики шли на малой высоте. Как и обычно, Старчак летел с капитаном Ильинским. Ему все больше нравился этот спокойный и на вид медлительный человек, с уверенными, точными движениями.

Когда флагманский самолет пролетел над Медынью - этот городок на Варшавском шоссе наши войска освободили десятью днями позже, - зенитные батареи немцев открыли стрельбу. Старчаку, который уже десятки раз летал в тыл врага, не доводилось видеть такого моря ргня. Зенитные орудия крупного калибра, скорострельные пушки, выбрасывающие трассирующее разноцветные снаряды, пулеметы, посылающие в небо веера светящихся пуль, - все это немцы пустили в действие.

Проводив залпами советские самолеты, артиллерийские батареи "передавали" их другим, также расположенным вдоль Варшавского шоссе, и по этому узкому огненному коридору шли

бомбардировщики. Немцы включили прожекторы. Светло-голубые зыбкие столбы света, то пересекаясь, то расходясь, блуждали по небу. И не один десяток осколочных пробоин на крыльях и фюзеляжах самолетов пришлось назавтра латать мотористам бомбардировочного полка.

- Иван Георгиевич, скоро Юхнов, - сказал Ильинский.- Смотри, как встречают... - Что поедаешь? Давай-ка покурим. Старчак достал свою трубочку, вытащил зажигалку.

В это время ударила новая зенитная батарея, и Ильинский повел самолет в облака. Старчак пошел к десантникам, сидевшим на скамьях вдоль всего фюзеляжа. - Страшно? - громко спросил Старчак у молодого парашютиста с детски припухлыми губами. Тот смутился, боясь признаться в том, что ему действительно страшно.

Но и сам Старчак испытывал большое чувство тревоги. Еще в Штабе Военно-воздушных сил он узнал, что, по данным фоторазведки, в районе, где предстояло высадиться десантникам, сосредоточены крупные силы пехоты подготовлены долговременные огневые точки: захватить аэродром будет тяжело.

Капитан Ильинский, поручив управление второму пилоту, вышел из кабины проводить Старчака.

Старчак сделал несколько шагов и оказался у двери, в которую был виден черный прямоугольник неба с мерцающими звездами.

- Ну, счастливо! - Старчак пожал руку Ильинскому и перешагнул через порожек.

Воздушная струя отбросила его по широкому гофрированному крылу самолета. Языки пламени с яростью выбивались из выхлопных труб. Падая, он успел увидеть, как вслед ему прыгнул тот самый юноша который признавался, что ему страшно.

Старчак рванул вытяжное кольцо, стропы больно хлестнули его по щекам, и парашют раскрылся.

"Теперь, - думал Старчак, - не отнесло бы куда-нибудь на деревья или дома". Но Старчака, Бедрина, Петрова и многих других десантников ожидала куда большая угроза. Вновь гулко застучали крупнокалиберные пулеметы, и пунктиры трассирующих разноцветных пуль прошили ночную мглу. Нет ничего в такой момент беспомощнее человека, спускающегося на парашюте. Но если есть гранаты, можно бросить их туда, откуда ведут огонь. Старчак метнул одну за другой две гранаты в пулеметное гнездо, и пулемет замолчал.

Но остальные продолжали вести огонь. Старчак увидел, как

бессильно повис на стропах спускающийся рядом десантник. Очередь зажигательных пуль прошила парашют другого бойца; купол вытянулся, превратился в грушу, и десантник камнем полетел на землю...

Старчак приземлился на опушке рощи неподалеку от деревни Большое Фатьяново - это в четырех километрах от Мятлева и в двух километрах от Варшавского шоссе. Погасив купол парашюта, взял горсть сухого жесткого снега и вытер им пылающее лицо. Тихонько свистнул.

Послышался ответный свист, и через несколько минут подошел, поскрипывая по насту, старшина Бедрин, еле различимый в своем белом маскировочном костюме с капюшоном.

Очень трудное дело - быстро собрать группу после ночной выброски, да еще зимой.

Когда высаживались в декабре в районе Волоколамска, противник нисколько не помешал, и то не сразу удалось найти друг друга.

Но значительно более трудными были условия высадки здесь, близ Варшавского шоссе. Во время зенитного обстрела самолеты вынуждены были разойтись, и некоторые из летчиков потеряли ориентировку. Десантники высаживались не кучно, как намечалось, а в разных местах. Вот почему на сбор отряда ушло пять часов с двадцати одного часа третьего января до двух часов следующего дня.

Во взводах и ротах не досчитались многих молодых парашютистов, для которых первый полет в тыл оказался последним.

Старчак знал: не все, кого не оказалось на месте сбора, погибли; некоторые, наверно, заблудились в глубоких снегах, и есть надежда, что они придут.

В одном из архивов сохранилось боевое донесение, посланное Старчаком. В документе сказано, что при высадке погибло шестьдесят два парашютиста. Это пятнадцать процентов общей численности отряда.

Старчак отозвал в сторону командиров групп и стал объяснять боевую задачу:

- Мы - перед фронтом наступающей сорок третьей армии. Нам приказано отрезать дорогу из Медыни на Гжатск и все дороги на запад от шоссе, закрыть немцам пути отхода из Медыни на Юхнов. Будем держаться до подхода передовых частей. Они дрлжны прийти к утру седьмого января. А сейчас - за работу.

Одной из групп - ее возглавил Андрей Кабачевский- Старчак

приказал захватить аэродром, другую направил на шоссе Медынь - Мятлево, третью - на железную дорогу. Сам он вместе со старшим лейтенантом Смирновым, лейтенантами Альбокриновым и Шкарупо, старшинами Бедриным, Гришиным и Борисом Петровым и другими парашютистами взялся за самое трудное дело - уничтожение вражеских огневых точек.

В районе высадки десанта, на высотках, оказалось двенадцать дзотов. Старчаку и его товарищам пришлось несколько дней вести с ними тяжелую борьбу.

В боевом донесении об этом говорится кратко: "Блокируя отдельные дзоты и подавляя их огонь, десантники постепенно сжимали кольцо вокруг дзотов и затем полностью истребляли их гарнизоны".

Еще несколько строк из боевого донесения, чтобы подкрепить дальнейший рассказ:

"...Частью сил десант разрушал железнодорожные пути и уничтожал вражеские грузы и их охрану. 5 января десантный отряд вышел к платформе Костино и взорвал находившийся вблизи нее мост. 8 января он занял станцию Мятлево и захватил два железнодорожных эшелона с 28 танками. С 8 по 19 января велось доуничтожение неприятельских дзотов в районе Мятлево и очищение занятой территории от немецко-фашистских войск..."

Выходит, что не три дня, как намечалось, а почти три недели действовал отряд Старчака во вражеском тылу.

- На захваченном нами аэродроме, - говорит Старчак,- должны были приземлиться самолеты с подкреплением отряду, но непогода помешала выполнить этот план. Не смогли за три дня пробиться к нам и части сорок третьей армии: очень уж прочной была вражеская оборона - не сразу удалось ее взломать. И получилось: три дня - это теория, а три недели - практика.

Отряду в триста пятьдесят человек пришлось нелегко. Известно: длительные бои сводят на нет преимущества десанта - внезапность и подвижность. Десантный отряд превращается в обычную пехотную часть, сжатую вражеским кольцом.

Вот почему, видя, что удержать аэродром можно лишь ценой больших и неоправданных потерь, Старчак решил не цепляться за него, тем более, что из-за снегопадов взлетная полоса пришла в полную негодность.

Старчак создал небольшие группы. Каждое из подразделений имело определенное задание. Одним группам было приказано сорвать передвижение фашистских колонн на шоссе Медынь - Мятлево -Юхнов, другим - преградить путь немецким войскам на участке Медынь - Кондрово - Калуга, третьим - взять под свой контроль мосты и не дать гитлеровцам взорвать их при

отступлении, четвертым - разведать систему вражеских укреплений в Юхнове. Сам командир с несколькими парашютистами отправился спасать села от уничтожения врагом.

Повинуясь приказам своего верховного командования, отступавшие немецкие войска стремились превратить оставляемые территории в "зону пустыни". Всё, что может гореть, должно быть сожжено, всё, что может быть разрушено, должно быть превращено в развалины. Такой приказ.

Делу разрушения был придан размах. Были созданы специальные команды, снабженные автомашинами, огнеметами, тяжелыми плугами, выдирающими рельсы и разрезающими шпалы. До чего не додумается злобная разрушительная мысль!.. Поджигатели имели отпечатанные в типографиях инструкций, действовали по разработанной в тихих кабинетах штабов методике.

Группы в десять, пятнадцать, а то и двадцать человек подъезжали к селам на автомашинах или санях; если дорога была занесена снегом, выгоняли из домов жителей и тотчас же поджигали избы, применяй для этой цели ранцевые огнеметы, артиллерийский ленточный порох, ампулы с горючей жидкостью, факелы, плоские бидоны с бензином.

Вот за такими-то отрядами и охотились Старчак и его друзья. Узнавая у местных жителей, куда направляются поджигатели, парашютисты устраивали засады и уничтожали врагов. И в том, что многие селения близ Юхнова и Мятлева спасены от огня, заслуга парашютистов Старчака. Капитан говорил:

- Что нам их, бояться! мы у себя дома, а они пробираются, втянув голову в плечи, как, воры...

Разведчики, возвращавшиеся из-под Юхнова, докладывали Старчаку об укреплениях, возводимых немцами:

- близ Колыхманова - дзоты, у Пречистого - тоже и у Корцева... Вот схема...

В дополнение к земляным и бревенчатым укреплениям были воздедены ледяные валы, опоясывающие Юхнов... Заставив крестьян из окрестных сел работать день и ночь, гитлеровцы спешно устраивали завалы на дорогах, добиваясь полной неприступности укрепленного района.

Старчак понимал, что взять Юхнов нашим войскам удастся лишь после жестокой борьбы, и он делал все, чтобы гарнизон укрепленного района не усиливался за счет частей, отступавших из Медыни и Мятлева.

9

С востока, сбивая вражеские заслоны, шли по снегам полки сорок третьей армии, перед фронтом которой высадились

парашютисты Старчака. Все слышней был гул орудий.

Старшина Бедрин и лейтенант Альбокринов, находясь в дозоре, встретили на лесной опушке конных разведчиков тридцать четвертой отдельной стрелковой бригады.

- Теперь скоро, - сказали разведчики.

Получив нужные сведения и отдав всю махорку парашютистам, они поскакали к своим.

- Теперь скоро... - повторил Бедрин.

Трудно было узнать в этом худом, бородатом и усатом человеке в рваном, закопченном маскировочном халате Ивана Бедрина.

Он охрип, и когда шептал что-нибудь товарищам, они смеялись:

- Ты на нас не кричи! Объясняй, пожалуйста, потише...

Однажды Бедрин и Альбокринов встретили на опушке леса старика.

- Я свой, - сказал он. Но парашютисты не поверили. Обыскав его, они нашли пистолет системы Токарева и несколько обойм с патронами. Документов у задержанного не было.

Старика привели к командиру группы Кабачевскому. Тот взглянул на старика и узнал в нем того самого телефониста, которого видел на узле связи еще в октябре, в Юхнове...

- Бриться надо, папаша, - улыбнулся Кабачевский. - Бриться надо, тогда и не будут тебя парашютисты пугаться, Ну, рассказывай, что узнал, что разведал.

Собранные старым телефонистом сведения о расположении немецких зенитных батарей и о местонахождении других воинских подразделений были переданы по радио в штаб армии.

- Есть у меня для вас новогодний подарочек, командир, - сказал телефонист. - Правда, Новый год миновал, но считайте, что мой подарок задержан доставкой. В общем, слушайте. В Мятлеве, на станции, немцы грузят танки на платформы. Два эшелона. Завтра, наверно, отправят.

Сообщили Старчаку об этом, и он пошел в Мятлево с группой парашютистов. По шоссе идти было опасно, поэтому шли по снегу рядом с дорогой. Головные менялись через каждые три - четыре минуты. Когда часа через три добрались до Мятлева, сильно устали.

Еще издалека слышали разведчики станционные шумы: гнусавое пение рожков, свистки и гудки паровозов.

На станции были потушены все огни. На подъездных путях стояли два эшелона с танками, против обыкновения не укрытыми брезентом.

Парашютисты решили не подрывать эшелоны, а ограничиться

разрушением станционных путей и взрывом моста у платформы Костино.

Туда, в Костино, пошли Старчак, Петров, Авдеенко, старшина Гришин и старый телефонист, фамилию которого десантники так и не узнали. Он был убит часовыми, охранявшими железную дорогу, когда десантники отходили от Мятлева. Воинским салютом старому мирному человеку, неизвестному партизану был взрыв моста близ платформы Костино.

Через несколько дней двадцать восемь исправных танков составили трофеи частей, захвативших Мятлево.

Все решительней действовали парашютисты на Варшавском шоссе. Они не ждали, когда враг подойдет к ним, а сами нападали на противника, вселяя в него чувство страха, обреченности и расстраивая всю сложную тыловую машину.

После каждого боя недосчитывался Старчак кого-либо из товарищей. Роты стали взводами, взводы - отделениями... И лишь отряд оставался отрядом.

Вторую неделю уже действуют десантники в расположении вражеских войск. Взлетают на воздух железнодорожные и шоссейные мосты, падают в снег телеграфные столбы, в пружины свиваются перерезанные провода, целыми пачками идут в Германию похоронные извещения в конвертах с черной каймой.

Кабачевский сообщил Старчаку итоги боевых действий своей группы. Донесение было написано на листке из ученической тетради. Группа Кабачевского уничтожила 167 солдат и офицеров, взорвала мост, перерезала линии связи в 57 местах, обстрелял а десять автомобильных колонн. Потери группы были таковы: убиты один офицер, три сержанта, восемь рядовых, трое ранено, десять человек обморожено. Как видно, мороз, вопреки утверждениям гитлеровских пропагандистов, не был нашим союзником. И мороз и глубокий снег мешали действиям парашютистов, приводили к потерям, не меньшим, чем те, которые наносил десантникам противник.

Миновало две недели суровых боев, пошла третья. Парашютисты устали так, как никогда еще не уставали. Старчак видел это. Он сам валился с ног. Но он знал: надо действовать, ибо остановка равносильна поражению.

Петров и Бедрин, ходившие в разведку, донесли Старчаку, что по шоссейной дороге движется большая колонна танков и автомашин. Командир решил пойти на хитрость. Вклинившись в середину вражеской колонны, группа десантников открыла из трофейных миномётов и пулеметов огонь. Не разобравшись в темноте, в чем дело, гитлеровцы, находившиеся в голове колонны, повели огонь по своим же автомашинам и танкам,

замыкавшим ее. Там также началась беспорядочная стрельба.

Пока по обочинам шоссе, то и дело проваливаясь в снег, бежали связные и начальник колонны, размахивав пистолетом, наводил порядок, немало немцев погибло от огня своих же солдат.

Росли боевые трофей парашютистов. Они захватили много автомашин, мотоциклов, минометов, винтовок. Однажды десантникам удалось задержать огромный обоз, состоящий из ста двадцати подвод. Лошадей выпрягли и угнали в лес. Обоз остался на дороге, а потом его передали армейским частям.

Очень не хотелось, чтобы у читателя создалось впечатление, что малые и большие победы легко доставались отряду Старчака.

Нет, недаром указывают, что предельный срок пребывания десантной группы в расположении вражеских войск - три дня. Так велика физическая и нервная нагрузка.

А ведь шла уже третья неделя...

Тридцать пять километров от станции Мятлево, которую захватил отряд Старчака, до Юхнова, всего тридцать пять... И была у командира парашютистов мечта: вместе с передовыми частями войти в этот городок. К сожалению, она не сбылась...

Чтобы вывести свою боевую технику из-под удара, немецкие инженерные подразделения возводили на реках ледяные переправы. Старчак решил помешать противнику. Он и его товарищи устраивали препятствия в виде наледей и полыней, расположенных в шахматном порядке, вскрывали участки льда на реках, взрывали ледяные мосты. Десантники не давали себе ни минуты передышки, пробивая пешнями проруби.

Работали, стоя по колено в ледяной воде. Старчак первым вошел в воду, увлекая за собой других, - иного выхода не было: разведчики доносили, что приближается огромная колонна вражеских танков, и надо было во что бы то ни стало преградить ей путь.

Коченели ноги. Но капитан не мог разуться: чтобы снять, валенки, покрытые коркой льда, их пришлось бы разрезать. Он мечтал о том, что, закончив устройство препятствий для танков, пойдет вместе с товарищами в лес, разведет костер, согреется, обсушится. Потом Иван Георгиевич перестал ощущать боль в ногах. Это немного успокоило его.

Близился рассвет. Снег из черного сделался синим, потом голубым. Старчак почувствовал, что не может стоять, покачнулся и упал. Бедрин подбежал к нему:

- Что с вами, товарищ командир?

Старчак махнул рукой:

- Ничего, обойдется, видно, устал... Бедрин побежал за

Петровым и Авдеенко. Когда он вернулся, Старчак был без сознания. Парашютисты, сделав из досок, отодранных от снегозащитных щитов, носилки, положили на них командира. Разрезали валенки Старчака и смерзшиеся портянки, стали растирать его побелевшие ноги спиртом. Старчак не приходила себя.

- Плохо дело, - сказал Борис чуть не плача. Потерять командира теперь, когда вот-вот придут наши войска, теперь, после стольких испытаний, выпавших на долю парашютистов!

Бойцы понесли Старчака в лес. По глубокому снегу идти было тяжело, и четверки через несколько минут менялись.

Кузьмина пыталась привести Старчака в сознание. Он глухо стонал, а потом умолкал, стискивая зубы.

Парашютисты уложили командира в домике лесника, натопили печь и сидели молча, чтобы не потревожить больного.

Старчак бредил.

Радист связался со Штабом Военно-воздушных сил, и через несколько часов на опушке приземлился санитарный самолет. Летчик каким-то чудом нашел ночью лесок, где расположились десантники. Петров и Бедрин уложили Старчака в фюзеляж самолета, укутав командире теплыми куртками. Саша Кузьмина устроилась на сиденье, расположенном позади пилотского, и самолет, разбежавшись на лыжах, поднялся в воздух. Это было на восемнадцатый день боевых действий десантников во вражеском тылу близ шоссе Медынь - Мятлево- Юхнов. Тогда-то и сообщили в первый бомбардировочный полк о гибели Старчака.

Отряд вернулся из вражеского тыла без командира, отряд, где роты стали взводами, а взводы - отделениями. Было четыреста шестнадцать парашютистов, осталось восемьдесят семь.

Я попросил генерала, с которым беседовал о юхновском десанте, сказать, какую роль сыграли парашютисты Старчака в разгроме укрепленного района.

Воздушный десант под командованием Старчака затруднял врагу маневрирование резервами, а временами вовсе исключал это маневрирование. Парашютисты нарушили нормальную работу вражеского тыла, облегчили наступательные действия войск, ускорили окружение [122] кондрово-юхновско-мятлевской группировки противника. Все это позволило нашим войскам быстрее продвинуться вперед и легче сбить противостоящие им вражеские части.

Лучшим концом этой главы, как, впрочем, и всей повести, было бы возвращение отряда в Юхнов.

Но в повести о действительно случившихся событиях нет места вымыслу, пусть даже самому прекрасному. Поэтому

приходится оставить все так, как было на самом деле.

Весна

1

В этих записях будет сказано и о весне. О весне, какой она виделась Старчаку из окна Главного военного госпиталя в Москве.

Накануне двадцать четвертой годовщины Советской Армии, в сорок втором году, Центральное радио подготовило передачу в честь славной даты. У микрофона выступали рабочие, колхозники, ученые...

Но вот диктор объявил: "Несколько слов скажет бесстрашный командир парашютистов майор Иван Георгиевич Старчак".

Пленка с записью этой речи не нашлась, не оказалось ее и в Центральном архиве, где хранятся множество кинолент, фотоснимков, записей радиопередач. К слову сказать, там был обнаружен киножурнал, снятый в отряде Старчака в сентябре сорок первого года. А вот пленка с записью речи в Центральном архиве так и не нашлась.

Но не в этом дело. Важно, что через месяц с небольшим после того, как его привезли из-под Юхнова, Старчак был уже в состоянии сказать несколько слов перед микрофоном. Мастерство врачей и воля к жизни, присущая Старчаку, сделали то, что называют чудом.

Не берусь описывать госпитальную жизнь. Расскажу лишь о нескольких событиях, о которых узнал от Старчака и его жены, Наталии Петровны, от Бедрина и других парашютистов.

Что было до шестнадцатого февраля, Старчак не помнит: то и дело впадал он в забытье. А вот шестнадцатое февраля...

- Не знаю, откуда разузнали в госпитале, что у меня день рождения, вспоминает Старчак. - Подарков разных понанесли, бутылку кагора на тумбочку поставили, апельсины где-то раздобыли... А мне, сказать по совести, не до подарков...

Хирурги сказали Старчаку, что у него гангрена и надо отрезать ноги - иначе смерть.

Он отказался:

- А прыгать как я буду?

Врачи послали телеграмму Наталии Петровне, чтобы срочно приезжала. Она не знала, что Старчак в госпитале: он не хотел ее тревожить, думал, обойдется, и тогда-то можно будет рассказать все.

Наталия Петровна прилетела на самолете - помогли товарищи из Штаба Военно-воздушных сил.

Невесёлым было свидание Старчака с женой. Но она удержалась и не заплакала при нем.

Хирурги рассказали Наталии Петровне все, и она помогла уложить Старчака на операционный стол.

Он не боялся боли. Если бы сказали, что будут делать операцию без наркоза и при этом ноги останутся в целости он бы без колебаний согласился. Если бы...

Старчаку ампутировали обмороженные пальцы и пяточные кости на обеих ногах.

Как раз за день до операции записали на радио его выступление. И, наверно, тот, кто слышал передачу, не думал, что завтра Старчаку предстоит лечь под нож хирурга.

Не думали этого и молоденькие девушки из Баку и Кинешмы, приславшие Старчаку трогательные письма.

Одна из девушек писала:

"Дорогой Ваня! (Вы разрешите мне так называть Вас?), Мне очень понравилось Ваше выступление, и моим подругам тоже. Желаю Вам быстрее поправиться..."

Наталия Петровна улыбается:

- Видите, до сих пор письмо от девчат бережет, Это неспроста...

Да, много писем того времени сохранилось у Старчака. Скорей всего, об этом позаботилась сама Наталия Петровна.

Вот весточка с берегов Тихого океана. Мать Старчака пишет, что слышала по радио его речь. "Далеко до тебя, Ваня, а то бы приехала - очень уж видеть тебя хочу", - говорится в письме.

3

Товарищи часто навещали Ивана Георгиевича, не помогали никакие уговоры санитарок и врачей, просивших не беспокоить больного.

Одним из первых пришел летчик Константин Ильинский.

- У меня для тебя подарочек есть, - сказал он.

- Показывай, - улыбнулся Старчак.- Небось моя зажигалка?

- Черт возьми, позабыл...

- А что?

- Сумку штурманскую получил. А для чего мне новая? Так что бери... Э, да ты седеть начинаешь! Хорошо еще, что блондин, не так заметно. Виски совсем побелели.

- Это, Костя, снег лег подмосковный, декабрьский да январский.

Снега первой военной зимы... Вы окутали безыменные могильные холмики многих парашютистов. А потом, перед самой весной, покрыли сбитый вражеским снарядом самолет Константина Ильинского, тот самый самолет, на котором так часто, летал Старчак. И как-то не верилось скорбной; вести, что нет уже этого спокойного, доброго Константина Ильинского,

друга и однополчанина Николая Гастелло.

На войне больше разлук, чем встреч...

Часто бывали у Ивана Георгиевича Иван Бедрин и Борис Петров. Как только им давали увольнительную, они ехали на электропоезде из пригорода в Москву, добирались на медлительном трамвае в Лефортово, где расположен госпиталь.

Бедрин и Петров рассказывали командиру новости, говорили о том, что недавно десантники побывали в Кремле и получили из рук Михаила Ивановича Калинина ордена. Потом сфотографировались вместе с, Калининым.

Этот снимок есть у Старчака, и он, рассказывая о ком-либо из своих сподвижников, говорит:

- Вот он, рядом с Калининым. Безумной отваги человек...

В день рождения Старчака пробился через заслон санитарок к своему командиру старшина Бедрин. Он принес губную гармонику, поблескивающую никелем и лаком, звонкую, на двенадцать ладов.

- "Париж", - прочитал фабричное клеймо Старчак и спросил: - Ты что, во Франции побывал?

- Да нет, - засмеялся Бедрин. - Там немецкий офицер побывал, а от него она ко мне по наследству перешла... Без завещания.

Еще один подарок. Его принес генерал, занимавшийся десантными операциями.

Откинув полу халата, он показал Старчаку пистолет.

- Узнаешь?

- Вроде мой. Можно взглянуть?

Генерал вытащил пистолет из кобуры, и сверкнула серебром пластинка, привинченная к рукоятке.

На пластинке выгравировано "От имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий награжден личным оружием - пистолетом..." Ну, раз пистолет есть, можно опять воевать, - сказал Старчак.

- Нет; брат, рано еще говорить об этом...

4

Однажды пришел дежурный врач и спросил Старчака: - Как вы себя чувствуете, Иван Георгиевич?

- Отлично.

- У вас всегда один ответ, - улыбнулся врач. - Ну, раз отлично - придется вам принять английскую делегацию.

Через несколько минут в палату вошли в сопровождении главного врача несколько английских офицеров в белых халатах, накинутых на плечи.

Старший из офицеров, пожилой, рыжеволосый, назвавшийся

майором, членом военной миссии, сказал, что много слышал о подвигах Старчака и очень рад счастливой возможности побеседовать со столь отважным человеком.

- О русских парашютистах, - сказал майор, присаживаясь на стул рядом с койкой Старчака, - о русских парашютистах мы самого высокого мнения еще с тридцать шестого года. Некоторые наши военные обозреватели считают, что именно парашютисты, числом в две тысячи, спасли Москву в октябре прошлого года. Старчак улыбнулся.

- Хороша была бы Москва, если бы ее спасение или падение зависело от двух тысяч парашютистов!.. Нет, ваши обозреватели ошибаются. Столицу нашу спас весь наш народ.

- У нас это называется фанатизмом, - медленно подбирая слова на чужом для него языке, сказал майор. - Когда здравый смысл подсказывает, что сопротивление бесполезно, надо складывать оружие. Логика войны должна торжествовать, как и всякая другая логика...

- К чему вы это говорите? - спросил Старчак.

- А вот к чему. На протяжении этой войны ваши солдаты не сдавались там, где логика, здравый смысл, благоразумие - все говорило, что сопротивление бесполезно... Что это, как не фанатизм, слепая вера?

- Извините, нам такая логика не подходит, - ответил Старчак.

Майор грузно сидел на белом больничном стуле, далеко выставив свои ноги в щегольских, не форменных ботинках. Брюки цвета хаки были тщательно отутюжены, и складка четко отграничивала на них свет и тень.

Старчак внимательно посмотрел на майора и сказал:

- По-вашему - фанатизм, по-нашему - любовь к земле, на которой вырос и которую возвеличил трудом. Любовь к стране, где ты - полный хозяин и ответчик. Вам, господин майор, этого не понять, хотя и вы по-своему любите родину...

Майор пожал плечами:

- Собственно говоря, мы здесь не для того, чтобы обсуждать причины поражения немцев под Москвой, предоставим это будущим писателям.

- Если мы не объясним эти причины, историкам будет нелегко, - возразил Старчак. - Ну, да ладно... Что вас интересует?

- Меня интересует - у вас, кажется, это называется обмениваться опытом, меня интересует, как вы использовали трофейное оружие. Как обучали личный состав, как планировали обеспечение боеприпасами?..

- Мне кажется, - сказал Старчак, - что этот вопрос не совсем ко времени, и поэтому я не смогу ответить.

- Почему? Союзная армия хочет знать, каким образом действуют ее друзья.

- Прежде чем говорить об использовании трофейного оружия, надо попытаться захватить его, а союзная армия ждет, когда будет пришита последняя пуговица к парадным брюкам последнего барабанщика.

- Зачем так резко? Мы пришли как друзья. У нас общие идеалы...

- Идеалы!.. А сквозь снега наша армия идет в одиночку. Идеалы...

Врач, видя, что Старчак с трудом сдерживается, вежливо напомнил посетителям.

- Больной устал.

Майор поднялся со стула и стал для чего-то застегивать пуговицы белого халата:

- Верю в ваше скорое выздоровление. Надеюсь еще услышать про смелого командира русских парашютистов. Честь имею, господин майор!

Когда гости ушли, врач сказал Старчаку;

- Нельзя так. Надо как-то деликатней, дипломатичней, что ли. Неприятностей не оберешься. Все же союзники...

- Не бойтесь, милый доктор, никогда ничего не бойтесь!..

- Они подарки вам принесли- шоколад, шпроты, вино, - вспомнил врач. - Я сейчас пришлю с санитаркой.

. - У меня все есть - вон сколько понатащили. Отдайте-ка английские дары другим раненым. По своему усмотрению.

Когда врач вышел, Старчак - впервые за все эти дни - поднес ко рту гармонику, подарок Ивана Бедрина, и стал наигрывать какую-то мелодию, в которой переплетались грусть и надежда...

Койка стояла у самого окна, и Старчак видел черные ветви, уже стряхнувшие с себя снег, видел серые сникшие сугробы. И ему вспоминались белые декабрьские и январские снега там, в тылу...

Пятого марта Старчака навестил Андрей Кабачевский. После зимних рейдов он стал капитаном.

- Ну, Иван Георгиевич, есть для тебя подарочек.

Старчак усмхнулся.

- Девать их уже некуда.

- Как знаешь...

- Ну ладно, выкладывай.

- Сегодня освобожден Юхнов... В полночь будет об этом в сводке.

- Открой, брат, окно, - попросил Старчак.

- А не заругают? - покосился на дверь Кабачевский.

- Я отвечаю!

Кабачевекий соскоблил ножом замазку и распахнул окно.

И сразу же ворвался в палату холодный влажный воздух, прогнав прочь больничные запахи и заставив трепетать занавеси.

- Значит, перезимовали, - сказал Старчак. - Весна...

5

Лишь поздней осенью, и то на костылях, вышел Старчак из госпиталя.

Но, он добился, чтобы ему разрешили полеты. - Только уговор, - сказали в штабе, - никаких прыжков!

Иван Георгиевич вновь стал готовить парашютистов к рейдам в тыл врага и сам неизменно сопровождал своих воспитанников. Четыреста часов провел он во время войны в полетах над территорией, занятой врагом.

Еще одна цифра. Он подготовил столько парашютистов, что из них можно было бы создать не один отряд, подобный тому, каким он командовал в Юхнове. Ну, а как насчет прыжков? Ведь в сорок девятом году Старчаку присвоили звание заслуженного мастера спорта, неужели только за довоенные успехи?..

Среди снимков, которые я видел у Старчака, мое внимание привлек один. Здесь запечатлен Старчак после прыжка с парашютом.

Купол еще не погашен, и парашютист, несколько откинувшись назад, старается сохранить равновесие.

- Давно фотографировались? - спросил я.

- Уж и не помню, наверно, еще до войны...

Зато Наталия Петровна рассказала все. - Он уже после госпиталя прыгал, с его-то ногами! Это не снимок, а настоящей фотообвинение. Попало ему как следует, а дома я добавила. Еще оправдываться вздумал, что высота небольшая. Как будто я не знаю, с какой высоты прыгают...

Старчак вынужден был сказать правду. Он просил лишь, чтобы я не писал об этом прыжке.

Но ведь цель автора - поделиться с читателями всем интересным в жизни героя, и я долго доказывал это Старчаку. - Ладно, - согласился он, - только не расписывайте.

И чтобы нечего было "расписывать", не сказал больше ни слова о своих прыжках с парашютом.

Новые встречи

Остается, по старому доброму правилу, рассказать о дальнейшей судьбе героев.

Прежде всего о Старчаке. Ему не довелось увидеть освобожденный Юхнов, зато он был среди тех, кто испещрил своими подписями стены рейхстага в Берлине.

Может быть, он и доныне служил бы в армии, если бы не автомобильная катастрофа, случившаяся в пятьдесят втором году. Крепко пострадали и без того израненные ноги Старчака. Пришлось уволиться в отставку. Но, как и прежде, у него каждая минута на счету. Обучение молодых парашютистов, выполнение множества партийных поручений, работа в различных комиссиях. Да мало ли дел у человека, который привык трудиться! Несколько слов о других героях повести.

Уже было сказано, что многие не отозвались на перекличке, которую провел Старчак.

Погиб на Северо-Западном фронте, преодолевая со своей ротой водный рубеж, старший лейтенант Анатолий Левенец. Старчак разыскал его мать и рассказал ей все, что знал о сыне. Взорвал себя, уничтожая мост в тылу врага, неподалеку от Мозыря, бесстрашный Мальшин, тот самый, который всегда дружески подшучивал над Улмджи Эрдеевым, заставляя его чистить свой автомат.

Не стало мужественного и великодушного Бориса Петрова. Его мать Евфалия Михайловна переслала мне из Вурнаров письмо парашютистки-разведчицы Людмилы Беляевой, рассказавшей,, при каких обстоятельствах он погиб. В августе сорок третьего года самолёт, на котором Петров возвращался после выброски десанта во вражеском тылу, был подбит и загорелся. Борис пропустил вперед, к дверям, товарищей, а когда хотел выпрыгнуть сам, самолет уже был объят пламенем...

Казнен в сорок четвертом году в центральной тюрьме гестапо в Риге отважный парашютист-разведчик Анатолий Авдеенко. К сожалению, в этих записках его имя почти не встречается, но, быть может, удастся рассказать о нем особо.

Авдеенко оставил жену, разведчицу-радистку Аню, и маленькую дочь Светлану. Совсем недавно я разыскал их, и Светлана, ставшая уже студенткой торгового техникума, тотчас же поехала к Старчаку. Он, сразу же узнав дочь товарища, рассказал ей об отце.

Комиссара Николая Щербину, своего верного друга, Старчак потерял из виду: изменчивая военная судьба раскидала их в разные стороны. Доходили стороной вести о том, что Щербина отличился в боях, был тяжело ранен. Однажды - это было уже после войны - кто-то из общих знакомых передал Старчаку привет от Щербины, сказал, что тот уже подполковник. Адрес у Щербины в то время должен был измениться, поэтому писать пока было некуда.

Щербина уехал в какие-то дальние края, потом уезжал Старчак. И так они, потеряв друг друга из виду, не смогли ни

встретиться, ни завязать переписку.

Несколько лет спустя Старчак стал наводить справки о Щербине, Он обращался в Управление воздушно-десантных войск, в Политическое управление и во многие другие организации. И наконец ему сообщили, что Щербина умер в сорок девятом гаду от ран, полученных на войне.

Не довелось Старчаку встретиться и с бесстрашным парашютистом Петром Балашовым. Он перешел в пятьсот шестьдесят девятый штурмовой авиационный полк, стал командиром эскадрильи. Петр Балашов участвовал во многих воздушных боях, храбро сражался и погиб. Но имя его помнят и спортсмены, и военные парашютисты, и летчики полка тяжелых бомбардировщиков, и летчики пятьсот шестьдесят девятого штурмового полка, которых он водил в бой. Балашов прожил чуть больше тридцати лет...

Александр Буров теперь главный металлург большого завода.

Остался в живых и земляк Бурова Руф Демин. Простая русская семья Гущевых спрятала и выходила его. Как только деревня была освобождена, Дёмина увезли в госпиталь.

Там он пролежал почти полгода, перенес семь операций и вернулся в Кольчугино на протезах.

Я встретился с ним совершенно случайно на смотре любительских духовых оркестров. Демин приехал в Москву вместе с музыкантами из Кольчугинского Дворца культуры, где он руководит оркестром.

Встретившись с Деминым после стольких лет разлуки, Старчак сказал:

- А ты, Руф, все такой же крепкий. Помнишь, как в Юхнове мы с тобой боролись?

- Нет, не помню, - рассмеялся Демин, - А вот того, что вы отослать меня назад в Кольчугино собирались, никогда вам не прощу!..

Многие бойцы отряда Старчака погибли. Из двенадцати кольчугинцев вернулись с фронта лишь трое - Буров, Демин и третий их товарищ, Константин Власов. Дорогой ценой завоевана победа...

Не знает Старчак, что с Кузьминой, не известна ему судьба Гриши Туляка и многих других боевых товарищей. Может быть, прочитав эти строки, они или их близкие отзовутся?.. Ведь многие из тех, чья судьба оставалась неизвестной Старчаку, откликнулись, и вновь возрождается фронтовое товарищество.

К своему командиру часто приезжают из Раменского работающие и живущие там друзья - Андрей Гришин и Сергей Шкарупо. Навещают Старчака Александр Буров и Афанасий

Вдовин, ныне бригадир в орловском колхозе. Приезжает Георгий Кириллович Авдулов, начавший войну рядовым бойцом н ставший подполковником. Шлет письма из Свердловска подполковник Андрей Прохорович Кабачевский.

Часто бывает у своего командира Иван Андреевич Бедрин. Он летал на самолете-штурмовике, участвовал в сорок третьем году в знаменитом сражении на Курской дуге, был тяжело ранен в воздушном бою...

Раз в год, в ясный летний денек, Старчак и его товарищи по оружию собираются в Москве и отправляются по Варшавскому шоссе в Юхнов.

Однажды автобус, в котором ехали Старчак и его товарищи, обогнали трехосные бронированные грузовики с эмблемой воздушно-десантных войск - белыми крыльями самолета и раскрытым куполом парашюта. Молодые десантники, сидя плечо к плечу в кузовах машин, что-то пели... Ветер относил их песню, но чувствовалось, что песня эта, бодрая, задорная, зовущая вперед.

- Наша смена, - сказал полковник Старчак. - Надежная смена.

За окнами мелькали перелески, поля, отстроенные после войны села - все, что так дорого сердцу.

Полковник и его спутники знают: рано успокаиваться, рано складывать оружие. Они слышат угрозы, которые выкрикивают наши недруги.

Старчак сидит у окна, и встречный ветер треплет страницы книжки, которую он читает. На черной обложке два самолета выбрасывают из своих чрев десант. "Внимание, парашютисты!" - вытиснено на картоне...

Автор книги Алькмар фон Гове. Он пытается внушить читателю, что немцы потерпели поражение потому, что фюрер недооценивал парашютные войска.

Недобитый гитлеровец взывает к будущим завоевателям: "Не повторяйте роковой ошибки! Вперед по воздушным мостам!.."

А чтобы они, будущие завоеватели, чувствовали себя уверенней, подбадривает их: "Страна, где невелика плотность населения, может быть названа "пространством без народа". Не будет никакого риска, если вы прогуляетесь туда, где мирно зреют хлеба и виднеются редкие крестьянские домики, на своих вертолетах, самолетах-вагонах, конвертопланах!.."

Старчак читает полные спеси и скрытой обиды строки, и ему вспоминаются первые гитлеровские парашютисты, которых он видел тогда, в июне сорок первого года, на шоссе близ Минска. И ярче других встает в памяти один из них, тот самый, молодой, светловолосый, лежавший навзничь, раскинув ноги, обутые в

высокие шнурованные ботинки. Вспоминаются его сухие голубые глаза, уже не видя, смотревшие на солнце...

Что привело его на чужую землю, ставшую для него могилой?

Какими словами прельстили его гитлеровские пропагандисты?

Что думал он в свой последний миг?

Новый фашистский вещатель Алькмар фон Гове вербует новых авантюристов, обещая им удачу в чужом небе и на чужой земле.

Автобус, в котором едет Старчак с товарищами, то опускаясь в ложбины, то поднимаясь на взгорья; мчится по узкой ленте шоссе.

А справа и слева мелькают рощи, пробегают деревни, тянутся золотые поля...

"Здесь, на этих полях, - советует Алькмар фон Гове, - могут пройти танки высаженных с воздуха дивизий, сосредоточиваясь для нанесения сокрушительного удара по жизненно важному району страны... С неба будут "падать" целые воздушно-десантные дивизии, чтобы тут же развернуть боевые действия, или "воздушно-десантные роты и взводы, имеющие диверсионные и другие специальные задания, выполнив которые они снова будут взяты на самолет и исчезнут, как мираж..."

"Гладко было на бумаге, да забыли про овраги а по ним шагать", - думает Старчак, закрывая книгу.

- Ну что ж, - говорит он, отвечая своим мыслям, - в Музее Советской Армии, где сложены знамена поверженного гитлеровского, воинства, найдется место и для знамен, под которыми рискнули бы пойти на нашу землю будущие завоеватели.